

РОМАН ЗАЛОГНИКОВ

Арбендеин
Долгое море

Annotation

Полноценное воплощение Темного бога — Шиг-Хаоры в земле Глыхныг создает серьезную угрозу как для людей, так и для других светлых рас. Поэтому император отправляет Троя, герцога Арвендейла, с дипломатической миссией в Светлый лес и к Подгорному трону. Трой прекрасно понимал, что с гномами, а тем более с эльфами договориться будет нелегко. Владыки каждой из рас считали себя умнее, проницательнее и изворотливее других. И даже общая опасность не позволяла забыть им старые обиды. Впрочем, кому, как не герцогу Арвендейлу, удастся убедить их в обратном?..

- [Роман Злотников](#)

- - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Роман Злотников

ДОЛГОЕ МОРЁ

Высокородная Кастимионэль, Старшая элери Великого дома Аэливар и самая признанная Великая провидица народа эльфов, стремительным шагом вошла в свои покой и, стянув длинные, по локоть, церемониальные перчатки из тончайшего, словно паутина, эльфийского шелка, раздраженно швырнула их на туалетный столик.

— Свириниэль!

— Да, госпожа! — Выдрессированная прислужница мгновенно возникла в проеме двери, испуганно уставившись на свою госпожу максимально преданным взглядом. Старшая элери Аэливар была истинной аристократкой. Из древнего рода. Очень древнего. Да и сама она была... м-м-м... ну-у-у... не то чтобы так уж и молода. Хотя, скажем, какой-нибудь человек вполне мог бы принять ее за весьма юную особу. Ну-у-у... если бы леди, по каким-то причинам, понадобилось, чтобы кто-то из этих полуживотных ее за таковую принял. Основа для этого у нее вполне наличествовала — свежая и гладкая, без единого изъяна кожа, сочные губы, высокая грудь, густые, блестящие волосы... Так что достаточно было продемонстрировать немного легкомысленности, жизнерадостности и столь присущей юности шаловливости, и любой человек посчитал бы, что перед ним юная и наивная эльфийка, чей возраст, возможно, даже еще не перешагнул порог детства, которое хоть и тянется у эльфов куда дальше, чем у людей, но все равно так же довольно скоротечно. Впрочем, подобное можно было провернуть только с этими полуживотными, каковые в своей неизбывной глупости всегда мерили окружающих, исходя из реалий своего убогого вида и своих собственных не менее убогих традиций. Ну, или с орками, которые суть — животные, только лишь обезьянничающие за истинными разумными... Никого из эльфов все эти внешние признаки обмануть не смогли бы. Потому что существовала масса различных примет и знаков, явственно различимых любым эльфом, на основании которых он мог бы более-менее точно идентифицировать истинный возраст любого из своего народа. Оттенок волос, с возрастом становящийся более глубоким и насыщенным, их истончившиеся концы, заставляющие зрелых эльфиек заплетать волосы в косы или сооружать на голове иные, куда более сложные прически, утолщение, и пусть и едва-едва, но все же вполне

заметное любому эльфу изменение формы ушных хрящей, а также еще добрый десяток подобных мелочей, не увидеть которые способны только люди. Впрочем, они, похоже, даже орков отличают от своего вида только по торчащим из пасти клыкам и зеленоватому оттенку кожи. Хотя и это еще не факт! В конце концов, и среди людей имеется масса пород, различающихся тем же цветом и оттенком кожи... Но в случае с Высокородной никому из эльфов не потребовалось бы даже приглядываться. Ибо Великую провидицу народа эльфов знал каждый эльф. Причем не только то, как она выглядит, но и во что предпочитает одеваться, какими духами пользоваться, а также... м-м-м... скажем осторожно — все присущие ей особенности ее характера и воспитания. А воспитывалась Высокородная Кастиционэль в те далекие времена, когда эльфы еще... скажем так, в полной мере несли свое великое бремя Первородных и возложенную на них Создателями этого мира великую миссию. А именно — вести всех остальных разумных этого мира к свету, разуму и любви. И были твердо уверены в том, что те, на кого возложена столь великая миссия, не могут позволить себе никаких слабостей. Ни внешних, ни тем более внутренних. Так что свою молодежь древние эльфы воспитывали в полном осознании того бремени, которое падет на их плечи при вступлении во взрослую жизнь...

Именно поэтому подавляющее большинство из ныне живущих эльфов при первых же признаках того, что им на пути может встретиться Старшая элери Великого дома Аэливар, старались тут же забиться в какую-нибудь самую укромную и глухую дырку, моля Великую мать, чтобы пронесла, не попустила, отвлекла... Однако шанс на то, что Великая мать поможет с этим, был лишь у тех, кого свел с Высокородной Кастиционэль только лишь случай. Тем же, на кого Великий дом Аэливар возложил обязанность прислуживания одной из своих столпов, приходилось гораздо хуже...

— Купальня готова?

— Да, госпожа... — Прислужница склонилась в глубочайшем поклоне. В принципе, согласно эльфийским традициям, этого не требовалось. Более того, Свириниэль, являющаяся прапраправнучкой Высокородной Кастиционэль, сама принадлежала к числу высокородных элери Великого дома Аэливар. А кроме того, она, как и любая эльфийская аристократка, являлась обученной ведающей, причем довольно сильной. Так что по формальному статусу они были равны (ну, почти...). И то, чем она занималась в покоях своей прапрабабушки, официально именовалось «помощью старшей родственнице», а отнюдь не услужением высокородной госпоже. Вследствие чего подобных выражавших почтение жестов от нее вроде как не требовалось. Более того, теоретически она

вполне могла возмутиться, высказав старшая родственница требование приветствовать ее подобным образом. Которое Высокородная, кстати, никогда и не высказывала. Просто... в доме Аэливар так было принято. Испокон веков. И все эти века неукоснительно соблюдалось. Что же касается возможности возмутиться или просто отказаться соблюдать принятые правила... Свириниэль была бы очень не против поглядеть, что может случиться с той из весьма многочисленных «помощниц» Старшей элери, которая посмеет хотя бы намекнуть на нечто подобное в присутствии Высокородной Кастиционэль. А впрочем, нет, — против. Жизнь в Высоком доме Аэливар и так не сахар. Даже по эльфийским меркам. Незачем усугублять ее еще и ночными кошмарами...

— ...с лавандой и настоем береники, — тихо закончила Свириниэль.

— Что-о-о?! — Великая провидица народа эльфов резко развернулась и гневно уставилась на свою служанку. Ну, или прапраправнучку. Кому как удобно... а затем свирепо прошипела:

— Да ты в своем уме? Какая береника?! Сегодня второй день Лунных перкалий! А друиды Восточной дубравы еще третьего дня объявили, что осенний дубовый сок загустел и побелел! Ты когда-нибудь научишься пользоваться своей тупой головенкой, бледная бестолочь?!

— Да, госпожа, — испуганно залепетала Свириниэль, склоняясь перед своей прапрапрабабкой в низком поклоне, — прошу меня простить, госпожа! Я немедленно все исправлю, госпожа!

— Тупая, бестолковая дрянь! — еще раз прошипела Высокородная Кастиционэль. — Пошла вон... — После чего повернулась и широким шагом двинулась в сторону огромной гардеробной, размеры которой могли поспорить с бальными залами в некоторых баронских замках этих короткоживущих червей, внешний вид которых, сильнее других разумных похожих на истинных Первородных, с младых лет приводил Высокородную в еле контролируемую ярость...

Когда Кастиционэль, переодевшись, вновь вышла в главную залу своих апартаментов, ее уже ждали. Причем в отношении этого гостя даже Высокородная поостереглась бы спускать с поводка свой несносный характер. Во всяком случае, слишком часто и уж тем более по пустякам. Хотя отказать себе в шпильке все равно не смогла:

— Ты опять хлещешь мое вино, лорд Аэливар!

Нежданный гость повернулся к ней и смерил Высокородную злым взглядом:

— Что ты устроила на Совете, Кастиционэль?

Красивое лицо Старшей элери Великого дома Аэливар перекосилось в

злобной гримасе.

— Эта тупая курица на троне меня уже достала!

Гость криво усмехнулся:

— Насколько мне помнится, именно ты тогда настояла на том, чтобы наш Дом поддержал ее кандидатуру на выборах Владычицы.

— Да, и готова вновь повторить все те аргументы, которые приводила тогда... Но все равно она меня достала! И в первую очередь — именно своей тупостью. Это же надо было ляпнуть такую чушь? — Тут лицо Высокородной презрительно скривилось, а в голосе появились нарочито слашавые нотки: — Я настаиваю на том, что мы обязаны исполнить наш древний закон и отправить Мастера жизни и Мастера растений в столицу людей для того, чтобы он попытался возродить меллирон скалы Северин!

Ее собеседник помрачнел и сделал большой глоток. Очень большой. Потом покосился на Высокородную, которая к настоящему моменту успела добраться до большого роскошного кресла, скорее даже полудивана, стоявшего с другой стороны сервировочного столика, уставленного легкими закусками, кувшинами с напитками и вазами с фруктами и печеньем, рядом с которым сидел он сам, и весьма живописно устроиться на нем, и пробурчал:

— А что ты предлагаешь — пойти на конфликт с друидами, которые...

— Да плевать на друдов! — Кастимионэль, как раз в этот момент ухватившая из вазы с фруктами спелый плод ашобли, разъяренно подпрыгнула и швырнула его об стену, украсив драгоценные обои из паутинного льна мокрым, грязным пятном. — Эти замшелые мухоморы не хотят ничего видеть дальше своих меллиронов и своего собственного носа, поросшего лесным мхом. Да после того, как один из этих короткоживущих ублюдков, только по какому-то недоразумению или, возможно, жестокой насмешке Великой матери, слегка напоминающих истинного Первородного, разогнал из Эллосиала всех этих тупых говорящих животных со всеми их уродливыми созданиями, в распускаемых ими слюнях можно запутаться! Как же — они получили возможность вернуть «благословенные деревья» на их «исконные места»!!! Тьфу, бараны! Ну как они не понимают, что этим действием усиливают этого урода Марелборо и ослабляют Великий лес!

— Светлый лес, — холодно поправил Великую провидицу Глава Великого дома Аэливар.

Высокородная аж захлебнулась и, развернувшись к своему собеседнику, боднула его таким яростным взглядом, что тот аж отшатнулся.

— Ф-ф-ф-вел-л-л-ликй лес, сопляк, — яростно прошипела она, — ф-

вел-ликий... и никакого другого не будет! Эльфы вернут с-с-себе власть над этим ш-ш-шмиром или исчезнут! Третьего не будет!

Глава дома Аэливар зло стиснул зубы и промолчал. Он никог... вернее, очень не часто видел свою прарабабку такой взвешенной. И уж точно никогда не хотел бы оказаться на месте того, кто вызвал на себя подобный гнев. Даже учитывая то, что официально, по статусу, она являлась его подчиненной. Потому что официальный статус — это одно, а реальный расклад сил — совершенно другое...

Впрочем, похоже, ярость сидевшей перед ним Высокородной все-таки по большей части оказалась направлена вовсе не на Главу Дома. Потому что того продолжения, которого так опасался Высокородный, так и не последовало. Более того, сразу после своей вспышки Великая провидица откинулась на спинку своего огромного кресла и, подняв руки и надавив пальцами на оба своих виска, на какое-то время замерла, прикрыв глаза тонкими веками, кожа на которых aristokratically отливалась синевой. Посидев так пару минут, она опустила руки и, шумно выдохнув, повернулась к своему собеседнику. Буквально натянув на лицо улыбку, которую никто бы не посмел назвать извиняющейся, она негромко произнесла:

— Прошу простить меня, Глава, вы сами знаете, что сегодня был довольно тяжелый день, а я уже не настолько... м-м-м... владею своими нервами, как более молодые Перворожденные. — Тут ее улыбка опять начала превращаться в оскал, поэтому Высокородная Кастиционэль оборвала свой спич и захлопнула рот. Причем сделала это она с явственно различимым стуком зубов. Несколько мгновений в зале висела напряженная тишина, после чего высокопоставленный гость сглотнул и, шумно выдохнув, произнес максимально нейтральным тоном, на который только оказался способен:

— Кхм... э-э-э... да-да, вы правы, Высокородная... вам просто необходимо отдохнуть...

— Что-о-о? Ты считаешь меня немощной старухой? — тут же вскинулась Кастиционэль, но не успел Глава Великого дома снова испугаться, как тут же рассмеялась: — Не беспокойся, мой мальчик, я в порядке. Хотя отдохнуть мне все-таки действительно не помешает. И-и-и... — она сделала короткую паузу, — я понимаю, что решения Совета, утвержденные Владычицей, уже не изменить, но ведь ты понимаешь, что выполнить их можно очень, очень по-разному. В том числе и так, чтобы результат их исполнения оказался полностью противоположен тому, на который рассчитывали те, кто инициировал принятие этих решений.

Поэтому я прошу тебя подумать над тем, как сделать так, чтобы это решение было исполнено... наилучшим образом. Наилучшим именно для Великого леса. Ты меня понял?

Глава снова насупился, но затем нехотя кивнул:

— Я попробую, но-о... исполнение этого решения возложено Владычицей на друидов. А как вы сами знаете, у нашего дома не слишком хорошие отношения с Кругом. Так что...

— И все же я прошу вас постараться, Глава, — настойчиво повторила Кастиционэль, перейдя на официальный тон. — А сейчас прошу меня простить — мне действительно нездоровится...

Едва выйдя за дверь покоев Великой провидицы, Глава Великого дома Аэливар привалился к стене и рванул пальцами жемчужную застежку ворота. Вот так всегда! Когда бы и в каком бы состоянии он ни заходил в покой Высокородной Кастиционэль — пылая гневом и будучи совершенно убежденным в своем праве карать и миловать, или вот так, как сегодня, предельно собранным и с целым набором холодных, логичных аргументов, — это всегда оборачивалось тем, что его прапрабабка поворачивала разговор так, как сама считала нужным. После чего Глава Высокого дома покидал ее покой озадаченным донельзя и с полным ощущением того, что для него будет лучше как следует постараться и выполнить все, озвученное Высокородной. Иначе плохо будет всем. А уж ему в первую очередь. Ну почему, почему он до сих пор не способен преодолеть свой собственный страх перед этой престарелой тварью? Да чтоб она сдохла!

Кастиционэль же после ухода одного из своих праправнуров, которого она сама совсем недавно, всего около двадцати лет назад пропихнула на должность Главы Великого дома Аэливар, некоторое время молча сидела в своем кресле, глубоко дыша и прогоняя воздух через ноздри. Да уж, давно она так не заводилась. Или действительно — старость... Высокородная чуть привстала и бросила тревожный взгляд на хрустальное зеркало. Хм-м, да нет вроде... Впрочем, денек сегодня явно не задался. Сначала эти тупицы в Совете, затем эта бестолочь Свириниэль, а этот сопляк вообще выбесил! Надо же, приперся требовать ответа. И от кого? Совсем нюх потерял, что ли?.. Когда она проталкивала его на место Главы, это казалось ей отличной идеей. Молодой Тинувиэль (такое имя тогда носил нынешний Глава Великого дома Аэливар) был туповат, но исполнен апломба и при этом считал себя крайне недооцененным. Короче, обладал просто великолепным букетом качеств, необходимых для успешного манипулирования со стороны. Лучшего и пожелать было нельзя! Так что

Кастимионэль посчитала, что он будет в ее руках великолепным орудием. И-и-и... в принципе так оно и произошло. Подавляющее большинство решений, принятых нынешним Главой Великого дома Аэливар, так или иначе либо ничуть не противоречили ее планам, либо были прямо инициированы Старшой элери. Нет, Кастимионэль отнюдь не отдавала Главе дома никаких прямых приказов. Еще чего! Подобные действия только разрушили бы всю ее власть над этим тупицей. Разумные со столь большим апломбом, получившие высокую должность, обычно крайне болезненно относятся к любым покушениям на свой статус и даваемые им права. Так что подобные наезды типа того, что она позволила себе только что, Высокородная Кастимионэль использовала очень и очень нечасто. Большую часть же времени она действовала куда более тонко, позволяя этому сосунку считать, что все в доме делается исключительно по его и только его воле. В чем, кстати, ей очень помогал ее титул Великой провидицы... Более того, и сам Глава, и многие в Доме были уверены, что некоторые решения Глава принял назло, а то даже и в пику своей старшей родственнице. И лишь очень немногие догадывались, что эти самые «назло» на самом деле были умело инициированы ей самой. Незаметно. Исподтишка. Ведь любому взрослому высокородному эльфу было известно, что для того, чтобы управлять разум... вернее не очень разумным существом, достаточно умело дергать его за ниточки его слабостей. Ну, как марионетку. Однако лишь немногие понимали, что настоящие мастера-кукольники управляет марионетками, не только *натягивая* одни нитки, но и *ослабляя* другие. А вершиной мастерства у них считается сделать так, чтобы зрителям со стороны казалось, что у марионетки вообще нет никаких ниток и кукла живет полностью свободно и совершает поступки исключительно по своей воле...

— Свириниэль!

Стройная фигура прислужницы тут же возникла в проеме дверей, молча склонившись перед Высокородной.

— Как там моя купальня?

— Свежая вода готова, госпожа, — быстро ответила эльфийка. — И я принесла Максиновый и Лунный сборы. Но если вы хотите какой-нибудь другой...

Кастимионэль на мгновение задумалась, а потом устало махнула рукой.

— Максиновый подойдет. И-и-и... добавь в воду береники. Мне нужно успокоиться.

Свириниэль коротко поклонилась и быстро вышла из залы, изо всех

сил постаравшись, чтобы в ее глазах не мелькнуло даже тени обиды...

Купальня подействовала. А может, помогла дыхательная гимнастика. Или и то, и другое вместе взятое. Как бы там ни было, но когда после купальни Высокородная проследовала в свой покой для медитаций, ее желчь уже полностью успокоилась. Ну а поскольку в последнее время такое состояние духа являлось для элери Кастиционэль скорее исключением, чем правилом, Высокородная решила не упускать момент и попробовать разбудить свой дар. Ибо последние события, произошедшие как в империи людей, так и в земле Глыхныг, изрядно взбаламутили все ранее намеченные планы и выстроенные вероятности. Да что там говорить... одно возвращение Марелборо чего стоило! И ведь была же возможность совсем избавиться от этого Древнего, отчего-то воспылавшего столь необъяснимой любовью к этим полуживотным. Причем настолько сильной, что он не побрезгал не только встать во главе их самого крупного государства, которое сам же и создал, но еще и называться (подумать только) человеком! Именно называться, в этом Кастиционэль была совершенно уверена. Потому что мысль о том, что столь сильный маг и могучий владетель может не именоваться, а являться человеком, просто не могла уместиться в ее голове. Да и имелись у нее кое-какие предположения насчет того, кем Марелборо может быть на самом деле... Возможность была, но ею не рискнули воспользоваться. *Несправоцированная* смерть столь могущественной м-м-м... сущности могла обернуться для тех, кто послужил бы ее виновниками столь тяжким *ответом мира*, что он поставил бы абсолютный крест на любых их дальнейших планах. И ладно бы неприятности грозили только исполнителям. Все, кто имеет амбицию подняться на вершину власти, готовы к риску и опасности, ибо путь наверх всегда идет с ними рука об руку. Однако никто не мог поручиться, что *мир* не посчитал бы *достойными ответа* не только непосредственных виновников, а, например, весь их род, — Дом, а то и всю расу эльфов или гномов в целом. Вот потому-то декавират самых могущественных магов и владетелей эльфов и гномов, который и принял решение устраниТЬ эту сущность, решил ограничиться всего лишь могучим проклятием, которое вцеплялось в разум и ауру проклятого, понадеявшись на то, что оно само по себе сумеет так или иначе устраниТЬ столь серьезное препятствие для их планов. Смерть по косвенным причинам должна была изрядно ослабить возможный ответ, а то и вообще полностью исключить подобную угрозу. А ее вероятность была очень высокой. Ибо под наложенным проклятием эта непонятная древняя сущность (ну так считала Кастиционэль, напрочь отказывающая людям в наличии сколько-нибудь серьезных возможностей)

становилась всего лишь немногим сильнее любого рядового полуживотного, именуемого человеком. Увы, этого не произошло... Ну что ж, раз ситуация изменилась — значит, пришло время изменить и планы. Как минимум — свои собственные. Потому что тот декавират, который принимал решение по Марелборо, уже давно не существовал. Трое из его прежних членов уже «ушли вслед за богами», один умер сам, еще двое удалились от дел, а остальные... О-о-о, остальные с того момента по большей части стали самыми большими врагами друг для друга. Впрочем, это обычное дело среди тех, кто имеет волю и амбицию править разумными...

Приняв подобное решение, Высокородная подошла к изящному резному шкафчику и, распахнув украшенные тонким узором двери, задумалась.

Великое прорицание — дело очень серьезное. К нему готовятся долго или очень долго. Причем в этой подготовке участвует далеко не только сама Провидица. Даже если она вполне заслуженно носит титул Великой. Хотя ей, конечно же, достается больше всего... А вообще в Великом прорицании задействованы очень многие. Скажем, даже начальный уровень Великого прорицания, затрагивающий интересы всего одного эльфийского Великого дома, требует использования в ритуале энергии как минимум шести меллиронов. И это только начальный, который далеко не всегда способен принести ответ на более-менее сложный вопрос. Сама же Кастимионэль за свою жизнь принимала участие в куда как более экзотических вариантах. В одном из них, кроме эльфов и меллиронов, были задействованы еще и три связанных места силы, артефакты гномов, сами гномы и-и-и-и... эти полуживотные. Хотя Высокородная и была категорически против их участия. Была, но все-таки согласилась участвовать... А куда было деваться, если на их участии настоял Совет Владычицы? Так что у нее был только один выбор — либо согласиться, либо... просто не участвовать. Отказаться же от участия было бы куда большей глупостью. Возможности Провидицы растут тем больше, чем в более сложном и сильном ритуале ей выпадает участвовать... нет, не совсем так. *Озарения* могут осенить и просто так, случайно. Да так и осеняют. Когда и где угодно, и никому пока не удалось понять, отчего и почему это происходит. А вот даже самое простое контролируемое проникновение уже требует особой подготовки, существенная часть которой для Провидицы заключается в приведении себя в особенное состояние духа. В принципе самые начальные уровни, затрагивающие короткий временной горизонт хорошо знакомых и не слишком значительных разумных и некие простые, либо, наоборот,

достаточно яркие события, никакой особенной подготовки не требуют. Кастимионэль еще помнила времена, когда она, будучи совсем юной ученицей, баловалась тем, что предугадывала, узнают ли старшие про ту или иную ее шалость, и какое ей в этом случае будет грозить наказание. Но так случается с самыми-самыми начальными уровнями, которые перестают развивать дар потенциальной провидицы уже к тому моменту, когда она начинает считаться старшей ученицей. И чем больше растет ее талант, тем больше для его развития требуется участие во все более сильных и сложных ритуалах. Поэтому любая провидица обычно руками и ногами вцепляется в возможности стать *проводящим фокусом* самых сложных и тяжелых ритуалов. Несмотря на все то, через что им во время ритуала приходится проходить... Так что, откажись она тогда от участия в ритуале с этими полуживотными, вполне возможно, титул самой признанной Великой провидицы эльфов скорее всего сейчас носил кто-нибудь другой.

Но столь большие сложности в подготовке относятся только лишь к Великим прорицаниям. Проникновения рангом пониже вполне возможно было осуществить и в одиночку. Конечно, такое под силу не каждой, далеко не каждой Провидице, но уж Высокородную Кастимионэль назвать «каждой» не повернется язык ни у кого. И хотя работа со столь влиятельным и затрагивающим целый пук вероятностей объектом, которым являлся вернувшийся на трон император людей, явно отнимет довольно много сил, но у Великой провидицы были весьма веские причины максимально ограничить круг не только ознакомленных с его результатами, но и даже хотя бы знающих о том, что подобный ритуал был. В идеале — до себя одной. Хотя это, несомненно, должно было окончиться для нее весьма болезненно...

Кастимионэль слегка скривилась и протянула руку внутрь шкафчика, легкими движениями выудив из его недр то, что ей было необходимо. Для одиночного погружения необходимо было воспользоваться самыми сильными «костылями». Слезы Света, Шепот ночи, Звей, глубокий, на шесть щелчков пальцами вдох... сознание потихоньку поплыло, уносясь в неведомые выси, и стройное тело Великой провидицы мягко упало на подушки, разбросанные по полу покоя для медитаций. Несколько мгновений ничего не происходило, но затем Старшая элери Великого дома Аэливар вздрогнула всем телом и глухо застонала, потом еще раз, еще, после чего неестественно выгнулась и закричала...

Свириниэль осмелилась заглянуть в покой только через десять минут после того, как затихли последние стоны и крики. Высокородная Кастимионэль обессиленно лежала на подушках, пялясь в потолок

полубезумным взглядом, а из уголка ее рта сбегала по щеке липкая ниточка слюны, окрашенная в розоватый цвет пыльцы Звея. Эльфийка несколько мгновений молча и слегка испуганно рассматривала свою великую старшую родственницу, а затем осторожно позвала:

— Элери...

Высокородная едва заметно вздрогнула, а затем медленно перевела на служанку взгляд, в котором уже снова ощущался разум.

— Сви-и-и... — Она запнулась, сглотнула и попыталась снова: — Сви-и-иэль... пинеси... сдрафуррр...

— Да, госпожа! — испуганно вскрикнула та и вихрем выметнулась из покоя. Кастиционэль же скривилась и попыталась сесть, опираясь на дрожащую руку. Это получилось только с третьей попытки. Да уж... большей глупости и придумать было нельзя. Попытаться сделать прорицание на столь могущественное существо с помощью столь слабого ритуала... да тут стоит удивляться, что она не то что лишилась разума, но и вообще осталась в живых... И он еще смеет называть себя человеком?!!

— Вот, пожалуйста, элери! — Свириниэль возникшая рядом с тонким хрустальным бокалом в руке.

— Помоги выпить, — сварливо отозвалась Высокородная, после чего сделала глоток и столь же сварливо продолжила: — А теперь — встать. Неужели ты думаешь, что я собираюсь улечься спать прямо в этом покое?

Добравшись с помощью служанки до своей спальни, Кастиционэль устало рухнула на кровать и задумалась. Ладно, в главном она потерпела неудачу. Скорее всего, в случае с этой сущностью даже начальным уровнем Великого прорицания не обойдешься. Потребуется воистину великий ритуал. Но можно ли считать ее попытку абсолютной неудачей? Кхм, а ведь, пожалуй, нет. Главная фигура так и осталась для нее сокрытой, но вот те, кто находится рядом с ней...

— Значит, Алый герцог, — задумчиво произнесла Высокородная, вспоминая то, что открылось ей во время ритуала, — забавный зверек... Может, заняться им лично? — Она покосилась на полог из лунного серебра, туго натянутый над ее кроватью, в котором, как в зеркале, отражались ее великолепная фигура и роскошные волосы, в данный момент живописно разметавшиеся по подушкам, после чего гадливо сморщилась. — Нет, не хочу... Свириниэль!

— Да, госпожа! — Служанка и-и-и... пррапраправнучка мгновенно возникла в проеме дверей спальни. Кастиционэль окинула ее стройную фигурку оценивающим взглядом.

— Вот что, дорогая моя, мне... нам, всем нам нужно, чтобы ты

влюбила в себя одного человеческого аристократишку.

— Челове... человеческого? — ошеломленно пролепетала Свириниэль.

— Да, — с кривой усмешкой кивнула Великая провидица, — он нужен мне отдрессированным. К тому же мне не нравится его жена. Она мне тоже мешает... и, похоже, действительно влюблена в своего мужа. Так что тут получится одним выстрелом выпустить две стрелы, — закончила она эльфийской пословицей, после чего замолчала и несколько мгновений молча смотрела на стоящую перед ней эльфийку, а затем медленно произнесла:

— А после того, как ты сделаешь все как надо, мы, так уж и быть, начнем заниматься развитием твоего провидческого дара.

Глаза Свириниэль на мгновение вспыхнули, после чего эльфийка опустила взгляд и склонила голову.

— Когда и куда мне выезжать, госпожа?

— Не надо никуда выезжать, — снова усмехнулась Кастимионэль, — этот зверек скоро сам сюда заявится...

1

Трой отшатнулся в сторону, а затем резким движением резко выбросил вперед Тайную ветвь, метя в шею, прикрытую добротным латным горжетом. Противник ловко заблокировал удар своим клинком и презрительно ощерился... но в следующее мгновение его башка, увенчанная крепким кованым шлемом с полуличиной, сделанной в виде кабаньей морды и прикрывающей лицо где-то до уровня верхней губы, слетела с плеч и покатилась по земле, все еще сохраняя то же самое презрительное выражение. Трой качнулся в сторону, уходя от возможного удара со спины и одновременно разворачиваясь, после чего окинул взглядом схватку и тут же прынул вперед, одним движением меча даже не нанося удар, а прямо-таки вскрывая спину еще одному бандиту, а затем... опустил меч. Бой закончился.

— Эти как-то быстро кончились!

Герцог Арвендейл развернулся и бросил взгляд на того, кто произнес эти слова. Виконт Аскавирал в настоящий момент ничем не напоминал того, кем он являлся на самом деле, — то есть благородного рыцаря и родовитого аристократа. Скорее его можно было принять за молодого, но уже, похоже, довольно опытного ополченца из числа вольных поселенцев или крестьян, выходца из какой-нибудь глухой деревеньки, в которой большая часть мужиков промышляет еще и охотой. Причем то, что он опытный, определить можно было только по тому, что на его плече в данный момент покоился здоровенный, но весьма покоцанный дрын, издали напоминающий обычный лом (ну ладно, будем честными — не совсем обычный, но где-то близко). И лишь за десяток шагов можно было различить, что это вовсе не лом, а довольно приличный двуручный меч с вороненым лезвием. Почему это служило признаком опыта? Да потому, что даже в той сборной солянке, которой являлась сейчас армия Империи людей, подобное оружие никогда бы не доверили неопытным рукам. Потому что двуручный меч в неопытных руках — это проблема для своих, а не для врагов... Весь же остальной вид молодого виконта соответствовал вышесказанному — поселенец или крестьянин из глухой деревеньки. А кем еще может быть молодой парень, одетый в домотканые штаны, кожаные онучи с тряпичными опорками и меховую безрукавку, натянутую прямо на голое тело?

Трой скромно усмехнулся и, стянув с головы напрочь порванный

подшлемник, вытер им лицо. Вернее, попытался. Потому что на самом деле он просто повозил по лицу мокрой тряпкой, в которую превратился совершенно мокрый подшлемник. А откуда ему быть сухому-то? Дождь шел уже третий день. И хотя сегодня с утра он почти утих, превратившись скорее в этакую висящую в воздухе морось, на самом деле это было еще хуже. Потому что, в отличие от обычного дождя, от этой мороси не спасали уже ни плащ, ни полог воза. Да что там полог... казалось, она проникала даже внутрь домов. Впрочем, возможно, так не казалось, а и было на самом деле.

— Милорд герцог, нашли коней, — доложил Коском, как обычно подойдя вплотную совершенно незаметно. Старшина арвендейльских охотников, одетый так же непрезентабельно, как и все остальные, обозначил легкий поклон и мотнул подбородком: — Вон в том лесочке они их склонили.

— Много? — уточнил Трой, разворачиваясь к своему старому соратнику, с которым они не только облазили большую часть герцогства, но еще и изрядно пошастали по лесам, окружающим Эл-Северин. — А возы там есть? Капитан стражи говорил, что Кривой Кабан всегда с собой возы таскает. Для добычи.

— Нет, коней всего с полдюжины. Наверное, только для одоспешенных, — он кивнул в сторону валяющихся тел налетчиков, несколько из которых были одеты в ржавые кольчуги, а парочка даже в латные нагрудники. В том числе и сам предводитель, которым являлся тот самый мужик со шлемом, увенчанным кабаньей личиной, которого завалил сам Трой. — Остальные, похоже, пешком шли. И возов мы тоже не нашли. Их, похоже, и не было. Следы-то по такой погоде точно должны были остаться. Судя по всему, они для того на тракт и вышли, чтобы возы захватить.

Алый герцог нахмурился и, подойдя к срубленной им башке предводителя разбойников, ухватил за клок выбивающихся из-под шлема с затянутым под подбородком ремешком волос, после чего поднял ее и озадаченно уставился на свой страшноватый трофей.

— Так это что, не та банда, получается? Странно... Судя по описанию, это и есть Кривой Кабан. Все как рассказывали — шлем с личиной в виде кабаньей головы, шрам через угол левого глаза, бельмо на глазу и, — тут он оттянул нижнюю губу у своего жутковатого трофея, — увеличенные нижние клыки. Ну как у любого полуурка. Точно он!

— Да, я тоже думаю, что это Кривой Кабан, — вступил в разговор подошедший Грикс. — Только вот его банда, похоже, разделилась. Ну, или

разбежалась. Потому-то они, как их милость и сказал, — тут старшина имперских егерей мотнул головой в сторону виконта Аскавирал, — так быстро кончились.

— Насчет разбежались — не думаю, — задумчиво произнес Коском. — Судя по тому, что нам рассказывали про Кривого Кабана, от него хрен сбежишь. Так что если бы кто попытался, так Кривой бы скорее всего за ними в погоню бросился, нежели на тракт вышел. Поэтому мне кажется, что он просто часть своих людей с уже награбленным товаром куда-то отправил. Нынче-то в городах от стражи дай бог каждый десятый остался. Остальные — либо погибли, либоувечные, либо еще раненые лежат. Да и те, кто остался, по большей части юнцы или калеки. Вот купцы, ну из тех, что на руку нечист, и распоясались. Краденое да награбленное как обычный товар скупают безо всякого зазрения совести. Только что дешевле. Так что даже таким наглым бандам, как Кривой, не составит особенного труда найти, кому награбленное скинуть.

— Вариант, — согласно кивнул Трой после короткого раздумья, после чего окинул взглядом валяющиеся тела. — Вот незадача! Надо было кого-нибудь в живых оставить, для допроса. А теперь что делать-то?

— Не волнуйтесь, господин, — усмехнулся Коском, — там от места, где лошади привязаны были, следок один интересный пошел. Причем пеший. Опытный тать попался. На лошадей не позарился. По такой погоде на лошади не сильно быстрее пешего передвигаться получится, и лошадиный след не укроешь. А вот свой он почти сразу путать начал. Ну да чтобы след от моих ребят укрыть, оченно сильно постараться надо, а он явно торопился... Ну я тройку своих ребят по тому следку вдогон и отправил. Так что если этот, кто в бега кинулся, утек, когда тут, на дороге, еще вовсю схватка шла, — так часа через полтора-два догонят, а если когда уже все закончилось, — так и раньше.

— А не упустят твои его по такой-то погоде? — засомневался Грикс. Но старшина арвендейльцев только усмехнулся в усы. Ну да, ну да, уйти в дождь от арвендейльских охотников...

Вот уже полтора месяца они чистили запад империи от расплодившихся, как тараканы, банд.

Война это всегда не только смерть, пожары и болезни, война еще и время тварей, в которых превращаются вроде бы ранее вполне себе приличные люди — крестьяне, ремесленники, купеческие приказчики, городские стражники и наемники, а то и даже кто-то из благородных. До того как на страну обрушилась эта беда, большинство из них были вполне законопослушными подданными — растили хлеб, ковали железо, охраняли

караваны, защищали и судили. И никто даже и не догадывался, что внутри вот этого, на первый взгляд вполне себе добропорядочного, человека таится черная тварь. Потому что эта самая тварь была загнана глубоко внутрь. Загнана жесткими законами, судьями, которые честно (впрочем, иногда и не очень, но все-таки) исполняли свои обязанности, отношением соседей, наставлениями родителей и жрецов, а также множеством традиций и правил. Да-да, тех самых законов, традиций и правил, которые, хотя и ограничивают свободу любого отдельного индивидуума, не позволяя ему «делать все, что хочется» или там «подчеркивать свою индивидуальность», на самом деле всего лишь обезьянничая за всякими там «иконами вкуса», «самыми модными трендами» или «настоящим андеграундом», и поэтому вся эта хваленая «индивидуальность» вовсе не индивидуальность, а обычное подражание, и любой, «подчеркивающий» ее таким образом, является всего лишь маленькой частью «массовки», всех этих зачастую совершенно дутых кумиров... но при этом заставляют эту самую «внутреннюю тварь» таиться там, внутри, прорываясь наружу только отдельными проявлениями типа неистребимой жадности, самовлюбленности и желания самоутвердиться не за счет собственных достижений, а унижая и принижая достижения других. Вы же сами не раз сталкивались с подобными «моськами», вся заслуга которых на самом деле состоит всего лишь в умении лаять на кого-то, добившегося чего-то действительно важного, сложного, трудного. Ибо этот лай, как им кажется, ставит их вровень с подобными «слонами». Впрочем, большинство нормальных людей, как правило, не сильно обращают внимание на всех этих «мосек», отчего они обречены «вариться» в чрезвычайно узком и мелком (хотя при этом очень шумном и скандальном) «котелке», в котором собирались точно такие же, как и они. Не особенно влияя на жизнь подавляющего большинства людей... Но так продолжается только до того момента, пока вокруг все более-менее нормально. То есть нет войны, мора или там землетрясения либо какого иного стихийного бедствия. Но стоит только случиться чему-то подобному, как все эти твари сразу начинают лезть наружу, а потом и наверх, поначалу еще рядясь в защитников, борцов за дело добра либо как минимум в тех, кто готов отобрать это добро у «чужих и плохих» и почти безвозмездно, то есть даром, отдать всем «своим и хорошим». Они говорят сладкие речи и иногда даже какое-то время действительно отдают что-то сколько-нибудь ценное тем, кто им поверит. Далеко не все и не всегда, потому жадность у таких «борцунов с самым страшным злом» очень часто зашкаливает, но случается. У самых умных... Однако даже если все это и происходит, то подобная очень ограниченная

«благотворительность» быстро заканчивается. Ровно в тот момент, когда эти твари оказываются на вершине власти. И тогда горе тому, кто рискнул им поверить...

Вот и Кривой Кабан раньше тоже был не просто законопослушным гражданином, а вообще тем, кто и олицетворял этот самый закон, — старшим десятником городской стражи. Довольно прижимистым, но покажите мне щедрого стражника. Брюзгливым, ну а что хотели? Эвон как мужику морду-то располосовали. С чего ему радостным-тоходить? Завистливым... ну а что это, преступление, что ли? Просто характер у человека такой.

Когда формировалось городское ополчение, Кривой, как тогда его звали, сказался больным, и его не взяли. Хотя бойцом он был неплохим. Но таковых среди ополченцев было большинство. Даже еще и не всех приняли. Потому как желающих было очень много, но совсем оставлять город без умелых бойцов посчитали неразумным. Всем было понятно, что наступают тяжелые времена, и что даже если орки сюда не доберутся (что было совсем не фактом, потому что никто не мог знать, в какую именно сторону пойдут орки, когда решатся покинуть Эл-Северин), число иных опасностей совершенно точно увеличится.

Ну а после ухода ополчения Кривой, как один из самых опытных из числа оставшихся стражников, довольно быстро дорос до помощника сотника. На какой должности и развернулся по полной, быстро сбив из части старых стражников, ну, из числа таких же жучил, как он, а также и свеженабранного молодняка, свою «бригаду». После чего довольно быстро подгреб под себя рынок, установив на нем свои порядки. Их было немного, но даже этого немногого хватило. Как оно обычно и бывает, когда эти «немного» сплоченные и жестокие... Причем сначала он даже слегка снизил мзду, каковую купцы и торговцы обычно выплачивали стражникам помимо городского сбора. А что, стражников-то немного, а прилавков на городском рынке эвон сколько. И каждому хочется, чтобы, ежели чего, городская стража к твоему прилавку прибыла в один момент... Вот именно эту мзду Кривой Кабан и снизил. Мол, времена сейчас тяжелые, денег у людей поубавилось, так что стража «идет навстречу простому человеку». Вследствие чего окрестные крестьяне, составлявшие немалую долю рыночных торговцев, по первости на него едва ли не молились. Но этот праздник невиданной щедрости продолжался недолго. Уже через два месяца собираемая мзда вернулась к прежним значениям. Опять же под маркой того, что времена сейчас тяжелые, стражи мало... А еще через пару месяцев заметно выросла. Уж больно Кривой оказался жаден... Где-то

около полугода новоиспеченному помощнику сотника, пользуясь извечной людской надеждой на то, что все как-то само рассосется, удавалось вполне успешно стричь местных купцов, ремесленников и крестьян, выжимая из них все соки, а потом народ буквально взбунтовался... Для города это обернулось огромной дракой и пожаром на рынке. А для Кривого — отстранением от дел и расследованием, которое довольно быстро докопалось до всей подоплеки событий...

Поскольку город имел право на собственный суд, магистрат решил не дожидаться возвращения владельца и выдвинул обвинение против Кривого и его компании. А так как обвинения были довольно серьезными, да и с обвинительными материалом, судя по тому, как шло расследование, все так же должно было быть в порядке, бывший помощник сотника сотоварищи решили не дожидаться его окончания и одной недоброй ночью утекли за пределы городских стен. После чего компания озлобившихся головорезов устроила своим бывшим согражданам веселую жизнь. Пока на их пути не нарисовался герцог Арвендейл...

— Что с трупами делать будем, милорд? — поинтересовался виконт Аскавирал. Трой окинул его взглядом. Да уж... он даже не предполагал, что виконт уважается за ним. Ибо дело, которое ему поручил император, с точки зрения благородного сословия было... ну как бы это... короче, не шибко благородным. То есть, вернее, не само дело — обеспечение безопасности и наказание виновных в грабежах и налетах составляло непременную обязанность любого владельца, а скорее то, как он его исполнял.

Вообще последствия войны неожиданно более всего отразились именно на западных герцогствах. И вовсе не потому, что они так уж сильно пострадали от орков. Нет, центральные районы и особенно окрестности столицы пострадали от этих тварей куда как сильнее. На западе же основные проблемы устроили себе сами люди.

Западные герцогства империи по уровню жизни и достатку практически ничем не отличались от центральных провинций. Там точно так же, как и в окрестностях Эл-Северина, уже несколько столетий никто не слыхивал не то что об орочных набегах, столкновениях с соседями или там «частных войнах» местных дворян, но даже и шайки бандитов в этих краях объявлялись совсем нечасто. И жили недолго. Потому что от орочных земель границы империи на западе были отделены либо почти непроходимыми горами, либо людскими государствами, настроенными к империи вполне лояльно, а города и местное дворянство были достаточно богаты, чтобы содержать приличную стражу либо вполне достаточную дружину. Так что местные жители в основной своей части давно уже

забыли — с какого конца держаться за меч. Далеко не все, конечно, но и не как в том же Арвендейле или южных провинциях, непосредственно граничащих с орочьими землями, где бойцами были практически все мужчины поголовно. Да и существенная часть женщин от них также не очень-то отставала... Но тех, что помнили, вполне хватало на то, чтобы обеспечить местным вполне сытую, спокойную и комфортную жизнь. Пока не случилось то, что случилось.

Первые проблемы начались сразу после захвата орками Эл-Северина. Сначала в этих краях появились беженцы, потом резко упали доходы от торговли. Ну а как же иначе-то — ведь все основные торговые пути проходили через столицу! Потом начались волнения на городских окраинах, где ютились бедняки, подрабатывавшие грузчиками, носильщиками и другими поденщиками, у которых беженцы, готовые работать буквально за кусок хлеба, начали перехватывать работу. А на ту, которую удалось-таки находить, резко опустили цены. Волнения удалось прекратить бесплатной раздачей хлеба, но всем было ясно, что это ненадолго. Да и проблемы только лишь бедняками не ограничивались. Торговля почти замерла, что поставило на грань разорения большинство ремесленников, потому как местный рынок был способен поглотить едва ли больше половины того, что они изготавливали. Да и купцы, естественно, от сокращения, а на некоторых направлениях и вообще полного прекращения торговли тоже терпели большие убытки. Так что когда император Марелборо объявил исполнение дворянских дружины и сбор городского ополчения, его горячо поддержали, надеясь на скорое восстановление привычной жизни... Но вот ведь какая штука, в собираемое им войско отправились как раз те, на кого ранее и возлагалась обязанность следить за соблюдением законности и порядка, а также сурово пресекать любые попытки их нарушения. То есть практически все владетели со своими дружинами и большая часть городской стражи. Других-то бойцов в этих местах уже давно не было... А это привело к тому, что защищать закон после их ухода оказалось практически некому. Вследствие чего в герцогствах началось то, что обычно и происходит, когда власть слабеет, а уровень жизни людей заметно снижается. Потому что первое всегда влечет за собой второе! Несмотря на то, что причины ослабления власти могут быть совершенно разными — от войны или стихийного бедствия до, скажем, «свержения тирана» или «обретения истинной свободы и независимости». Причем в наиболее острой форме все это происходит именно там, где вроде как до сего момента люди жили вполне себе прилично, а то и зажиточно. Потому что когда человек не живет, а

выживает, он занят куда более насущными делами типа поиска куска хлеба для себя и своих детей и не забивает себе голову всякими навязанными бреднями. Да-да, именно навязанными, потому что считать, что это именно твое осознанное решение, можно только в том случае, когда ты глубоко изучил вопрос, рассмотрел со всех сторон несколько вариантов решения, причем экстраполировав как их ближайшие, так и более отдаленные последствия, и только после этого выбрал из этой группы решений наиболее приемлемое. А вовсе не тогда, когда ты под действием эмоций (пусть даже и вполне обоснованных) с размаху и даже восторженно вляпался в то самое пресловутое «простое, любому понятное *неправильное решение*», которое, как известно, имеется у совершенно любой, даже самой сложной проблемы... Ничего хорошего в таком случае не получится. Более того, именно в этом случае откуда ни возьмись наружу сразу начинает лезть такая мразь, что люди только диву даются. Причем она не только лезет наружу, но еще и пытается пролезть на всякие теплые местечки, дающие возможность как минимум погреть руки в ставшей весьма мутной атмосфере, а как максимум — еще и покуражиться над остальными. Ну, типа того же Кривого...

Однако это оказались еще не все проблемы. И даже не самые главные. Главная из них носила наименование — банды!

По большому счету нечто похожее творилось практически по всей империи. Ну, возможно, кроме Арвендейла. Нет, конечно, трудностей и там было вполне достаточно. После того-то, как население Арвендейла выросло более чем в шесть раз! Причем существенная часть переселенцев добралась до герцогства едва ли не голыми и босыми. Так что в недавно восстановленном герцогстве не хватало почти всего — одежды, утвари, скотины, семян, инструмента, причем даже самого примитивного — начиная с лопат и топоров. Да и с размещением также были большие проблемы — почти половина переселенцев зиму пережила в землянках. А многие продолжали в них ютиться до сих пор. Так что забот у герцога Арвендейла (а вернее — у Лиддит) был не то что полон рот, а вообще до маковки. Но вот банд, число которых за время войны на территории империи резко увеличилось, в Арвендейле практически не было. Нет, попытки уродов сбиться в шайки случались и там. Но долго они не протянули. Озоровать в Теми-то... в принципе есть и более спокойные способы убиться, но, пожалуй, нет более надежного... Так что сходные проблемы в той или иной мере испытывали жители почти всех герцогств и графств империи людей. Однако на западе они были усугублены еще одним обстоятельством...

Как ранее упоминалось, запад империи уже давно жил довольно мирно. Поэтому уровень боевой подготовки и, главное, уровень дисциплины и боевой слаженности в дворянских дружинах и городской страже тех мест был куда как ниже, чем, например, у тех же дворян или ополченцев Южных пределов. Ну не было им до этого особенной нужды поддерживать свои боеготовность и боеспособность на уровне, схожем с теми, кто жил в куда более беспокойных местах... И хотя дворянские дружины и городское ополчение запада составили лучшие бойцы этих земель, но лучшими они были именно среди своих. То есть в тех землях, которые давно не знали ни серьезных войн, ни орочьих набегов и в которых уже давно практически не встречались ни крупные разбойниччьи банды, ни опасные монстры. Поэтому в развернувшихся сражениях полки, сформированные из западного дворянства и ополченцев, понесли куда большие потери, чем остальные. Впрочем, еще им во многом просто не повезло. Например, в том, что именно полки, сформированные из выходцев с запада империи, составили основу той части армии, которой выпала задача разгромить орков, выдвинувшихся к Павилиолу...

Так что, когда Эл-Северин был освобожден и император распустил большую часть армии, обратно на запад вернулось очень небольшое число тех, кто когда-то ушел отсюда на войну. Причем этот момент был еще более усугублен тем обстоятельством, что западные дворяне и ополченцы ринулись домой еще до того, как сумели поставить на ноги и вернуть в строй большинство своих раненых. Уж больно тяжелые вести шли из дома... Вследствие чего тех сил, которые вернулись в более-менее боеспособном состоянии, оказалось совсем недостаточно, чтобы навести порядок и дать отпор распоясавшемуся быдлу. Более того, обнаглевшие и набравшие силу бандиты сумели даже разгромить несколько ослабленных дружин мелких владетелей, попытавшихся навести порядок в своих владениях и изрядно пощипать отправленные против них сводные отряды городской стражи. Так что ситуация еще более усугубилась...

— Да как обычно — разденем и развесим на деревьях, — усмехнулся Трой. Виконт скривился.

— Опять?! Ой, помяните мое слово, милорд, — так мы дождемся или мора, или — как минимум — падежа скота...

— Не дождемся, — не согласился герцог Арвендейл. — Сейчас прохладно. Дожди еще дня два точно будут идти, а это значит, что жары не будет. Да и ненадолго мы их повесим. Дня три-четыре повисят — и достаточно. Пусть народ полюбуется на то, чем закончили те, кто держал их в страхе... — Трой знал, что как раз завтра крестьянские телеги

потянутся в город, на рынок: продать чего есть, купить чего надо, так что, до того как трупы будут сняты, эту «наглядную агитацию» успеет увидеть достаточное количество людей. Достаточное — для того, чтобы проникнуться и рассказать другим. Рассказать о том, что новая власть вполне окрепла и никому не позволит пробовать себя на прочность, а также о том, что жизнь в стране теперь будет становиться безопасней, ну и, естественно, о том, чем кончаются вот такие «кривые дорожки». Так что, так сказать, тренд жить мирно и законопослушно в текущем сезоне вновь становится полностью актуальным.

— ...ну а потом магистрат отправит людей, которые снимут и захоронят останки.

Виконт помолчал пару мгновений, а затем согласно наклонил голову. После чего задумчиво произнес:

— А мне вот интересно, когда мы разберемся со всем этим, следующее задание Его Величества тоже будет таким же заковыристым?..

Марелборо вызвал Троя на следующий день, после того как уехала Лиддит. Император попросил ее взять на себя обустройство беженцев из земли Глыхныг, которых привезли Трой с северянами. Та было попыталась отказаться, мол, и без того уже намучилась с беженцами, да и после общения с Фра Арфиерой любые выходцы из земли Глыхныг вызывают у нее как минимум большую настороженность. Но Марелборо невозмутимо ответил, что обратился к ней именно вследствие обеих названных ею причин. Ну, не считая высокой оценки ее организаторских способностей. Ибо, во-первых, она поднаторела в обустройстве беженцев куда больше кого бы то ни было и, во-вторых, в отличие от подавляющего большинства этих самых остальных прекрасно представляет, что можно ожидать от подобных беженцев. Так что шанс, что она точно справится, очень велик, а того, что кого-нибудь с ходу прибьет, наоборот — минимален. Поэтому «император очень просит герцогиню взвалить сие бремя на свои прекрасные, но очень надежные плечи». Ну и Лиддит, естественно, пришлось согласиться. Но зато она вытребовала у Марелборо целую неделю единоличного пользования мужем. Так что они с лихвой вознаградили себя за все долгие месяцы воздержания и пребывания друг без друга. У Троя вон до сих пор поясница побаливала после их бурных ночей. Да и не только поясница, если честно...

— У меня есть для тебя поручение, побратим, — мрачно начал Марелборо, указав подбородком на стоящее перед его столом кресло, когда Трой вошел в кабинет. Герцог Арвендейл послушно присел и молча наклонил голову, всем своим видом демонстрируя, что он весь полное

внимание и готов со всем тщанием исполнить любой приказ своего императора.

— На западе свирепствуют банды. А местные владетели и городские ополчения понесли слишком большие потери, чтобы суметь справиться с ними своими силами. — Император сделал паузу и уточнил: — Во всяком случае достаточно быстро для того, чтобы наши проблемы серьезно не усугубились. — Он бросил на Троя испытующий взгляд: — Справишься?

Алый герцог, легенда империи и правая рука самого Марелборо, задумался.

— Не знаю... Я бывал на западе, но недолго, и, считай, проездом, когда я... ну, то есть мы еще у Даргола служили. Поэтому я не особенно знаком с местной географией и особенностями обстановки. Так что надо собрать информацию и подумать, как все делать...

— Думай, — согласно кивнул император, — только быстрее. Дела там аховые. К тому же много людей я тебе выделить не смогу. Возьмешь своих охотников и егерей. Ты уже с ними гулял в окрестностях Эл-Северина, так что они для тебя — хороший отряд. — Он замолчал, вздохнул, а затем продолжил: — В других местах тоже творится нечто подобное. Но там местные должны справиться сами. Я для того и распустил армию, чтобы владетели и городские ополчения навели порядок на своих и коронных землях. А вот на западе... — Он вздохнул. — Тем более что это нужно сделать быстро. У нас не так много времени, а разговаривать с нашими «союзниками», — тут Марелборо криво усмехнулся, — пока у нас творится такой бардак, — глупо и даже опасно. Могут встать в позу.

— Я понимаю, — кивнул Трой. — А как насчет моего десятка?

Император мотнул головой:

— Нет, побратимов я тебе тоже дать не смогу. Они мне нужны здесь.

— Что ж, ясно, задачу понял, — снова кивнул Трой.

— Вот и хорошо. Главное — почистить дороги. В городах должны сами справиться. Тем более что где-то через неделю на запад выйдет большой отряд под командованием графа Эсбели, сформированный из выздоравливающих. Если они сумеют без серьезных потерь добраться до своих мест, ситуация там заметно улучшиться. Но как боевая сила — они пока из себя представляют не особенно много. Большая часть еще окончательно не оправилась от ран, — закончил император.

— Понятно, Ваше Величество, — снова наклонил голову Трой, так сказать, переключаясь из режима «побратим» в режим «вассал». — Я выступлю не позднее чем через три дня.

Совет, собранный через два часа в шатре герцога Арвендейла и состоявший из побратимов и наиболее опытных командиров из числа арвендейльцев и императорских егерей, ломал голову над поставленной задачей почти три часа. По итогам этого собрания было решено, что наилучшим выходом в сложившихся обстоятельствах будет ловля «на живца». Иных более-менее надежных вариантов вследствие незнакомой местности и отсутствия достаточного количества проводников, а также крайне ограниченных возможностей по сбору необходимой информации, не просматривалось. Тем более что если уж банды настолько обнаглили, что нападают на дружины владетелей, купеческий караван они точно не пропустят...

Так что уже на следующее утро выделенные для экспедиции на запад империи люди начали активно переоборудовать купеческие фургоны, дабы, с одной стороны, оснастить их хоть какой-то защитой, а с другой — привести их внешний вид в соответствие с той ролью, которую должна была играть их импровизированная «пожарная команда». И вот именно тогда перед Троем и нарисовался виконт Аскавирал с требованием непременно взять его с собой...

Беглеца поймали, едва они закончили с живописным развешиванием трупов.

— Ведут, милорд, ведут, — довольно произнес Коском, взобравшийся на дерево, чтобы закрепить веревку, на которой должны были подвесить последний разбойничий труп, и потому первый угляделый возвращающихся охотников. — Эк, плюгавенький какой. Да еще хромой. То-то его робяты так быстро догнали... Или это они его стреножили?

Трой, как раз заканчивающий просмотр собранных трофеев, развернулся и окинул взглядом приближающуюся процессию. Да уж, видок как у охотников, так и у захваченного пленного был еще тот. Ну а что вы хотели-то по такой погоде? Тут просто по укатанной дороге милю пройдешь — и уже грязный, как чушка. А этой троице, похоже, пришлось еще по оврагам-буеракам полазать.

— Кто такой? — негромко поинтересовался он у пленника.

— Даык это, Ваша милость, крестьяне мы, из Извозного, знач... К свояку в Пристепь шел, а тута вона чего. Рубиться затеяли. А кто кого, и не понять. Мы ж того... крестьяне, знач... так что в этом деле, наше дело — сторона. Ну я и того... — мужик весьма натурально шмыгнул носом, — тикать, знач... А енти... — тут он зло покосился на двух стоящих по его бокам охотников, — еще и по шее бьють...

Играл мужик хорошо. Виконт Аскавирал так точно повелся. Эвон

стоит рожу кривит... Но не Трой. Потому что ему уже пару недель назад стало казаться, что с засильем банд здесь, на западе, все не так просто. Те же нападения на дружины и отряды городской стражи взять. Они требовали не только изрядной смелости, на которую бандиты, как правило, не слишком-то падки. Они же сбиваются в банды для того, чтобы награбить добра и самоутвердиться через унижения и издевательства над другими, а не переть буром на вооруженные отряды. Особенно если эти отряды готовы к схватке и не охраняют ничего ценного... Для подобного нападения требовался еще и небывало высокий уровень координации. Что предусматривало и наличие координирующего центра, и созданную систему связи и опознавания, и наложенную сеть по сбору информации. Как-то оно слишком сложно для обычных грабителей, не так ли?

— Коском, — негромко позвал он.

— Здесь, мой господин.

— Перекинь веревку через во-он тот сук и прикажи развести костер, — Трой окинул стоящего перед ним хромого ледяным взглядом, — тут кое-кто непонятливый и пытается мне «лепить косицу». Так что разговор у нас с ним будет долгим и вдумчивым.

— Эт мы мигом. — Коском угрожающе оскалился. — А щипцы греть или так, головешкой обойдемся?

— Греть, — равнодушно бросил Трой. И тут послышался глухой голос мужика, в котором уже не было никакого «мужицкого» коверканья слов:

— Не надо ничего греть, Ваша Светлость. Я все расскажу.

Трой пару мгновений любовался совершенно обалдевшим лицом виконта, а потом кивнул мужику на валявшуюся рядом корягу:

— Тогда присаживайся. Я же сказал — разговор будет долгим...

2

— О-о, я считаю, что служить столь благородной эвли является честью для любого благородного эвлара, — жарко прошептал барон Каэверли в нежное ушко и мягко передвинул руку чуть ниже, окончательно выйдя за пределы того, что могло еще, пусть и с некоторой натяжкой, считаться талией.

— Ах, барон, вы меня просто смущаете, — игриво взмахнув ресницами, проворковала его партнерша по... м-м-м... наверное, это уже не могло считаться танцем, но как минимум началось оно именно как танец. — Но вы столь галантны, что я... что я... — Она страстно вздохнула и...

— Господин, господин! — Барон Каэверли вздрогнул, напрягся и, с дикой неохотой отстранившись от «партнерши», глухо произнес:

— Прошу меня простить, госпожа графиня, я вынужден ненадолго вас оставить.

По кукольному лицу графини промелькнуло выражение крайней досады, почти сразу же сменившееся на высокомерно-благожелательную улыбку.

— Что ж, вас, благородных эвларов, долг часто отрывает от нас, слабых эвли. Идите и возвращайтесь, ваша эвли вас дождется.

Барон глубоко поклонился и ожег страстным поцелуем ручку графини, после чего картинно насупил брови, выпятил грудь и, гремя каблуками, вышел из бальной залы. Впрочем, едва только изящная дверь залы закрылась за его спиной, как его грудь тут же вернулась в более привычное состояние, а выражение лица мгновенно превратилось в озабоченно-злое.

— Ну что там еще, Тревлен? Я же велел меня не беспокоить...

— Прошу простить, Ваша милость, — испуганно пробормотал его личный слуга, — но там приехали... приехал Кругзан и требует немедленно допустить его к вам. Я проводил его в ваш кабинет.

— Кругзан? — Барон нахмурился. Кругзан являлся его доверенным лицом в нескольких весьма... м-м-м... опасных предприятиях. Опасных, но прибыльных. О-о-очень прибыльных.

После того как напыщенные тупицы с ослиными мозгами, не видящие ничего дальше своего носа и зацикленные на дворянском кодексе и родовой чести, ушли к этому новоявленному самозванцу, в попытке обмануть всех принявшему имя легендарного императора, здесь, на западе, у знающих и-

и-и... небрезгливых людей появились неплохие шансы серьезно улучшить свое положение. А положение барона Каэверли к тому моменту даже самый деликатный собеседник однозначно должен был оценить как полную жо... хм... безнадежность.

Папаша барона был типичным дубоголовым аристократом, кичащимся славными предками и родовой честью, для поддержания которой на кажущемся ему должным уровне папаша немилосердно тратил и весь доход, поступающий от не очень-то и богатого баронства, и приданое жены. Зато его охоты и пиры славились на все графство, а сам барон Каэверли-старший слыл среди общества истинным аристократом и хлебосольным хозяином. Ну и богачом, куда уж без этого. Так что его сын и наследник считался весьма выгодной партией и пользовался большой благосклонностью как у потенциальных невест, так и у веселых вдовушек, не только с благодарностью принимавших от «такого красавчика» всяческие подарки, но и с лихвой вознаграждавших галантного кавалера. Что уж говорить про остальную дворянскую молодежь, среди которой он являлся одним из кумиров. Надо ли уточнять, что подобное положение дел Каэверли-младшему очень нравилось. И почиталось им как совершенно заслуженное и незыблемое. Впрочем, так оно и было... До смерти папаши. А вот потом выяснилось, что баронство по уши в долгах, и новоиспеченный наследник старинной и благородной фамилии фактически банкрот.

Так что то, что случилось после этого печального события, было вполне закономерно. Потенциальные невесты, ранее изо всех сил стреляющие глазками и одаривающие многообещающими улыбками, мгновенно перестали замечать новоиспеченного барона, верные друзья и собутыльники исчезли, как и не бывало, двери домов веселых вдовушек также захлопнулись. Ну а сам теперь уже полноправный барон Каэверли, вместо того чтобы, как он и привык, проводить время в столице герцогства (в Эл-Северин папаша его не отпустил, и он теперь понял почему), вынужден был запереться в родовом замке, где и держать оборону от многочисленных кредиторов. Слава богу, еще предыдущий император утвердил право владельца земли отказывать в доступе в замок кому бы то ни было, кого этот самый владетель видеть не хочет. К коим, естественно, и относились как кредиторы, так и нанятые ими судейские «чинушки». Так что пока барон прятался в своем замке, кредиторы не могли даже вручить ему уведомление о вызове в суд... Именно тогда, сидя в холодном и темном замке долгими унылыми вечерами, молодой барон поклялся себе вернуть блеск своему роду и-и-и отомстить всем тем, кто в тот момент при виде его

кривил губы и презрительно морщился. И надо сказать, будущее показало, что эта клятва не оказалась пустым сотрясанием воздуха очередного экзальтированного юнца, находящегося на пике пубертатного периода. Ибо надо сказать, с той поры барон изрядно приблизился к воплощению этого обещания.

— Что случилось, Кругзан? — раздраженно спросил хозяин замка, входя в свой кабинет. Здоровенный детина звероватого вида, устроившийся в массивном деревянном кресле, сбитом из толстенных деревянных плах и стоявшем через стол напротив хозяйского кресла, при виде хозяина вскочил на ноги и довольно неуклюже поклонился. Ну да, Кругзан никогда и не был образцом этикета. Его ценность для барона Каэверли заключалась совершенно в другом.

— Я только что из Гурбаха, — хрипло заговорил детина. — То есть я со своимя обретался у Торжного хутора, как вы и велели. Урожай Черной смолки в энтом годе не очень, но урок мы почти собрали. И все было в порядке, пока четыре дня назад подпасок, которого посылали в Гурбах за маслом, не принес слух, что банда Кривого Кабана — все. Я отправился туда и-и... точно все. Ну, я и тут жа к вам.

Барон страдальчески скривился. Вот, Темные боги, значит, иссяк еще один ручеек, несущий золото в его закрома. Очередной! Впрочем, это было куда менее важно, чем то, что кто-то мог пойти по... м-м-м... руслу этого ручейка и добраться до самого барона.

— Как это произошло?

Кругзан пожал плечами.

— Точно неизвестно. Кривой-тко часть банды должен был отправить с хабаром в Каглум... ну, к Одноглазому. Особо ценнего товару на этот раз у него не было, ежели только что в последние пару ден захватил. Поэтому ваших друзей из купеческой гильдии нонича решили не беспокоить и все скинуть этому ушлому барыге... Ну, а сам с остальными должен был остаться на месте.

— У него действительно не было ничего ценного или просто захотел захапать побольше, чем мы договорились? — раздраженно уточнил барон. Детина молча пожал плечами. Мол, может, и так, а может, и эдак. У вас же с Кривым свои дела, в которые вы меня нешибко пускаете... После чего продолжил рассказ:

— Поэтому у его, значить, оставалось, почитай, только половина банды. Так что на кого опасного он бы точно не полез. Да и не было там никого такого. С той поры как вы, Ваша милость, упокоили графа Умбертена с евойными изранетыми доходягами, дворяне, почитай, все по

своим замкам забились и ежели куда выезжают, то гуртом и по-быстрому. А у купцов нонича и денег нет на большую охрану. Да и толку-то с нее таперя? Тот же Кривой такие караваны брал, куда там нонешним... Так что оне нонича почитают выгодным платить за проход, а на охране выгадывать. Ну, почитали...

Барон скривился, а затем задумчиво пожевал губами (ну была у него такая дурная привычка). Если банда Кривого Кабана действительно разгромлена, это может породить серьезные проблемы. Потому что она оставалась единственной крупной бандой, находившейся под контролем барона. А еще именно с Кривого и началось новое возвышение ранее совершенно разоренного баронства...

Вернее, началось все довольно грустно... Его вытащили прямо из постели. В одних подштанниках. Вытащили, заломили руки, бросили на колени. Когда он увидел перед собой огромное брюхо, одетое в один из старых отцовских камзолов, который еще и не сходился на пузе, то, даже не видя лица, сразу узнал главаря напавших. Замковый кузнец! Две недели назад барон, истосковавшийся по женскому вниманию, прижал в своем будуаре одну из служанок, чья неблагородная внешность вполне искупалась ее юностью и свежестью. Девка оказалась с норовом, так что, прежде чем удовлетворить свою накопившуюся потребность, пришлось ее немного поучить, несколько раз врезав рукоятью кинжала по лицу. Ну а из-за того, что та орала и дергалась, гарда кинжала разодрала девке губу. Так что удовлетворять свое естество пришлось, накинув на девку угол простыни, дабы не забрызгала кровью.

Как позже выяснилось, девка эта оказалась дочерью кузнеца, который сначала попытался в отместку поджечь конюшню и амбар, а будучи застигнутым за подобным непотребством, просто сбежал из замка вместе со всем своим семейством... Нет, случись нечто подобное в старые времена, барон тут же вскочил бы на коня и, прихватив пару-тройку дружиинников (а зачем большее-то), бросился в погоню — и для того, чтобы наказать преступника, и дабы позабавиться самой увлекательной из охот — на двуногую дичь. Но сейчас... из всей дружины в замке остался только Старый Глуб, бывший капитан замковой дружины, ныне являющийся ветхой развалиной, который и выбирался-то из своей каморки, каковую отец нынешнего барона предоставил ему для житья из уважения к прежним заслугам, далеко не каждый день. Остальные давно разбежались — не только из-за отсутствия денежной платы, но и из-за того, что и кормить их начали далеко не каждый день. Как, впрочем, и большая часть остальных замковых слуг. А куда деваться? Барон мог ощущать себя в относительной

безопасности только за стенами замка. Так что даже для того, чтобы забрать обычную десятину от таверны, стоящей на его земле, или у старост деревень, выбирался с большой оглядкой и куда реже, чем надо бы было. А эти сволочи этим и пользовались.

— Ну что, тварь, допрыгался? — зло прохрипел кузнец. — Пришло время отвечать за все...

Барон молча стоял, лихорадочно размышляя над тем, как можно выкрутиться из данной ситуации. Умирать жутко не хотелось. Он же фактически еще и не начинал жить! Потому что какая это жизнь, когда ты в долгах как в шелках и вследствие этого носа не можешь высунуть из родового замка... А ведь когда-то он (вот идиот!) страстно мечтал о том времени, когда он станет полновластным хозяином баронства. Ночами не спал, думал, страдал... Ну, вот он стал, и что — лучше стало? Думай вот теперь не о власти и блеске, а как долги отдать или вот как головы не лишиться.

— Ты, Уфлей, охолони, не гони коней, — пророкотало где-то левее. — Или ты теперь главарь моей банды?

Оп-па! Барон слегка приободрился. Кузнец не простил бы его ни за что, тут и думать нечего, но если он не главарь, то-о-о... тут уже могли появиться какие-то варианты. Могли появиться... а могли и не появиться. И для того, чтобы они появились, Каэверли-младшему следовало сильно постараться. Очень сильно! Потому что ставкой в этом деле была его собственная жизнь. А при такой мотивации чего только у людей не получается...

— Экхм,уважаемый... — самым вкрадчиво-завлекательным тоном начал он, — прошу меня простить, не имею чести знать вашего имени... — Тут барон сделал паузу, ожидая, что его собеседник назовет себя. Но тот сначала гулко захохотал.

— Ой, гля, робяты, какой у нас тут аристократик вежливый... — Тот, кто притормозил кузнеца, гулко расхохотался. — Что, спесивый гусь, поджилки затряслись?

— М-м-м... нет, то есть не совсем, — поспешно поправился барон. Кто его знает, может, этому разбойнику очень нравится, когда перед ним трепещут. Не дай бог обидится... — Просто... просто я хотел бы узнать у вас, как вы смотрите на то, чтобы заработать серьезные деньги. Не ту мелочь, которую вы получите у скрупщика, коему оптом скинете все, что награбите в моем... м-м-м... не слишком-то и богатом замке, а по-настоящему серьезные...

Смех резко оборвался, после чего его резко вздернули на ноги и

развернули в сторону. Сидевший перед ним детина, одетый в доспех городского стражника и шлем с полуличиной в виде кабаньей головы, окинул его острым взглядом и негромко бросил:

— Говори...

— Кривой, — вскинулся кузнец, — ты обещал мне, что... эыхххх!

Главарь разбойников молча выдернул меч из груди кузнеца и обтер его об его же плащ, а затем высокомерно бросил куда-то вбок:

— Уберите эту падаль. Достал он меня уже своим гундосаньем... — После чего кивнул барону: — Давай, гутарь что хотел...

Барон потер лоб, отвлекаясь от воспоминаний, после чего развернулся к Кругзану:

— А как вообще об этом узнали? Ну, откуда слухи пошли?

— Да крестьяне на ярмарку ехали и увидели трупы, что на деревьях вдоль дороги развешаны были. Ну, вот и... — Детина развел руками.

— И что, все? Больше ничего узнать не удалось?

Кругзан виновато покачал головой:

— Я, это, нанял пару охотников и съездил туда... ну где трупы висели. Так они походили вокруг, но ничего не нашли. Сами ж знаете — дожди который день. Развезло все и залило, да еще и крестьянские телеги потом проехали, так что ежели что и оставалось, так все и затоптали... Но никаких необычных следов не было. Пonoшенные сапоги, крестьянские опорки, некованые копыта — и все. В соседнем селе рассказывали, что через них незадолго до того проходил небольшой караван крытых возов, ну, на которых торговцы, что нешибко богатые, товары возят. Повозки тричетыре... Эти тупени всегда путаются. А больше никого не было.

— Караван был с охраной?

— Ну, это... как сказать, — задумчиво протянул Кругзан. — Охрана-то была, но, как все сказывают, — рвань полная. Из защиты токмо поддоспешники стеганые. Да и то не у всех. Кто-то и вообще почти голяком — драна жилетка на голяк натянута. Шлемов нет, щитов — парочка на всех, и все битые. Да и было их меньше десятка. Хотя возы, на взгляд, были тяжело груженные. Кривой вполне мог позариться. Но такая охрана ему должна быть на один зуб!

Барон Каэверли нахмурился и прошелся по кабинету из угла в угол.

— Ой, не нравится мне все это. Это какая уже банда из тех, что под нами?

— Из больших — третья. А из мелочи я и не знаю. С имя другие завязаны были.

Барон поднял очи горе и снова пожевал губами.

— А твои люди все на месте?

— Все. Ну, те, кто не в разгоне.

— А в разгоне кто?

— Тупень и Хромой. Тупня я к гномам отправил, с письмом. Все одно от него в любом другом деле толку мало, кроме как кому врезать. А Хромой с последним обозом от Кривого Кабана в Каглум пошел.

— Точно пошел? — настороженно переспросил барон. — Он такой жадоба, что вполне мог задержаться у Кривого на денек. — Тут барон ернически искривил губы и, изменив голос, явно кого-то спародировал: — «Последние остатки собрать, господин барон, чтобы уж самые последние...»

Кругзан снова молча пожал плечами.

— Ему было велено уходить с обозом, а как там оно на самом деле — кто ж его знает? Вы ж сами велели его не трогать, ежели чего. Вот он и пользуется.

Хозяин кабинета резанул его злым взглядом, а затем приказал:

— Значит, так — дуй в Каглум к Одноглазому и найди Хромого. Если он там — волоки его сюда, а если его с обозом нет — галопом лети в Ггурбах и-и-и... — Тут барон оборвал фразу и задумался. — А впрочем, не надо в Ггурбах. Пока ты вернешься — все уже закончится. Так что, если не найдешь Хромого, также возвращайся сюда и доложи. Все понял?

— Само собой, ваша милость... — кивнул головой детина, но не сдвинулся с места, продолжая сверлить барона преданным взглядом. Тот поморщился и, подойдя к столу, снял с шеи цепочку с небольшим ключом и, наклонившись, открыл замок нижнего ящика. После чего немного выдвинул его и, выудив небольшой матерчатый кошель, молча кинул его стоящему перед ним мордовороту. Тот ловко поймал кошель, подбросил его на ладони и довольно осклабился.

— Благодарствуем, Ваша милость, не сумлевайтесь — все сделаем в лучшем виде.

Когда за детиной закрылась дверь, барон еще некоторое время молча сидел, уставив невидящий взгляд на столешницу, и вспоминал, как все начиналось...

Когда герцог начал собирать дворянское ополчение, барон Каэверли сказался больным. Нет, в тот момент это не было каким-то хитрым планом. Впрочем, и больным он тоже не был... Но что еще ему оставалось делать? У него не было денег, чтобы выставить положенный отряд, да и собственным воинским мастерством или умением командовать, которое позволило бы претендовать на место командира какого-нибудь

подразделения в дружине кого-то более высокопоставленного, барон тоже не мог похвастаться. Как, впрочем, и большинство его сверстников. В отличие от их отцов, которые еще застали в молодости времена, когда приходилось надевать доспехи и садиться в седло, нынешнее поколение западного дворянства не слишком обременяло себя воинской наукой, предпочитая проводить время более весело... Впрочем, когда император объявил сбор ополчения, большинство натянули неудобные и непривычные родовые латы и, неуклюже взгромоздившись на коней, отправились на «священную битву с извечным врагом людей». Где по большей части и сгинули... Но это случилось уже куда позже. А поначалу барон тосковал. Его голова в тот момент была также все еще забита всякими высокопарными бреднями о долге дворянина, о чести, о предназначении, которые, как он теперь понимал, на самом деле не стоят и выеденного яйца. Но окончательно он осознал это только после того, как столкнулся с Кривым Кабаном. А тогда...

Барон криво осклабился. Да уж, как все хорошо шло... Но теперь ситуация снова переменилась, и ему нынче надо позаботиться, чтобы никто не догадался, что за большей частью нападений на наиболее богатые торговые караваны и самые богатые окрестные замки стоит родовой аристократ и утвержденный барон империи. А ведь как все хорошо складывалось...

План был воистину гениален! Сначала скооперироваться, а затем и взять под прямой контроль часть наиболее управляемых банд, для того чтобы с их помощью ухватить самые лакомые куски. Ну а после того, как закрома достаточно наполняются, — всех уничтожить, представ перед высшим обществом герцогства в ореоле истинного аристократа — защитника слабых, твердой рукой возвращающего закон и покой на исстрадавшуюся землю запада. Возвращающего, но пока, несмотря на все явно видимые усилия, не вернувшегося. А усилия были видны, видны... Барон во главе вновь набранной дружины неделями не слезал с седла, мотался по всему герцогству, ночуя в различных замках и с мужественной горечью повествуя то одной, то другой одинокой хозяйке о своих страданиях, вследствие того, что из-за проклятой болезни он не смог исполнить свой святой долг владетеля и прийти по зову императора. И единственное, что ему осталось, дабы не покрыть себя окончательным позором, это всеми силами бороться с этой страшной напастью, охватившей герцогство... О-о, какими велеречивыми и высокопарными эпитетами его награждали. Как горячо и жарко его благодарили. Как готовы были помочь... И иногда действительно помогали, отправив с ним пару-

тройку, а то и десяток бойцов из числа тех, кто еще оставался в замке. Ну а то, что иногда, после того как он покидал очередной замок, на него внезапно нападала банда... что ж, в жизни есть место и подвигу, и трагедии. Наша ли в этом вина? Зато какие барыши это приносило им с Кабаном! Это тебе не обычный торговый караван ограбить. Богатства в замках аристократии копились не годами, а столетиями...

И спал он после подобного вполне спокойно. Злоба на тех, кто его когда-то, как он считал, предал, забыл, извергнул из своих рядов, выжгла в душе любые капли стыда или хотя бы смущения. Более того, барон создал целую концепцию, заключающуюся в том, что и времена, и нравы меняются. Поэтому то, что когда-то было немыслимым, сначала становится всего лишь невозможным, затем просто неодобряемым, а чуть позже переходит в разряд обыденного, а затем — и вообще остромодного. Так что можно считать, что он, барон Каэверли, просто является первым, кто начинает практиковать нечто в недалеком светлом будущем совершенно обыденное или даже модное...

Впрочем, несмотря на столь изящную стройность этих рассуждений, барон позабылся о том, чтобы поводов для озвучивания их у него не появилось. Что ж поделать — благородное общество пока еще слишком косно и отстало, чтобы оценить столь изящные умозаключения... особенно если учитывать, какие именно действия барона они должны были оправдать. И это ему пока вполне удавалось. Во-первых, потому, что несмотря на всю свою распущенность и жадность последний барон Каэверли был умен и неплохо образован. Уж это-то папаша смог ему обеспечить... А как ни говори, образование определенным образом перестраивает мозги, часто позволяя замечать возможности и перспективы там, где человек без образования не способен увидеть ничего, кроме проблем. Ну а во-вторых, потому что здесь, на западе, осталось слишком мало тех, кто был способен хотя бы задать барону какие-нибудь неприятные вопросы. Не говоря уж о том, чтобы начать предпринимать какие-то действия, предназначенные для того, чтобы докопаться до истины... Чтобы там ни было, этому самозваному императору, пожалуй, можно было сказать спасибо. Уж очень вовремя он вспомнил о праве Сюзерена требовать службу от своих вассалов. Впрочем, если пройти по этой цепочке до конца, скорее всего спасибо стоило сказать даже не императору, а оркам...

Так что уже спустя полгода после того, как состоялся его разговор с Кривым Кабаном, тот договор, который он заключил с этим бывшим стражником, начал приносить барону очень неплохой доход. Такой, что

спустя еще месяц барон сумел дать в своем замке первый за многие годы бал, чрезвычайно удивив этим большинство своих соседей. Впрочем, было бы кого удивлять. Соседские замки были полупусты, скучны и унылы... Так что «блестящее общество», явившееся засвидетельствовать свое почтение барону Каэверли, почти сплошь состояло из стариков и старух, с чрезвычайно редкими вкраплениями совершенно сопливой молодежи и новоиспеченных вдов. Замужние женщины, как и девицы на выданье, дружно остались по домам, верно, ожидая возвращения из похода своих супругов и женихов. Но барон не расстроился. Начало было положено, а там... чем дольше продлится война, тем больше он сможет округлить свой капитал. И тем более достойное место он сумеет занять в итоге. И... о, нет, торопиться он не будет. Присмотрится, подумает... война — это всегда расходы. Большие. А иногда вообще неподъемные. Особенno если военное счастье окажется слишком переменчивым. Барон Каэверли же, если судить по тому, как все развивается, к концу войны совершенно точно должен был оказаться в числе тех, кто будет весьма твердо стоять на ногах. Уж куда крепче тех идиотов, что поперлись «исполнять свой долг»... Так что кто знает, вполне возможно, ему удастся заполучить в супруги куда более престижную партию, чем даже те, что когда-то планировал его отец. А у папаши-то были очень не слабые амбиции...

И вот теперь, похоже, над его планами нависла какая-то непонятная угроза. Потому что с уничтожением банды Кривого Кабана те славные ручейки золота, что весело бежали тайными тропками в его округлившуюся мошну, должны были почти совершенно иссякнуть. И возникшее у барона еще после уничтожения еще предыдущей из прикормленных им банд ощущение, что это совсем не случайно и что тучи начали сгущаться над ним самим, сейчас превратилось фактически в уверенность. А это означало, что пришло время как можно быстрее защищать концы и обрывать любые нити, которые могли бы привести к нему. Что поделать, люди пока еще не доросли до того уровня свободы и незашоренности, до которого дорос барон. Так что если пройдет слух насчет того, чем он тут занимался, пока остальные прохлаждались в армии этого самозванца...

Барон Каэверли вынырнул из тягостных размышлений и тряхнул головой, отгоняя тяжкие мысли, после чего запер ящик стола и поднялся на ноги. А пошло оно все к Темным богам! В конце концов, его сейчас ожидает нечто куда более приятное. Эта графиня Умбертен весьма жаркая штучка. Он обхаживал ее почти два месяца. Причем не только по всем правилам галантной науки, но и предпринимая кое-что присущее, скорее,

не слишком чистому на руку купцу, а никак не аристократу. Вдова графа Умбертена даже не догадывалась, что ее трудности с деньгами и неуступчивость кредиторов появились не сами по себе... Хотя львиная доля вины за ее нынешние неприятности, естественно, лежала на ее покойном муже. Покойный граф был образцом дворянина и, отправляясь по призыву самозванца, для наилучшего снаряжения своей уже давно не воевавшей дружины не только выгреб всю свою казну, но еще и изрядно назанимал у ростовщиков. Но и барон также приложил свою руку... А вот не надо было в свое время называть кое-кого «жалким неудачником». Пусть и не в глаза, а как бы «в своем кругу», но ведь на свете так много «добрых людей», которые не преминут донести до тебя все гадости, которые о тебе говорят. Люди же ведь так любят повысить собственную самооценку через унижение того, кто в данный момент кажется им слабым и проигравшим... О, как бы ему хотелось напомнить графине эти слова теперь, когда она принялась сама обхаживать барона, надеясь с его помощью если не решить свои проблемы, то хотя бы снизить их остроту. Но увы, к сожалению, жизнь устроена так, что мы не всегда можем позволить себе то, чего нам страстно хочется. Как сказал кто-то из мудрецов: «Не все, что можно делать безнаказанно, следует делать». Эх, если бы барон Каэверли понял это немного раньше, ему удалось бы в этой жизни избежать очень многих огорчений. Но главное, что он это все-таки понял... Так что сейчас придется удовольствоваться всего лишь, так сказать, доступом к телу. Впрочем, тело было вполне себе достойным... А еще в данной ситуации был один пикантный момент, который, как считал барон, переводил ее для него в ранг вполне достаточного вознаграждения. Дело было в том, что графиня взглянет с ним, даже не догадываясь, что отдает свою... о, нет, конечно, не любовь и даже не привязанность, но благосклонность и, н-да, пожалуй, и честь, тому, кто как раз и сделал ее вдовой. Потому что именно барон собственной рукой нанес тот самый удар, который и прервал земной путь графа Умбертена...

3

— И все-таки я считаю, что все не так однозначно, милорд, — произнес виконт Аскавирал, с сомнением покачав головой. Он и Трой сидели на ветке высокого дерева и рассматривали возвышающийся перед ними замок. Замок был в не очень хорошем состоянии — внешняя стена была испещрена оспинами обрушений, да и почти третья отсутствовавших зубцов также говорила сама за себя. Но в то же время было видно, что не так давно хозяин взялся за его восстановление. Трой усмехнулся и пожал плечами.

— Вот там все и узнаем.

— Но нападать на замок владельца, не прислав официального вызова... — начал виконт. Однако герцог Аврендейл прервал его, жестко рубанув рукой:

— Ничего, если Хромой соврал — извинюсь и возмешу ущерб, а если нет и все подтвердится, то перед нами не дворянин, а обычный разбойник. Я эту тварь даже чести дворянской казни не удостою. Никакого ему отрубания головы — вздерну на ближайшем суку, и баста!

Допрос Хромого добавил последние детали в ту мозаику, которая начала потихоньку складываться в голове у Троя еще после того, как они прижали к ногтю первую банду.

То есть сначала все шло как обычно. На первый взгляд Хромой не рассказывал ничего особенного. Ну да, грабят, причем подчистую. Не брезгуют даже самым недорогим товаром. Товар накапливают в лесном лагере, а потом вывозят к скупщику. Скупщиков несколько. Нет, сам Кривой Кабан имеет контакты только с одним, а остальные — не его заслуга. Нет, сам Хромой с ними не договаривался. Просто его... тут Хромой запнулся, но, покосившись на спокойно смотрящего на него Троя, поежился и продолжил... его хозяин обычно передавал через своего подручного, кому вести товар на этот раз и-и-и... А что? Сам Хромой никого не грабил и не убивал. А исполнять повеления хозяина — обязанность любого добросовестного и рачительного слуги. Он был вроде как предельно откровенным. Предельно... Но чем дальше, тем больше у Троя складывалось впечатление, что Хромой что-то недоговаривает. Что-то очень важное. Но что? Лиддит говорила, что правильный ответ не менее чем наполовину зависит от верно и точно заданного вопроса. Но как задать вопрос, когда еще сам не понимаешь, о чем нужно спросить? Трой

задумался, на некоторое время выпав из процесса допроса и оставил его на Коскома и Грикса. Нет, виконт Аскавирал также присутствовал на сем действе, но почти все время молчал, больше учась, чем реально участвуя. Он вообще, по мнению Троя, в последнее время очень сильно продвинулся в своем развитии, почти совсем перестав высказываться резко и категорично, как это свойственно глупой юности, считающей, что она уже знает все и вся и потому может быть только два мнения — ее и неправильное. Почти. Иногда это еще проявлялось...

Допрос некоторое время шел своим чередом — Коском и Грикс въедливо выясняли у Хромого, кому он и его подельники сдавали товар, как звали стражников, которые пропускали в свои города без осмотра возы с награбленным, на каких хуторах банда Кривого Кабана отсиживалась после налетов, и остальные подобные детали. Это была очень важная и нужная информация, но...

— А кому вы сдавали то, что награбили в захваченных замках? — внезапно спросил Трой. Хромой запнулся и побледнел.

— Господин... я-а-а не пони...

— Их было несколько? Или кто-то один? — продолжил Тро... хм, нет, уже именно Алый герцог, гроза врагов, меч императора и прочая, и прочая...

— Й-аа-а-а... эта-а-а... — Хромой сделал еще одну, впрочем куда более жалкую, попытку сыграть непонимание. Но Трой уже понял, что задал-таки именно тот, самый верный и точный вопрос. И у этого, несомненно, весьма ушлого и хитрого бандита теперь не так-то много шансов отвертеться от ответа. Просто надо давить, давить и давить. Алый герцог подался вперед и, уткнув свой тяжелый взгляд прямо в зрачки, по всему было видно, изрядно запаниковавшему бандиту, эдак ласково продолжил:

— А самое главное, где твой хозяин держит те вещи, которые он не рискнул скинуть торговцам. Ну, ты же не дурак, Хромой, сам знаешь, что кое-что из того, что вы награбили в замках, еще долго нельзя будет светить — родовое оружие, фамильные драгоценности, парадные наборы посуды и столовых приборов, а также какие-нибудь широко известные предметы обихода, например, те же gobelены семьи Стольвинер. Долго, но не всегда же... Года через два-три-пять кое-что из этого вполне можно начать потихоньку продавать. А что-то даже и выставить в собственном замке. При приемлемом объяснении. Скажем, выкупил у какого-нибудь купца или обнаружил в логове какой-нибудь вот только что уничтоженной дружиной твоего хозяина банды разбойников, либо там вещь отыскалась в случайно

обнаруженнем старом разбойничьем схроне. — Трой сделал короткую паузу, злобно ухмыльнулся и вкрадчиво закончил: — Давай-давай — говори. Ты же знаешь, что я все равно получу ответы на все мои вопросы. Сейчас или чуть попозже. Так или иначе...

Хромой несколько мгновений сидел, оцепенев и глядя на Троя как кролик на удава, а затем этак страдальчески всхлипнул и заговорил...

— Ладно, больше мы здесь ничего не высилим, — махнул рукой Трой и, крутанувшись на ветке, соскользнул вниз вдоль ствола. Виконт восхищенно качнул головой и попытался повторить то же самое, но изрядно приложился плечом и оцарапал бок. Ну так его же в детстве Ругир не гонял...

Внизу, в кустах, ждали Грикс и Коском. И еще шестеро десятников. По трое от егерей и арвендейльцев.

— Значит, так, — начал Трой, опускаясь на корточки, — проникнуть в замок, как это было понятно сразу, особенного труда не составляет. Стена ветхая и выщербленная, а ремонт только начался. Так что я вижу тут только одну опасность для скрытого проникновения — если камни стены начнут осипаться под руками и создадут шум. Поэтому снимать караульных пойду я.

— Но, милорд, — тут же вскинулся виконт Аскавирал, однако Трой не дал ему закончить.

— Виконт, как там ваше плечо? И бок? Не беспокоят? — усмехнулся он. Юный Аскавирал побагровел. Трой же протянул руку и примиряюще хлопнул его по плечу:

— Не обижайтесь, мой друг, я просто хочу сказать вам, что ползанье по полуразвалившейся стене — точно не ваша сильная сторона. Даже будь вы в полном порядке после вашей попытки повторить мой спуск с дерева. Вот если бы мне нужен был соратник для того, чтобы ворваться в крепостной двор и, встав спина к спине, схватиться с врагом, будучи в полном окружении, — вряд ли я нашел бы кого-то лучше вас. Но на сегодняшнюю ночь не только вы, но даже и егеря и мои арвендейльцы мне не помощники.

Виконт слегка порозовел, и герцог Арвендейл подумал, что юноша за последнее время все-таки научился несколько скрывать свои эмоции, хотя именно несколько...

— Но там же будет почти сотн...

— Там будет пара, максимум тройка караульных. К тому же, судя по рассказу Хромого, все дружина этого... — от голоса Алого герцога явственно повеяло льдом, а следующее слово он произнес как

выплюнул, — барона почти полностью состоит из бывших бандитов. А эти твари не слишком-то привычны к дисциплине. Поэтому я не удивлюсь, если все эти трое, ну, или как минимум один-два из них, выйдя на стену, просто забытятся в какую-нибудь дыру и нагло уснут. Так что мне либо вообще нужно будет просто зарезать спящих, либо каждый из этих противников столкнется со мной один на один. Ну не думаете же вы, что один на один они способны представить для меня какую-нибудь угрозу?!

— Нет, милорд, что вы?! — возмущенно вскинулся юный Аскавирал.

— Вот и отлично, тогда продолжим, — поды托жил Трой...

* * *

Комех сладко зевнул и с силой потер лицо. Все-таки зря он вечером поддался соблазну распить с приятелями кувшин молодого вина. Ведь знал же, что в караул идти... Впрочем, еще недавно это бы не было особой проблемой. Перетер бы с ребятами, один из которых околачивался у ворот, второй на противоположной стороне стены, да и подремал бы в свое удовольствие в дальней башне. Потому что вся эта суeta с караулами представлялась ему совершенно бессмысленным делом. Ну, кто бы посмел напасть на замок самого барона Каэверли, под которым, как всем было известно, ходили самые крупные банды этих мест? То есть как всем... кому надо было известно, конечно. А кому не надо — как раз нет. Но кого не надо в округе и появиться не могло. Потому как все дороги, ведущие к замку, были весьма плотно перекрыты местными бандитами. Но то было раньше... А почти декаду назад все изменилось. Кривозуб, бывший наемник из Каглума, поставленный господином бароном капитаном над его дружиной, будто с цепи сорвался. Комеху не было известно, что там такое произошло, но теперь Кривозуб, ранее всю ночь спокойно дрыхнувший в отведенных ему бароном покоях (евон как, оказывается, у дворян комнаты называются), теперь не менее трех, а то и четырех раз за ночь тихонько выбирался от себя и подкрадывался к караульным, проверяя, как те несут свою службу. И горе тому, кого он заставал спящим. Шестерых лишили жалованья за месяц, двое, попавшиеся на подобном, по два раза были выпороты, а Телепня, умудрившегося попасться трижды, Кривозуб вообще убил. Да еще сделал это его собственной алебардой и прямо на посту. А потом поднял ни свет ни заря всю дружину и, выведя их на стену, указал на труп Телепня, пришипленный алебардой к полуразвалившемуся зубцу, и предупредил, что отныне так будет с каждым, кого он застигнет за сном на

посту. А пороть... пороть он будет остальных из состава караула, которые не обнаружили, что один из них уснул и не исполняет обязанности караульного должным образом. Вот поэтому Комех и страдал нынче, изо всех сил борясь со сном и не рискуя, как раньше, забраться через выломанную дверь в дальнюю башню и растянуться в углу на куче тряпья, натасканного туда караульными аккурат для этих целей...

Молодой дружиинник снова протяжно зевнул и с силой хлопнул ладонью по левой щеке, дабы развеять накатывающуюся сонливость. Нет, зря он все-таки пил это вино, ой зря...

В дружиину барона Каэверли Комех попал всего пару месяцев назад. И очень был этому рад. Потому что служить барону оказалось куда приятнее и спокойней, чем промышлять на большой дороге. Правда, сначала, когда доверенный человек барона по имени Кругзан предложил ему перейти в дружиинники, Комех засомневался. Ведь до того, как начались все эти беды, он никогда не держал в руках оружия. А те навыки, которые он успел приобрести в банде, для уровня пусть даже и молодого, но настоящего дружиинника никак не дотягивали. Это было объяснимо, потому что происхождением он был из мещан города Гурбаха. Ну как мещан... Его отец был кожевником, а кожевенное производство, как известно, отличается изрядной вонью. Поэтому кожевенные мастерские никогда не размещаются внутри городской черты. Вот и их слобода отстояла от городских стен на расстоянии одного перестрела. Причем с подветренной стороны. Но и то, стражники на ближайшей стене частенько жаловались на вонь... И хотя формально жители слободы, вследствие того, что городской совет никак не мог себе позволить упустить из своих рук такие источники дохода, как кожевенные мастерские, считались полноправными жителями города, на самом деле отношение тех, кто жил в пределах городских стен, к обитателям кожевенной стороны всегда было несколько пренебрежительным. Их так и звали — «вонючки»... Естественно, что подобное никому из кожевников не нравилось. И потому кулачные схватки между молодежью кожевенной слободы и обитателями других ремесленных кварталов либо подвыпившими молодчиками из числа купеческих подручных случались довольно часто. И Комех не только принимал в них активное участие с того момента, когда более-менее вошел в силу, но и был настоящей звездой подобных потасовок! Боги наградили его изрядной статью, впрочем, взамен отсыпав весьма скромно ума. Так, во всяком случае, кричал отец, когда устраивал ему выволочку за очередную испорченную шкуру. Или загубленный дубильный раствор. Либо сломанную мешалку. Так что совсем немудрено, что молодой кожевник

предпочитал хорошую драку семейному ремеслу. Но именно драку, а не схватку с оружием. Здесь, на западе, города уже очень давно не проводили учений своего ополчения, и вполне себе еще живые на том же юге традиции выставлять по ополченческой роте от каждого цеха в городах запада ныне являлись всего лишь городскими легендами...

Бывший кожевник снова смахнул и, покрутив головой так, что захрустела шея, двинулся по стене, положив свою алебарду древком на шею и закинув руки на ее торчащие по бокам концы. Конечно, при таком положении в случае внезапного нападения он точно не успеет воспользоваться своим оружием, но кому тут нападать-то?

В спеше собранное ополчение молодого кожевника не взяли. Старшина кожевников сказал, что это потому, мол, что Комех в драке становился совсем дурной. Эвон, уже троих с горшечной улицы так покалечил, что до сих пор отлеживаются. А одному из кузнечных подмастерьев и вообще руку напрочь сломал. Но Комех был уверен, что дело совсем не в этом, а в том, что старшина просто его невзлюбил. Потому что младшая дочка оного старшины уже давно заглядывалась на молодого кожевника. Телея была пышной, как сдобный калач, и весьма своеенравной. Так что уже в достаточно юном возрасте научилась закатывать отцу такие истерики, что никто из семьи старшины старался с нею не связываться. Но ленту в подарок от молодого кожевника она приняла. Хотя и фыркнула... Поэтому напрямую запретить дочери «женихаться» с Комехом старшина не решился. Комех же сему факту только порадовался. Семейка у старшины кожевенного цеха была богатая — две мастерские держали. Причем ни он сам, ни трое его сыновей лично у дубильных чанов уже не стояли. Да и городские поставки кож также шли через его руки. Уж, чай, найдет для зятя какое местечко, где также не придетсяшибко пачкаться... Однако всем было известно, что сам старшина выбор дочки явно не одобрял. Вот и отшил нелюбимого кандидата в зятья, не дав ему возможности прославиться и неплохо подзаработать. На чем? Да на тех же трофеях. А как же иначе-то? Зачем еще люди в воины идут, как не за этим?.. А добыча, по мнению знающих людей, к которым Комех прислушивался с блестящими от предвкушения глазами, ожидалась весьма знатной. Нет, не с орков. Ну чего с этих дикарей взять-то? Оне ж — босота и голь перекатная. С них из чего подороже ежели только какое оружье взять можно. Но оно совсем не под человеческую руку. Так что в лучшем случае его придется перековывать, а в худшем... в худшем и вообще отберут. Потому как ополчение — это не воины. И своего оружия иметь не могут. Только то, что получили из городских арсеналов. И после того как все закончится,

требуется все оружие обратно в арсеналы сдать... Но ведь орки же цельную столицу того... сожрали! А в столице же самые богатства и есть. Это ж всем известно! И нонича они лежат совсем брошенные и никому не нужные. Так что приходи и бери, чего хошь. Так что тем, кто уйдет с ополчением, можно просто озолотиться. Ну, так говорили все эти знающие люди, которые, впрочем, отчего-то совсем не спешили записываться в ополчение. Но Комех на такие мелочи внимания не обращал... И тут такой облом! Вот точно старшина специально это сделал. Потому как — ну кого еще в ополчение брать, как не его? Да во всей кожевенной слободе никого лютере на драку, чем Комех, отродясь не было! А насчет того, что он дурел в драке, — так какой это недостаток-то? Чего врагов-то жалеть? Бей-убивай — и вся недолга...

Бывший кожевник дошел до конца своего участка стены и, развернувшись, двинулся обратно. Спать хотелось все больше и больше, так что он побоялся, что если остановится и расслабится, то точно уснет. А просыпаться пришпиленным к стене алебардой как бабочка ему совсем не хотелось...

В бандиты Комех попал по глупости. Причем случилось это почти сразу после ухода ополчения. Одним не очень удачным вечером он изрядно принял на грудь с более взрослыми мужиками да и двинулся к себе в слободу. Потому что делать в городе теперь было особенно нечего. В Ггурбахе после ухода ополчения стало тихо, уныло и... бедно. Торговля почти прекратилась. Даже в их кожевенной слободе склады гильдии буквально ломились от обработанных кож, которые никто особенно не покупал. Несмотря на то, что цены на них упали ниже некуда. Короче — ни развлечений, ни денег на них. Даже поход в бордель Комех мог теперь себе позволить не чаще пары раз в месяц. И если бы не парочка веселых вдовушек, которым молодой кожевник временами помогал слегка потешить свою... свой горячий темперамент, жизнь стала бы совсем унылой. Впрочем, и так он находил в ней не много поводов для радости...

Он совершенно не собирался убивать этих трех пьяньчуг. Ну вот совсем ему не было до них никакого дела, но... Короче, после того как с его глаз спала кровавая пелена, он обнаружил у своих ног три холодающих трупа. И понял, что если он не хочет закончить жизнь на виселице, то ему нужно как можно быстрее покинуть город. В Ггурбахе, несмотря на уход большей части стражи с городским ополчением, к убийствам относились все так же строго. И затеряться в столь небольшом городе также не было никаких шансов. Уже через несколько часов после того как будут обнаружены тела, все содержатели ближайших трактиров, а также их

завсегдатаи будут дотошно опрошены, после чего будет совершенно точно установлено, кто когда их покинул и куда направился. А имея эту информацию, вычислить, что путь этих трех пьяньчуг непременно должен был пересечься с траекторией двинувшегося в сторону дома Комеха, не составит особенного труда. Ну а после этого установить, кто нанес те самые удары, которые и прервали жизненный путь этих неудачников, вообще не составит никакого труда. Молодой кожевник ведь бил как привычно, как в обычной драке. Так что все, кто знаком с его тяжелой рукой, не узнать подобные удары не могут. А таковых в Гтурбахе до сих пор было вполне достаточно...

Комех дошел до надвратной башни и остановился. Внизу, у ворот, сегодня нес службу Бафсит, смуглый, чернявый улиец, не пивший ни вина, ни пива, но зато регулярно жующий какую-то оранжевую дрянь, которая ввергала его в странное полулетящее состояние. Но пребывать в этом состоянии Бафсит способен был чуть ли не целыми сутками. Причем практически не спя. Бывший кожевник вновь зевнул, едва не вывернув челюсть, после чего опять с размаху заехал себе ладонью по щеке. Но помогло это мало. Комех скривился и, перегнувшись через низкий внутренний парапет, тихонько крикнул:

— Бафсит, эй, Бафсит...

— Что? — очень невнятно донеслось снизу спустя некоторое время. Тоже небось придревал. Или эту свою дрянь жует. От нее голос тоже повсюкому меняется...

— А у тебя сейчас при себе эта твоя оранжевая дрянь есть? — Комех замолчал, ожидая ответа. А спустя минуту, так и не дождавшись, продолжил просительным тоном: — Ты это... может, поделишься? А то спать охота — мочи нет!

— Сейчас принесу, — глухо послышалось снизу, после чего послышался хруст щебня под каблуками, которым были засыпаны все внутренние лестницы в башнях. Бывший кожевник обрадовался, что ему самому не придется спускаться вниз по полуразрушенной лестнице, и, облегченно вздохнув, отвернулся и взгляделся в темноту за стену. Не то чтобы он там что-то увидел, просто в глаза будто кто-то песок насыпал, так что смотреть просто во тьму было легче, чем в ту сторону, которая освещалась рваным, трепещущим светом пары-тройки факелов... Так что когда возникшая за его спиной неясная фигура качнулась вперед и, ухватив его ладонью за подбородок, резко дернула голову вверх, он от неожиданности смог только испуганно втянуть воздух. А затем горлу отчего-то стало очень больно и мокро...

* * *

Трой осторожно опустил все еще содрогающееся тело на камни стены и огляделся. Это был третий, последний из караульных, которых он сумел обнаружить. И самый неудобный из них. Поскольку в отличие от остальных не пытался дремать, специально оградив место своего пребывания разными примитивными сигналками типа особым образом положенного камня или, там, пустой кружки, поставленной в неустойчивое положение в таком месте, где ее непременно должен был бы задеть приближающийся проверяющий, а просто тупо бдил. Положение еще больше усугублялось тем, что этот караульный нес службу на самом обветшавшем участке стены, заваленном щебнем и мелкими обломками, которые, с одной стороны, вследствие своих крайне малых размеров никак не могли послужить Трою укрытиями, а с другой — служили отличной сигнальной системой. Как осторожно ни двигайся — все равно либо щебнем захрустишь, либо какой обломок заденешь. То есть подобраться к караульному или хотя бы к месту, с которого на него можно было совершить внезапное нападение, было очень проблематично... Нет, будь здесь Алвур с его эльфийской сноровкой и ночным зрением — ему это, скорее всего, не составило бы большого труда, но Трой-то не эльф... И тут вот такой подарок! Самая неудобная цель не только сама позвала его к себе, но еще и в самый опасный момент, когда шансы разглядеть, что к нему приближается вовсе не тот, кого она ожидает, максимальны, — еще и тупо повернулась к Трою спиной. Удача? Несомненно! Вот только жизнь научила Троя относиться к подобным подаркам судьбы очень настороженно. Потому что, как говаривали еще Ругир и Тристан, — удача стремится к равновесию. И если она в какой-то момент щедро тебя одарила, готовься к тому, что очень скоро жизнь подкинет такую подлянку, что диву дашься! Так что лучше было бы ему сейчас на стене помучаться...

Как мнилось — так и случилось. Аккурат в тот момент, когда Трой, шатаясь от напряжения на подрагивающих ногах, медленно вытягивал из кованых скоб тяжеленный брус, запечатывающий ворота, за его спиной раздался удивленный голос:

— Ах ты ж, дюблкая отрыжка ухнака, ты чего это тут творишь?!

Трой на мгновение замер, а затем, шумно выдохнув, рывком вырвал брус из последней скобы и, напрягшись буквально до звона мышц, швырнул его через себя в сторону неожиданного черта из табакерки. Брус с грохотом обрушился на булыжник, которым был вымощен воротный

проем, не долетев до цели не менее пары саженей.

— Ах ты ж... — взвизгнул неожиданно появившийся тип, отпрыгивая в сторону, — да я ж тебя... — но тут же запнулся и, окинув Троя недоуменным взглядом подозрительно спросил: — Э-э-э... а ты кто? Откуда взялся? — И почти сразу же, не дожинаясь ответа на заданные вопросы, заорал: — Тревога! Враги! К оружию! — После чего бросился к тяжело дышащему Трою, выхватывая на ходу из ножен свой меч.

В первые секунды схватки Трой не погиб только потому, что, опасаясь поранить руки, рискнул надеть на себя левый наручь. Вот им он и сумел пару раз отмахнуться от весьма умелых ударов нападающего. Чешуя Раш очередной раз доказала свое полное превосходство даже над обычной сталью... А затем он извлек-таки из перевязи за спиной свою Тайную ветвь и... эта схватка закончилась.

— Вот дермо... — досадливо прохрипел Трой, вытирая лицо от кровавых брызг, которые напавший на него тип расплескал из обрубка своей руки. Но его досада была связана вовсе не с этим, а с тем, что вопль нападавшего не остался безответным. И из распахнувшихся дверей караулки уже выбегали друдинники, на ходу натягивающие на себя стеганки и кожаные панцири. И оружие они уже держали в руках... Алый герцог зло сплюнул. Вот ведь незадача — боец из него сейчас совсем никакой. Руки трясутся, ноги дрожат, и мокрый как мышь. Ну да этот брус явно человека четыре-шесть обычно накладывали, а Трой сунулся в одиночку... Так что то, что он справился с напавшим на него типом, который явно был из числа командиров и, скорее всего, заявился проверять караульных, было, скорее, удачей, чем результатом его реальных усилий. Ну не был напавший готов к тому, что Тайная ветвь легко разрежет и его меч, и наручь, и саму руку, и вообще отсечет ему все правое плечо. Он-то все правильно сделал — ловко заблокировал удар своим мечом. Откуда ж ему было знать, что у какого-то ночного бродяги, одетого, почитай, в лохмотья, может быть подобное оружие...

— Помнится, милорд, вы обещали мне, что если вам придется встать в кругу врагов спина к спине, вы не забудете об одном вашем знакомом? — Веселый голос, раздавшийся за спиной герцога Арвендейла, прозвучал несколько неожиданно, но очень вовремя.

— Рад вас видеть, виконт, — облегченно выдохнул Трой и привалился плечом к стене. — Должен вам сказать — вы довольно вовремя.

Виконт Аскавирал довольно хмыкнул и выпрыгнул вперед, замахиваясь своим двуручным мечом.

— Хресь!

— А-а-аы-ы-ы-ы-ы... — Первый из подбежавших друдинников оказался недостаточно проворным для того, чтобы избежать удара, и потому повалился на камни замкового двора, оглашая его дикими воплями. Да уж, массивный меч виконта не был столь смертоносен, как Тайная ветвь, но устоять под его ударом могли о-о-очень немногие.

— Дзанг!

— Аа-а-а-аа-а-а-а... — Второй из подбежавших друдинников барона, как видно спросонья, подставил под удар деревянный щит... и огласил окрестности настоящей руладой, когда разрубившее щит лезвие заодно рассекло и руку, на которой, собственно, щит и висел. Трой отдохнул и отлип от стены. Пора и ему включаться. Двуручный меч, конечно, вещь убойная, но у него есть один большой недостаток — он очень тяжел и инерционен. Поэтому переход от одного удара к другому возможен только через размашистые и потому довольно долгие по меркам ближнего боя удары-махи. Один на один и на открытом пространстве это не так уж и важно, — всегда есть возможность сработать корпусом или ногами и уклониться от излишне приближившегося врага, а вот в арке ворот и против десятка противников...

— Фжух!.. жух! — Слева просвистела парочка стрел, и один из подтянувшихся к воротам друдинников барона рухнул на бульдожник замкового двора. Трой довольно оглянулся. О, вот и егеря подтянулись. Ну, теперь живем! Он нагнулся и, подхватив слегка погнутый и выщербленный щит, оставшийся в воротной арке от второго из снятых им караульных, несколько неуклюже двинулся вперед. Ноги еще побаливали, да и пресс со спиной тоже — так что вряд ли он сейчас способен передвигаться достаточно ловко, чтобы исключить попадания по себе. А от его легендарного доспеха из чешуи Раш у него в данный момент имеется только один наручь. Так что уж лучше со щитом...

— Хрясь! — Двуручное чудовище виконта развалило до паха еще одно неудачливое тело. Какие-то странные у этого барона бойцы — так подставляться, это надо, считай, ничего не уметь в прямой схватке. Впрочем, если Хромой сказал правду о том, из кого этот Каэверли в основном набрал свою друдину, — все понятно. Подобный контингент только в подворотне силен. Ну, или на большой дороге... Но из примыкавшего к донжону приземистого здания казармы уже густо полезли остальные друдинники, не только из числа назначенных в караул. Так что основная схватка была еще впереди. Трой зло скривился. Ну почему сегодня все пошло так наперекосяк?! Изначально планировалось, что могучий и смертоносный герцог Арвендейл тихо взберется на стену, тихо

переберется во двор, тихо вырежет караульных, после чего остальные столь же тихо проникнут внутрь и как можно более тихо вырежут (ну, или оглушат и связуют, как настаивал виконт Аскавирал) возможно большую часть баронской дружины. Но как выяснилось, могучесть и смертоносность вышеупомянутого господина оказались изрядно преувеличены. Так же, как и его удачливость... Так что теперь предстояло выдержать бой со всем гарнизоном. Нет, в победе он не сомневался, но каковы будут потери? До сего момента им удавалось обходиться без них, хотя благодарить за это стоило, пожалуй, не столько его, так сказать, умелое руководство, сколько достаточный запас зелий и лечебных амулетов. И Алому герцогу очень не хотелось нарушать эту традицию. Но, похоже, сегодня без этого не обойдется. Если только он срочно не придумает, как...

— Позвольте, милорд! — Герцог Арвендейл качнулся в левую сторону, и мимо него шустро пробежал десяток егерей, держащих в руках луки с уже наложенными на тетивы стрелами.

— Э-э-э... прошу прощения, милорд! — На этот раз Трой ушел вправо, пропуская мимо себя своих арвендейлских охотников, устремившихся на узкую лестницу, ведущую на стену. Схватка, как обычно, вполне себе развивалась и без его «мудрого» руководства.

— Фжух!.. жух!.. жух! Ш-жжух! — запели впереди стрелы. И почти сразу же со стороны казарм послышались вопли и стоны подстрелянных. Трой прищурился, всматриваясь в едва начавшую сереть темень, и тихо выдохнул. А может, и обойдется...

4

Барона Каэверли разбудило неясное ощущение тревоги. Впрочем, он вообще последнее время часто спал весьма плохо. Чутко, просыпаясь от малейшего шороха, а иногда и вообще просто так, потому что ему что-то почудилось. Ну, вот как в этот раз...

Все началось еще тогда, когда до барона дошли известия о том, что кто-то упокоил Угрюмого Пеппия. У Угрюмого была самая сильная банда из тех, что находились под негласным управлением барона, и приносила ему очень неплохой доход, который к тому же был уже до медяка учтен в его будущих планах. Так что известия эти были весьма неприятными, и барон несколько ночей долго засыпал, ворочаясь и кляня злодейку судьбу, подкинувшую ему такую подлянку.

Но особой тревоги у него тогда не возникло. Разбойная доля — дело такое... из числа тех, кто встал на стезю разбойника, смертью от старости умирает едва ли один из ста. Да и эти единицы по большей части последние годы жизни влакат весьма жалкое существование, чаще всего выпрашивая милостыню, демонстрируя сердобольным прохожим культи отрубленных палачом рук и ног и обрывки вырванных им же ноздрей и ушей. Остальные гибнут либо во время какого-то очередного грабежа, нарвавшись на слишком зубастую добычу, либо, будучи высаженными егерями, — от «брата» с «пеньковой вдовой». Ну, или если совсем уж не повезет, — после приговора суда медленно сгнивают на каменоломнях и рудниках от обвалов, желудочных болезней и истощения. Очень редко кому удается избежать всего сказанного... А какой может быть иной исход, если в бандиты, как правило, попадают откровенные тупицы и неудачники? Потому что как еще можно назвать людей, которые оказались в разбойниках по большей части совершенно случайно. Вот жил себе такой человек, хорошо ли плохо, но обычно — пил, ел, занимался крестьянским трудом либо каким ремеслом, а потом — раз напился и прибил либо прирезал кого-то по пьяни — и все. Или на каторгу, или в бега. Ну а потом либо в наемники, либо в разбойную ватагу... Или там чего украл, но опять же или по пьяни, или настолько тупо и бездарно, что поймали за руку, — и опять тот же выбор.

Причем как раз в бандитах оказываются самые никчемные — трусы, лентяи и неумехи. Потому как хоть в наемниках и не спрашивают особо, кто, какой, откуда, но зато сразу же берут в оборот и нагружают по полной.

Да еще и в бою молодняк, как правило, сразу же ставят в первую линию. Сумеет под мечами врагов вспомнить и применить все, чему успели научить, и выжить — есть смысл дальше с ним возиться, а нет — так нет. Свежее «мясо» на замену всегда найдется. Наемничество — ремесло суровое, трусы и неумехи в одном с тобой строю это не просто ненужные расходы, это прямая угроза собственной жизни. Так что для того, чтобы пойти в наемники, нужен либо собственный сознательный выбор, либо большое личное мужество. А вот в бандиты... в бандиты идет всякая шваль. У них же не жизнь, а малина! Пограбил, набрал добра и серебра, а то и золота с каменьями — и гу-уляй не хочу! Все бабы твои!

Так что поначалу барон не обеспокоился. Но после того, как в течение двух недель на ноль оказались помножены еще две крупные банды, он встревожился. А когда, подняв всех своих информаторов, барон так и не смог узнать, кто именно разобрался с этими бандами, у него засосало под ложечкой. Потому что никто из его контрагентов и информаторов даже не представлял себе, кто здесь, на западе, в настоящее время был на такое способен... То есть нет, представлять-то представляли, конечно, такие были, и они были достаточно известны — герцоги, пара-тройка графов посильнее, сводный отряд из городской стражи более-менее крупного города и пары-тройки дружин относительно сильных баронов — и так далее... Но судя по той информации, которую удалось собрать барону Каэверли, никто из этих потенциально опасных лиц и сообществ в последнее время не предпринимал ничего подобного. Более того, никто ничего подобного даже не планировал. Люди здесь, на западе, были настолько запуганы, что даже не решались ничего предпринимать. Но ведь это же случилось! А значит, здесь, на западе, появилась некая новая сила, от которой нужно было ждать всего самого плохого...

Ему очень не хотелось в это верить, очень! Потому что если все обстояло именно так, то это означало резкое нарушение, а то и полное крушение всех его планов. А также той жизни, к которой он уже успел привыкнуть... Нет, к настоящему моменту барон «заработал» уже почти в три раза большую сумму, чем та, на которую он рассчитывал, когда, так сказать, «вступил в отношения» с Кривым Кабаном. Но ведь всем известно, что аппетит приходит во время еды, не так ли? Вот и у барона Каэверли он также... пришел. К тому же выяснилось, что барон сильно просчитался с планируемыми расходами. Потому что женщины, даже попавшие в затруднительное положение, все равно остаются женщинами. А у женщин аппетит всегда безразмерен. И зависит вовсе не от того, что ей действительно нужно или, скажем, просто хочется, а от того, что ей могут

дать. Ну во всяком случае так обстояло дело с теми женщинами, с которыми отношения у барона сложились настолько близко, что он посчитал для себя менее обременительным исполнить какую-то часть их желаний и прихотей, нежели сказать им «нет» и... получить полной мерой все, что последует после этого. К тому же с появлением денег и к самому барону вернулись все его старые привычки. А в молодости он был тем еще транжирой...

Поэтому, несмотря на то что холодная логика требовала немедленно свернуть все опасные контакты и начать решительно рубить концы, барон Каэверли поступил почти точно наоборот. То есть не просто не обрубил концы, но еще и попытался выжать максимум из того времени, которое, как он считал, у него осталось... Впрочем, это типичное поведение для любого бандита, не так ли? Все они грабят, насилиуют и убивают до последнего момента, до того, как опасность не становится абсолютно очевидной... после чего с воплями разбегаются по щелям, моментом забывая про все байки о «воровском братстве», которые они так любили слушать или рассказывать, изрядно приняв на грудь у походного костра или на теплой городской «малине». Вот и барон тоже, искренне считая, что уж он-то — совсем не это тупое, трусливое и развращенное разбойничье быдло, попался в абсолютно стандартную для не только разбойничего, а вообще абсолютно любого тупого быдла ловушку жадности. Ну оглянитесь вокруг — разве возле вас таких мало? Жадных и кичащихся своим «умением жить», своим, во многом ворованным, достатком, обожающих напяливать на себя горы золота или модных шмоток и хвастающихся не чем-то, что они создали собственным талантом, упорством и честностью, а некими «бирками», «вывесками», подтверждающими их условную принадлежность к «узкому кругу ограниченных людей» — машинами дорогих марок, ношением одежды раскрученных брендов, фотографиями с отдыха на палубах дорогих яхт или с танцполов престижныхочных клубов. Потому что ничего своего, чем можно было бы похвастаться, у них, увы, нет...

Так что действительно рубить концы барон Каэверли начал только после того, как была разгромлена банда Кривого Кабана, связанного с бароном куда как сильнее, чем любой другой разбойничий главарь. Ведь именно с договора с этим бандитом и начались приятные перемены в жизни нищего барона. Но когда от Кругзана пришло короткое сообщение, что Хромого в Каглуме не оказалось, барон понял, что все, он не успел. И окончательно потерял сон...

Проснувшись, барон несколько мгновений лежал, прислушиваясь к

ночной тишине и пытаясь понять, чем именно вызвана разбудившая его тревога. Как и ранее, чем-то подсознательным или на этот раз... закончить мысль он не успел. Потому что из-за неплотно прикрытых на ночь ставен до барона донесся раздраженный голос капитана его стражи, бывшего наемника, а затем разбойника — Кривозуба:

— Ах ты ж, дюблкая отрыжка ухнака, ты чего это тут творишь?!

Барон досадливо скривился. Похоже, капитан застал спящим очередного караульного. «Ну, теперь начнется шарманка...» — раздраженно подумал барон, поворачиваясь на бок и прикрывая глаза в попытке снова заснуть. Но заснуть ему не удалось. Потому что буквально через пару мгновений от ворот донесся какой-то гулкий удар, будто кто-то уронил на бульдожник двора что-то тяжелое. После чего снова послышался голос капитана дружины барона, но уже какой-то удивленный, а вернее даже ошарашенный:

— Ах, ты ж... Э-э-э... а ты кто? Откуда взялся? — И почти сразу же: — Тревога! Враги! К оружию!

Барон тут же вскинулся и сел на кровати, испуганно прислушавшись. Лежащая с другой стороны стройная женская фигура зашевелилась и, оторвав голову от подушки, удивленно произнесла:

— Дорогой? — собрав в одном этом слове целый сонм разных оттенков — вопрос, озадаченность, тревога, просьба успокоить... и тут же еще и раздражение, и обещание будущих проблем. Но барону Каэверли было на это наплевать. Даже не повернув головы, он свирепо рявкнул:

— Заткнись! — и настороженно прислушался. Пару мгновений со двора не было слышно ничего, кроме тяжелого дыхания и лязга железа, а затем раздался полный боли вой, мгновенно перешедший в череду полуслыхлов-полустонов, сразу после чего послышался скрип распахиваемых ворот и встревоженные голоса. А чуть позже вопли, лязг столкнувшихся клинов, хлопки тетив и ругань полились уже нескончаемой рекой. Барон Каэверли судорожно сглотнул и вытер ладонью мгновенно вспотевший лоб.

Он не был военным... Нет, как дворянин, барон, естественно, обучался военному делу. И когда был совсем еще молод и глуп, даже, помнится, грезил, как он мчится в полных латных доспехах на могучем боевом коне, повергая наземь врагов, разя мечом грязных орков и купаясь во всеобщем восхищении перед своей доблестью и силой. Ну-у-у... теоретически. Как бы... Если бы к этому не надо было прилагать особых усилий и-и-и... не особо подвергать опасности свою жизнь. Вот чтобы — раз, и он уже на коне и разит... Потому что здесь, на западе, все уже привыкли к тому, что

жизнь в империи размеренна и безопасна. И считали это правильным и неизменным. Так что молодежи даже приходится специально как-то напрягаться, чтобы отыскать способ пощекотать себе нервы. Ну тем, кто хотел... А юный барон хотел этого далеко не всегда. Нет, он, конечно, участвовал в дуэлях, но ведь дуэль это же совсем другое, нежели настоящая боевая схватка. Потому что здесь, на западе, никого не убивали на дуэлях уже как минимум лет двадцать. Это было просто не принято. Ведь на дуэли всегда есть возможность сдаться, причем сделать это можно было весьма пафосно. Ну там отшвырнуть в сторону клинок и гордо воскликнуть нечто типа:

— Пусть вам сегодня и повезло, но боги еще покарают вас за то, что вы сегодня выступили на стороне лжи! — А потом так: — Я извинюсь, как этого требует дуэльный кодекс, но запомните мои слова!

Барон и сам поступал так не один раз. А что — и нервы пощипал, и никакого особенного урона. Хотя, конечно, его противники поступали так куда чаще. Потому что барон Каэверли был весьма умен и всегда старался соглашаться на схватку, только если противник был явно слабее его. А от дуэлей с более сильными противниками старался всячески уклоняться. Но, как известно, поединок — вещь не очень-то предсказуемая. И если ты понял, что ошибся в силе противника, то лучше красиво выйти из неудачно складывающейся для тебя ситуации, нежели тупо лезть на рожон. Потому что надо быть полным идиотом, чтобы реально, по-серезному, рисковать своей такой драгоценной, такой единственной и неповторимой жизнью. Ведь каждый человек — это же целый отдельный мир, с его мечтами, чаяниями, желаниями и любовью. Разве не так говорят философы? Вот и барон с ними был полностью согласен. Особенно в отношении себя самого. Иначе он ни за что бы не пошел на ту сделку с Кривым Кабаном...

И вот теперь, похоже, ему предстояла реальная схватка не на жизнь, а на смерть. Ибо глупо ждать пощады от тех, кто уже вырезал или развесил по обочинам дорог не одну сотню таких же вполне себе живых людей, со своими желаниями, надеждами и чаяниями. А теперь пришел за ответом в его собственный замок, который он, вот досада, так и не успел восстановить в достаточной мере. А все из-за этих баб, которые требовали от него все больше и больше денег...

Барон зло покосился на делившую с ним ложе кровососку, которая уже села на постели и закуталась в одеяло, а затем быстро вскочил на ноги и судорожно бросился к висящему на вешалке доспеху. Однако подбежав вплотную, замер. Мысли метались как испуганные мячики. Зачем надевать доспех, если пока он оденется и выбежит наружу, все закончится? То есть

либо гарнизон замка отобьет нападение, либо... А вот если произойдет второе либо, то эта громоздкая хрень точно помешает ему бежать... ну, или спрятаться. Значит, не надеваем! А вот меч... меч стоит взять. Может, придется прорываться. Да и все равно необходимо будет выглянуть наружу. Ну хотя бы для того, чтобы прикинуть, как там идут дела. Вот он и выглядит с мечом в руках. Дабы добавить воодушевления своим воинам. И еще чего-нибудь пафосное проорет...

— Дорогой, что случи...

— Заткнись!!! — истерично возопил барон и, схватив меч, бросился в сторону балконной двери.

Проорать ничего не получилось. Едва только барон Каэверли грозным пинком распахнул двери и выскочил на балкон, который когда-то, когда донжон и весь замок еще только строились, должен был играть роль стрелковой галереи, но уже очень давно не использовавшийся по изначальному предназначению, как любые слова просто застяли у него в глотке. Потому что... потому что внизу все было уже закончено. Двор замка оказался завален трупами, одетыми в форму его дружины, а несколько десятков бойцов, часть из которых, кстати, носила вполне узнаваемые накидки императорских егерей, тушила горящую караулку и деловито вязала около полудюжины его друдинников, которые, как видно, успели бросить оружие и потому умудрились остаться в живых. А у самых ворот стояли два человека и молча смотрели на все происходящее...

Барон испуганно сглотнул и... это оказалось его ошибкой. Потому что довольно гулкий звук долетел до находившихся внизу людей, и половина из них тут же развернула головы в его сторону. Несколько мгновений над двором висела тишина, нарушаемая только треском угольев на уже потушенной караулке, после чего один из тех двоих, что стояли около ворот, сделал приглашающий жест рукой и произнес:

— Спускайтесь, барон, не заставляйте нас посыпать людей, которые приволокут вас силой.

Барон снова сглотнул, после чего постарался взять себя в руки.

— Кто вы-й... — грозно начал он, однако голос подвел его, на втором слове дав петуха. Барон осекся, откашлялся, а затем начал снова:

— Кто вы такие и почему столь подло напали на мой замок?

— А вы спускайтесь, — усмехнулся тип, стоявший возле ворот, боднув барона ледяным взглядом. — Здесь и познакомимся.

И Каэверли понял, что если он хочет получить хотя бы маленький шанс на то, чтобы не то что просто продолжить свою только-только наладившуюся и ставшую такой удобной и приятной жизнь, но и вообще

остаться в живых, ему надо немедленно бежать. Причем бежать как можно быстрее и как можно дальше, а там, далеко, забиться в самую узкую и глухую щель... Поэтому барон резко отпрыгнул назад и бросился к красивой резной двери, за которой располагалась его личная гардеробная. Потому что именно из нее начиналась тайная лестница, ведущая вниз, в подвал донжона, к подземному ходу. Вот Темные, он не знал, успели ли его очистить! Нет, барон точно помнил, что отдавал такой приказ, но вот проверить выполнение так и не удосужился. Идиот! Все дела, дела, развлечения, женщины, а самого главного-то...

— Стынц! — Каэверли, уже почти добежавший до своей цели, резко отшатнулся назад, потому что в косяк двери, к которой он так стремился, перед самым его носом воткнулась стрела. После чего от входных дверей в его личные покои послышался хриплый и слегка запыхавшийся голос:

— Будешь дурить — вторую всажу в поясницу. Отвечать на вопросы милорда отнявшиеся ноги тебе нисколько не помешают.

— Й-а-а... — испуганно проблеял барон, замерев и не рискуя сделать последний, спасительный шаг, но затем дворянская спесь взяла свое и, он гневно начал, разворачиваясь: — Да как вы сме... — Но в этот момент за его спиной послышался голос еще одного из захватчиков:

— А чего ждать-то? Давай сейчас и всадим. Парочку.

— Нет-нет, — поспешил вскрикнуть барон, мгновенно растеряв весь свой гонор, — я готов. Я уже иду!

Пока спускались по лестнице, слегка успокоившийся барон Каэверли прикидывал варианты того, что может емугрозить. Выходило, что пока ничего серьезного. Он — дворянин, барон и подвержен только суду лорда. К тому же даже герцог не имеет права судить его только и исключительно своей волей, а должен собирать судебную коллегию. А вот тут, даже если у напавших на замок имеются против него очень веские обвинения, уже возможны некоторые варианты. Недаром он последнее время активно окучивал местный «свет». По большей части, конечно, его «слабую» половину, но и «сильную» тоже. И хотя среди тех дворян, что ушли с дружинами к Эл-Северину, отклинувшись на призыв этого новоявленного императора, авторитет барона Каэверли был не особенно высок, то вот среди тех, кто все это время высидел здесь, у него уже успела сложиться кое-какая репутация. Недаром он столько денег спустил на разные воспомоществования. Благотворительность, она всегда окупается... Так что если его судьи будут именно из вторых, особо серьезных проблем можно не опасаться. А так скорее всего и будет. Первых-то вернулось не так и много, причем большинство из этих вернувшихся все еще отлеживалась по своим

владениям, отходя от ран... Утвердившись в этих выводах, барон, выйдя на двор, высокомерно огляделся.

Основная суета во дворе уже прекратилась. Зато из внутренних помещений замка вовсю слышались испуганные крики, взвизги и плач. Похоже, захватчики не особенно церемонились с прислугой. Вот интересно, а эту сучку, которая так умело затихарилась в его кровати, они найдут? Каэверли вскинул голову и гордо начал:

— Кто вы такие и что вам на...

— Связать, заткнуть кляп и положить в сторонку, — равнодушно бросил тот тип, который предлагал ему спуститься. Второй боднул его укоризненным взглядом, но не стал ничего говорить, а только вздохнул.

— А-няй! — Барону заломили руки и одновременно ловко всунули в рот довольно грязную тряпку. Вон даже песок на зубах заскрипел... Еще несколько движений, и хозяин взятого штурмом замка оказался умело упакован и положен на бок у угла воротной башни.

Обыск замка и допрос слуг занял около получаса. Ну да замок у баронов Каэверли строился довольно давно, когда он еще был в первую очередь укреплением, а не жильем, и потому основной задачей зодчего было сделать так, чтобы стены замка можно было защищать максимально ограниченным гарнизоном. Поэтому сам замок был не очень-то большим. К парочке, так и не покинувшей своей позиции у ворот, время от времени подбегали воины и что-то негромко докладывали. Что именно, барон расслышать так и не смог. Но вот разглядеть этих двух сумел хорошо. Тем более что все эти полчаса его никто не трогал. А затем обыскивающие добрались до его покоев...

Сначала из донжона послышался женский визг, быстро ушедший куда-то в ультразвуковую часть спектра. После чего из расширенных проемов бойниц, ныне ставших окнами, полились потоки ругани... Если бы не тугой кляп, не позволяющий шевелить нижней челюстью и губами, барон Каэверли, скорее всего, криво усмехнулся бы. Маркиза Тевлери, с которой он делил эту, столь неудачную для него ночь, считалась самой шикарной любовницей запада. И после сегодняшней ночи барон понимал почему. Маркиза оказалась о-о-очень горячей штучкой. Она возбуждалась от простого прикосновения к обнаженной коже, а во время секса орала, визжала и царапалась как безумная, своими множественными, дикими оргазмами заставляя любого из своих партнеров чувствовать себя настоящим мачо и крутым, брутальным самцом. А ради такого мужики способны пойти на очень многое... И маркиза этим весьма умело пользовалась, выжимая из своих любовников деньги, драгоценности, новые

туалеты и иные подарки в виде породистых лошадей, карет и, самое главное, оплаты своих долгов, каковые она плодила со всей широтой своей страстной натуры. Причем она делала это настолько виртуозно, что то один, то другой из ее любовников вынуждены были запираться в своих замках и не казать оттуда носа, будучи обложенные разъяренными кредиторами. Вследствие чего барон Каэверли первое время даже старался держаться от нее подальше. Но когда он изрядно поправил свое материальное положение, а затем и благодаря своей «непримиримой борьбе с бандами» стал едва ли не самым обеспеченным владельцем запада (ну надо же было как-то легализовать свои доходы), она сама открыла на него охоту. И у барона не осталось шансов... А вот интересно, на что она сумеет развести эту парочку?

— Да как вы смеете, грязный мужлан?! Немедленно уберите руки и не смеите ко мне прикасаться! Я — маркиза Тевлери и требую к себе подобающего отношения! — Полуодетая женская фигура, вылетевшая из дверей донжона, тут же заставила всех находящихся во дворе оставить свои дела и повернуться в ее сторону. Двое, стоявшие у воротной башни, быстро переглянулись, потом второй, ну, который с укоризненным взглядом, сделал шаг вперед и учтиво поклонился:

— Прошу простить, госпожа, я — виконт Аскавирал. Могу я узнать, как вы оказались в этом замке?

— А-а-а, вы — дворянин! — Звонкий голос маркизы заставил птиц заполошно взметнуться с крыш и коньков башен и крытых галерей, на которых они устроились на ночь. И вот что удивительно — звуки яростной схватки в замковом дворе не заставили их как-то всполошиться, а вот голос маркизы...

— Немедленно прикажите схватить этого грязного мужлана и повесить на воротах! Он посмел обойтись со мной крайне грубо. Вы же рыцарь... — Она запнулась и окинула его подозрительным взглядом. Да уж, тип, назвавшийся виконтом, был одет крайне простонародно. — Вы точно рыцарь?

— Да, госпожа маркиза. — Горделивый кивок сразу же развеял любые сомнения. К Темным богам одежду, держаться с таким природным достоинством способен только аристократ.

— Значит, вы принимали обеты защищать женщин, детей и стариков! Я — женщина, и меня оскорбили. Я требую защиты! — И маркиза не менее горделиво вскинула голову. На несколько мгновений во дворе замка повисла слегка ошеломленная тишина, а затем снова послышался голос первого:

— Где ты ее нашел, Коском? — Барон удивленно вскинул брови. А этот-то покрепче будет... У второго-то, ты только погляди, глаз горит, грудь колесом, румянец, а этот — все такой же холодный.

— Даык в кровати вот этого, ваша милость, — ухмыльнулся старшина арвендейлцев, кивая в сторону аккуратно упакованного хозяина замка, — у стеночки спряталась и покрывалом укрылась. А как услышала, что я собираюсь кровать мечом проверить, — так и выскошла!

— Да как вы смеете! — Голос маркизы вознесся до самых верхних высот. — Я не позволю... — но продолжить ей не дали, потому что из проема двери, ведущей в донжон, выскочил радостный тип в накидке старшего егеря и радостно прокричал:

— Нашли! — Он подбежал к своим командирам и, гордо выпрямившись, продолжил: — Нашли, милорд.

— Что нашли? Сокровищницу? — взволнованно уточнил виконт. — И что там?

— Не-ет, сокровищницу-то мы давно отыскали. В ней-то ничего не... кхм, то есть там только деньги, причем серебро и всего один сундук, и-и-и... ну всякая ерунда была. Ткани там, одежда, оружие украшенное, но нешибко хорошее. А больше ничего. Но когда я начал слуг спрашивать... — Тут Грикс криво ухмыльнулся, вследствие чего графиня даже заметно вздрогнула, и продолжил: — Так уже третий указал на такого плюгавенького старичка. Мол, он-то и есть доверенный слуга хозяина. Вот этот-то старичок и показал тут один тупичок. А там — скрытая дверка. И как ловко сделано: не зная — ни почем не заметишь! Там на стене гобелен висит, но старый и ветхий — никто и не позарится, а на полу сундук стоит тяжеленный... Ну а за дверкой комната без окон, а в ней все как вы говорили — и золото, и ковры узорчатые, и посуда всякая дорогая, и оружие с латами все изукрашенное.

Барон Каэверли прикрыл глаза и яростно стиснул зубами кляп. Тусмер... урод! А как клялся: «Можете быть покойны, ваша милость, — ни единого звука из моих уст никто не добьется!» В этот момент барон почувствовал, как кто-то резким движением, так что заломило зубы, вырвал кляп из его рта и, не удержавшись, зарычал:

— ...ский выкидыш! Сын свиньи и крысы! Да чтоб тебя... — Но в следующее мгновение кляп вновь оказался в глотке барона.

— Зря вы так, — укоризненно произнес тот налетчик, который доложил об обнаружении его секретной сокровищницы. — Старичок-то ваш дюже не хотел говорить. — Тут он снова повернул голову в сторону первого: — Но вы ж знаете, милорд, у меня такие умельцы имеются —

скелет заговорит!

— Пойдем, покажешь, — коротко приказал «милорд», но не успел сдвинуться с места, как на весь двор снова разнесся звонкий голос маркизы:

— Стойте! — Все замерли. Маркиза решительно подошла к отдавшему приказ и, ткнув пальцем ему в грудь, спросила:

— Кто вы такой?

Тот нахмурился, но нехотя ответил:

— Герцог Арвендейл, к вашим услугам, маркиза!

— Вот как? — Пухлые губки маркизы насмешливо изогнулись. — Не знала, что среди герцогов империи возникла новая мода — захватывать замки провинциальных баронов и грабить их сокровищницы.

— Я о такой моде не слышал, — спокойно отозвался герцог, — зато я не так давно услышал о том, что барон Каэверли, оказывается, имеет прямое отношение к тому разбойничью беспределу, что творится здесь на западе. И что большинство ограбленных замков местных дворян — дело именно его рук.

— Да что вы говорите? — ахнула маркиза. — Но-о-о... это точно? Вы уверены?

— Практически да, — кивнул герцог. — Но для того, чтобы убедиться в этом окончательно, мы и захватили этот замок.

Маркиза несколько мгновений рассматривала стоящего перед ней человека, очень соблазнительно покусывая губку, а затем перевела взгляд на лежащее у угла башни тело.

— Барон, неужели это правда? Неужели за трагедией бедняжки Стольвинер стоите вы? И замок виконтессы Альматир тоже ваша вина? — Она замолчала, как будто ожидая ответа, а затем сделала два шага вперед и решительным жестом воткнула свою ручку под локоть герцогу.

— Я иду с вами. Я должна своими глазами увидеть ваши доказательства.

5

— А-ха, ха, ха, ха... — Марелборо весело хлопнул себя по ляжкам, а затем вытер навернувшиеся на глаза слезы и переспросил: — Так прямо и сказала: «Я научу вас таким тайнам любви, о которых на вашем патриархальном юге даже не слышали!»? Оо-о... Не могу! — И император вновь зашелся в хохоте...

Трой же молча сидел и недобро зыркал на своих побратимов, большая часть из которых сейчас по примеру своего императора натурально ржала. Только Алвур скромненько молчал, хотя и на его губах играла легкая усмешка.

— Да уж... — едва отдышавшись, прохрипел Гмалин, — честно сказать — Лиддит такое рассказывать не стоит. У нас и так сирот после всего случившегося в стране изрядно, не надо множить их число...

— А вот хрен я тогда расскажу вам, что дальше было... — обиженно протянул герцог Арвендейл. Услышав это, император тут же вскинул обе руки вверх, а затем звонко хлопнул ладонями по столу. — Так — все, не ржем. Не ржем, я сказал! Глав, твою маму...

Все началось еще в замке барона Каэверли. Когда они с маркизой вошли в скрытую сокровищницу барона, та на некоторое время впала в ступор. А затем рванула к углу, в котором были свалены ковры, затканные золотом скатерти и иная драгоценная ткань.

— О, Светлые, это же gobelены из замка Стольвинер! Я их отлично помню — они всегда висели в парадном зале сразу за графским троном. — Маркиза схватила один из gobеленов и, встряхнув его, развернула. — Ну да — вот герб Стольвинеров, а это знак императора Илиана, который и сделал Стольвинеров графами. — Она повернула голову влево и вскрикнула: — А это же парадный сервиз Альматиров! Из серебра, инкрустированного жемчугом и украшенного истивийской чеканкой. Прадедушка нынешнего виконта приобрел его за сумасшедшие деньги у купцов с южного побережья. Моя бабушка рассказывала, что об этой покупке в салонах судачили почти два года!

— То есть вы подтверждаете, что здесь находятся вещи, которые принадлежали владельцам разграбленных разбойниками замков? — уточнил Трой. Услышав его слова, маркиза резко развернулась в сторону герцога Арвендейла, отчего ее не застегнутое платье на несколько мгновений распахнулось, и в появившимся вследствие этого проеме

мелькнули и весьма выдающаяся грудь, и длинная стройная ножка. Трой слегка покраснел и отвел глаза, а виконт Аскавирал еле заметно сглотнул и покраснел совсем даже не слегка. Между тем виконтесса обдала герцога Арвендейла крайне горячим взглядом и воскликнула:

— Да-да, несомненно! — Она закрутила головой. — А вон там еще лежат столовые приборы «Оливковая ветвь», которые были фамильной гордостью Темрениэлов. А вот там ковры из парадной залы графини Грантери. Ее муж погиб на службе нашего великого императора, а замок бедняжки был разграблен, причем сразу после того, как этот... эта... этот негодяй почтил ее своим визитом. — Охваченная благодарностью маркиза была чудо как хороша! Ее глаза горели, на щеках играл румянец, а грудь... ох, гру-удь...

— Милорд, — с трудом произнес буквально пылающий от смущения виконт Аскавирал, — я это... я пойду, проверю... ну-у... кабинет барона. Вдруг там имеются какие-то важные бумаги... — с этими словами виконт буквально одним прыжком выскочил из тесной комнатки, заваленной горами добычи. Грикс же, похоже, деликатно исчез еще раньше... Между тем маркиза, чей восхищенно-влюбленный взор буквально ласкал мужественную фигуру своего освободителя, сделала шаг вперед... вернее не шаг, а... ну-у-у... эдак скользнула, максимально чувственно качнув и бюстом, и бедрами, отчего платье вновь колыхнулось, показывая самое сокровенное, а затем ухватила Троя за руку и потянула к себе.

— Ах, герцог, я вам так благодарна! Благодарна за то, что вы раскрыли и вытащили на свет этого подлеца... эту низкую тварь, которая сумела обмануть нас, дворян запада, и втереться к нам в доверие! О, как он был коварен... Представьте себе, это чудовище, грабившее и убивающее всех без разбора, ради того, чтобы войти в доверие и усыпить наши подозрения, даже объявил, что готов выделить помощь семьям, которые наиболее пострадали от разбойников. Я прибыла в замок барона как раз для того, чтобы передать ему список семей, которые более всех нуждаются в помощи. Дело в том, что я и мои подруги уже давно собираем для них одежду, продукты и кое-какую утварь, а также деньги и иные ценности, которые можно продать. Из-за того, что творится, очень многие юные дворянки остались практически без приданого. Я вам так благодарна, мой рыцарь! — Тут маркиза мягко потянула его ладонь на себя и-и-и... ловким движением прижала к своей пышной левой груди. Причем, конечно вследствие случайности, как раз в этот момент ее расстегнутое платье очередной раз весьма откровенно распахнулось, и заскорузлая, привыкшая к узде, древку копья и рукояти меча ладонь герцога Арвендейла была

буквально обожжена ощущением нежного, трепетного, обнаженного соска.

— Вот послушайте, как бьется мое сердце... — с приыханием начала маркиза. Но закончить свою фразу ей не удалось. Потому что его милость, герцог Арвендейл, вздрогнул и, со всхлипом втянув воздух, одним прыжком выскочил из тайной сокровищницы барона.

Никто не видел, что после того, как герцог вылетел из комнатки, маркиза на некоторое время замерла, чутко прислушиваясь, а затем победно ухмыльнулась и, на цыпочках подойдя к распахнутому сундуку, плотно забитому кожаными кошелями, в которых обычно хранили золотые монеты, подхватила парочку из них и начала деловито пристраивать добычу под платье, привязывая кошели к поясу для чулок. Она приехала в этот замок за деньгами, и она их получит. Что бы ни случилось! Касательно же этого герцога... м-м-м какой мужчина, даже при взгляде на него у нее становилось мокро между ног, а уж когда его ладонь коснулась ее груди... Ничего — никуда он не денется. Дорога до Гурбаха займет несколько дней — так что этот суровый красавчик точно не отвертится. С ее-то опытом... А если даже вдруг с ним не получится — остается еще красавчик виконт...

— Все-все, сир, я уже все... — с трудом выдавил Глав и, шумно втянув воздух, замер с красным лицом, изо всех сил стараясь снова не заржать.

— Все, все замолчали! — Марелборо эдак величественно склонил голову в сторону Троя и чопорно произнес: — Прошу вас, герцог, продолжайте. Нам не терпится узнать, что вы ответили на столь... м-м-м... неожиданное предложение.

Трой насторожено покосился на побратимов, потом вздохнул и уныло произнес:

— А чего тут было отвечать. Сказал, что уже женат.

— Да вы что? — Делано удивился Марелборо. — Надо же? Должно быть, герцогиня Велиэ нескованно удивилась подобному известию...

Эх, если бы дело ограничивалось только герцогиней...

Все началось еще по дороге к Гурбаху. Все те три дня, что заняла дорога до города, маркиза не оставляла попытки, так сказать, завладеть вниманием сопровождавших ее рыцарей, активно зазывая к себе в карету то Троя, то виконта, совершенно непринужденно переключаясь с одного на другого и наоборот. Но и для Троя, выросшего в деревне ветеранов, и для виконта Аскавирала, воспитанного на суровом севере, где до сих пор царили простые патриархальные нравы, а честь и верность были главными ценностями и для мужчин, и для женщин, подобная неразборчивость был не то что непонятной, а вообще шокирующей. Поэтому, несмотря на все свои усилия, маркизе пришлось всю дорогу до Гурбаха ехать в своей

карете в одиночестве. И ночевать так же. Поскольку Трой, под маркой того, что он очень озабочен опасностью разбойного нападения, погнал отряд скорым маршем, останавливаясь на ночлег не в придорожных трактирах, а прямо на лесных полянах в том месте, в котором их застиг закат. Ибо опасался того, что рискни он заночевать с маркизой под одной крышей...

Так что испытание, которым стала для них с виконтом дорога до города, они хоть и с трудом, но выдержали. Но в городе им совершенно не стадо легче.

Начнем с того, что Гтурбах оказался заполнен довольно большим количеством дворянских семей, укрывшихся за городскими стенами — после того, как по западу расползлись слухи о взятых и разграбленных разбойниками дворянских замках. Причем особенно много среди них оказалось молодых (и не очень) вдов, число которых после бойни у Падангеи на западе заметно увеличилось. И, как тут же выяснилось, почти все они полностью разделяли не только представления маркизы Тевлери о достойном и недостойном, но и ее манеры. Так что Трой с виконтом сразу же оказались вовлечены в активные боевые действия по всем правилам военной науки — со штурмами, волнами атак, планомерной осадой и засылкой шпионов и диверсантов. Причем они оба выступали в качестве именно объектов атаки. Вот только бои эти велись на таком поле, на котором оба прославленных воина чувствовали себя абсолютными сосунками.

Впрочем, в первый момент всей глубины постигшей их напасти оба аристократа не осознали, поскольку после казни барона Каэверли, ознаменовавшей собой крушение целостной системы грабежей и налетов, с остатками банд местные могли справиться и сами. Поэтому Трой посчитал, что поручение императора близко к исполнению. А как иначе-то? Самые крупные и организованные банды, объединенные одной волей, имеющие связь и поддержку, — уничтожены. И хотя мелочи, конечно, еще достаточно, но против дворянских дружин и баронских и графских егерей она уже не катит. То есть осталось только собраться и организовать патрулирование дорог и выслеживание остатков банд — и все! Пара-тройка месяцев, и в этих местах снова наступит мир и покой. Ну ладно, пусть полгода, но все равно дальше местные вполне способны справиться и без него... Однако не тут-то было. Несмотря на все его усилия, организовать местных на вроде как столь простые и понятные действия оказалось очень сложно. Нет, Трой понимал: местное дворянство оказалось слишком запугано дерзостью бандитов и жестокостью налетов — но вы же дворяне, Темные вас возьми! У вас в обете сказано — хранить и защищать! В ваших

вассальных клятвах записано: «Да не отпустят мои руки меч, пока я дышу!» Так почему же вы предпочитаете тихо сидеть за стенами и никуда не высовываться? И даже известия о разгроме наиболее крупных банд — того же Угрюмого Пеппия или Кривого Кабана, ранее подвизавшихся в виде этаких бичей божьих «благословенного запада», оказались не способны подвигнуть вас начать шевелиться!

Нет, все радовались и поздравляли друг друга, а также выражали полное восхищение силой и умениями Алого герцога — но и все. Никаких иных телодвижений не последовало. Так что, несмотря на все свое желание поскорее покинуть этот сумасшедший край, Трой не мог себе этого позволить. Потому что если плюнуть и пустить все на самотек, могло случиться так, что к тому моменту, когда местные наконец-то зашевелятся, бандитская мелочь, которая сейчас не представляла особой опасности, снова соберется в более-менее крупные отряды — и тогда все начнется по новой.

Две недели Трой бился как рыба об лед, встречаясь с людьми, посещая обеды и мотаясь по окрестным замкам. Но все было тщетно... Нет, с ним никто не спорил. Более того — им восторгались, в честь его прибытия в очередной замок или городской особняк закатывали торжественные обеды, на которых произносили прочувственные речи, но стоило только знаменитому Алому герцогу покинуть этот замок или особняк, как большинство достигнутых договоренностей и торжественно озвученных клятв развеивались как утренний туман. А вот атаки со стороны благородных матрон, молодых вдовушек, юных аристократок и даже старых дев, давно потерявших надежду на замужество, с каждым днем становились все более и более мощными и скоординированными. Сил же, чтобы отбиваться от второго и продвигать первое, с каждым днем становилось все меньше и меньше...

Помощь пришла с той стороны, с которой не ждали. А именно — от незабвенной маркизы Тевлери. Все это время он старательно скрывался от нее, причем делал это довольно успешно. Но однажды, когда его милость герцог Арвендейл в крайне расстроенных чувствах возвращался из очередной, как уже ему было понятно, практически бесполезной поездки в пару окрестных замков, на подъезде к городу навстречу его небольшому отряду выехала кавалькада всадников и всадниц. Трой в этот момент ехал, не особенно глядя по сторонам, охрана есть — пусть она и бдит, а ему надо было понять, как все-таки можно справиться с этой абсурдной ситуацией. Вроде как все делается правильно, а вот поди ж ты — результата ноль... Так что на то, кто именно к ним приближается, он обратил внимание только

тогда, когда едущий рядом виконт Аскавирал негромко выругался. Трой вынырнул из своих невеселых дум и-и... едва так же не выругался. Потому что рядом с ним, весело улыбаясь, обнаружилось то самое лицо, встречи с которым он так старательно избегал. А именно — маркиза Тевлери. Трой затравленно оглянулся. Виконт Аскавирал уже успел тихонечко слинуть на другой конец их смещанной кавалькады, образовавшейся из их конвоя и сопровождающих маркизы, и «спрятаться» за какой-то молоденькой дамой, рядом с которой грозно возвышалась ее суровая мамаша. У-у-у, предатель...

— Ах, герцог, как я рада вас видеть! — сияя улыбкой, заявила маркиза, притормаживая своего коня и выравнивая его рысь так, чтобы двигаться рядом с Троем. — Мы с вами так давно не виделись, что я уже заподозрила, что вы просто скрываетесь от меня.

— Как вы могли такое подумать? — уныло и потому крайне неубедительно отозвался Трой. — Быть рядом с вами — истинное счастье для любого мужчины... — Ну вот не нравились ему все эти словесные кружева, так распространенные среди местных аристократов. Он был воспитан совсем в другой среде. Нравится кто-то — соберись с духом и скажи, а еще ленту подари или вечером на выгоне, где собирается молодежь, сядь рядышком с избранницей, возьми за ее ладонь, ну а после проводи до дому. Не нравится — тоже скажи. И зачем нужны все эти многомудрые витиеватости, которые являются всего лишь прикрытием того, что любой нормальный человек называет «Похоть потешить»...

— Вот-вот, — усмехнулась маркиза, — и я о том же. А между тем, если бы вы поделились со мной своими озабоченностями, я могла бы оказаться вам весьма полезной.

— М-м-м... это вряд ли, маркиза. Видите ли, мои озабоченности...

— Заключаются в том, что вы никак не можете подвигнуть наших мужчин взять на себя бремя вернуть на эту землю покой и безопасность? — с легкой усмешкой прервала его маркиза. Трой удивленно взорвался на нее. Эк как точно сформулировала. И вполне изящно. Он бы сам так не смог.

— Н-да... — несколько растерянно начал он, — позвольте искренне восхититься вашей проницательностью.

— Не стоит, — сморщив носик, отмахнулась маркиза. — Лучше примите совет. Если вы хотите добиться своего — объявите бал.

— Бал? — удивился Трой.

— Да, — серьезно кивнула маркиза. — Это лучший способ сдвинуть с места наших трусов.

— Ну-у-у... я бы не стал использовать столь сильное...

— Ах, оставьте, герцог, — маркиза досадливо махнула ручкой, — трусы и есть. Храбрецы, по большей части, еще отходят от ран, а среди тех, кто здоров и полон сил, очень мало кто имеет сердце льва... — Она на мгновение замолчала, а затем задумчиво продолжила: — Хотя вы, наверное, правы. Не стоит быть такой резкой... — Она сделала короткую паузу, а затем продолжила: — Понимаете, дело в том, что мы здесь, на западе, уже очень давно не знали, что такое война. То есть всем, конечно, известно, что война — дело грязное, кровавое, тяжелое. Но известно это нам было по большей части чисто теоретически. Особенно никогда не воевавшей молодежи. Более того, среди них представления о грязи, крови и ужасах войны были в основном очень отстраненными, почти эфемерными, а вот мечты о блеске, подвигах и доблести, наоборот — почти овеществленными. Ну кто из дворянских отпрысков не мечтал мчаться на закованном в латы боевом коне в шеренге столь же блестящих латников, уперев тяжелое боевое копье в упорный крюк? А как картиною должны были слетать с плеч уродливые орочьи головы под ударами родового меча! И даже возможное ранение или в самом крайнем случае (а как иначе-то?) возможная смерть для них были вовсе не бедой, а всего лишь еще одним поводом покрасоваться. Предстать перед дамой сердца с суровым лицом и в белоснежных бинтах, сквозь которые просвечивала сочащаяся из ран кровь, и тем заработать лишний горячий взгляд, побледневшие в волнении щеки, а то и страстный поцелуй — да что может быть лучше для юного героя? И вот такие герои, воспитанные на рыцарских балладах и юношеских мечтаниях, столкнулись с настоящей войной... — Она сделала паузу. Трой тоже молчал. Маркиза проехала еще несколько шагов, после чего снова негромко заговорила:

— Нет, многие закалились и окрепли, как клинок из хорошей стали, который сначала раскалили добела, а затем опустили в кипящее масло или горячую кровь. Но других, тех, что до сих пор вздрагивали во сне, вспоминая, как разлетается на мелкие осколки и брызги человеческая голова под ударом ятагана, как один удар орочьего готендага разваливает даже одетого в неплохой ламелляр человека на две неравные половинки, как изрубленное, изувеченное мясо, еще пару мгновений назад бывшее твоим другом, братом, отцом, умирающе хрюпит и вздрагивает, буквально сочась последними мгновениями жизни, среди выходцев с культурного и изнеженного запада оказалось заметно больше.

— А вы много знаете о войне, маркиза, — тихо произнес Трой. Красивое лицо маркизы на мгновение исказилось в страдальческой гримасе, но затем она снова улыбнулась и делано легкомысленно махнула

рукой:

— Ах, вы обо мне еще очень много не знаете, герцог. Но не будем о ненужном. Я хочу сказать, что готова указать вам на вашу ошибку. Вы ведь воспитывались отнюдь не в дворянской среде, не так ли?

Трой кивнул.

— Вот и я о том же. Но вы, несомненно, знаете, что в среде дворян очень большое внимание уделяется чести. Однако, увы, в наших ранее столь тихих и благословенно спокойных местах это понятие заметно выродилось и стало скорее показным, чем истинным. Большинству нет никакой нужды быть *истинно честным*, достаточно им просто казаться... — Маркиза замолчала, а между ее четко вычерченных бровей залегла едва заметная горькая складка. Трой некоторое время ехал молча, ожидая продолжения, а не дождавшись, осторожно спросил:

— И как знание этого вкупе с объявлением бала может мне помочь?

— О, очень просто, — усмехнулась маркиза, — вы ведь пытаетесь договориться с местными владельцами практически наедине, с глазу на глаз, не так ли?

— Ну-у... не совсем, — осторожно произнес Трой, до которого уже начало кое-что доходить.

— Ай, ваш виконт и парочка-тройка рыцарей со стороны гостеприимного сеньора не считаются, — отмахнулась женщина. — По сути, вас — всего две стороны, то есть слово одного дворянина против другого. Тем более вы же не таскаете за собой нотариуса и не заключаете юридически обязывающего договора, не так ли? Так что любое ваше обвинение во лжи или неисполнении договоренностей просто купируется категорическим отрицанием второй стороны. И потому неопасно. А вот если все это будет проделано при большом скоплении людей... — И маркиза усмехнулась. Трой несколько мгновений обдумывал сказанное, а затем покачал головой.

— А что помешает тем, кто не хочет... ну, или ладно, пусть — боится в этом участвовать, просто не приехать на бал?

— Ну, во-первых, мы женщины, — ослепительно улыбнулась маркиза, — вы себе не представляете, как давно здесь не было настоящих, больших балов. В лучшем случае местные посиделки на три-четыре соседки. Да и те в последнее время очень редки... Так что пусть владельческие бароны и графы только попробуют встать между балом и женщиной.

Трой едва заметно усмехнулся. Да уж, Лиддит по своим привычкам и наклонностям очень далеко отстояла от ехавшей сейчас с ним рядом

женщины, но и она также весьма... м-м-м... неоднозначно отреагировала бы, попытайся он воспротивиться, пусть и не часто, но все равно посещающему ее желанию потанцевать и поблистать...

— А во-вторых, — продолжила между тем маркиза, — не приехать по публичному приглашению, это как вполне себе столь же публично показать, что у тебя что-то не в порядке. Нет, даже не с доблестью и честью, это, как вы уже успели убедиться, в наше время не слишком-то и страшно, а с чем-то другим, более для всех здесь, на западе, важным — деньгами, престижем, состоянием дел в хозяйстве. Так что не сомневайтесь — приедут! — И маркиза уверенно улыбнулась. Трой несколько мгновений смотрел на женщину, оценка которой в его глазах только что изменилась на прямо противоположную, несмотря на то что все те черты ее характера и наклонности ее весьма страстной натуры, которые он считал негативными, совершенно никуда не делись, а затем уважительно наклонил голову:

— Благодарю вас за прекрасный совет, миледи!

Та весело рассмеялась:

— Ах, не стоит, герцог, не стоит. Просто помните, что к нам, женщинам, нельзя подходить с единственной и однозначной меркой. Мы еще те штучки! — После чего дала шенкеля своему коню и ускакала вперед...

— А я бы не отказался посмотреть на те тайны любви, которые тебе так настойчиво предлагала показать эта герцогиня, — мечтательно произнес Арил. — Говорят, они там, на западе, очень жаркие штучки.

— Не думаю, что тебе это понравилось бы, побратим, — с ехидным выражением лица произнес Гмалин.

— Это почему это?

— Потому что то, что на западе считают за изысканность, во многих других местах числится как извращения. — Он наклонился к Арилу и поинтересовался: — Вот, например, ты слышал что-нибудь об «эльфийской любви»?

— Эльфийской? — Арил наморщил лоб. — Нет вроде... А как это?

Гмалин весьма гнусно ухмыльнулся и, наклонившись почти вплотную к уху Арила, что-то жарко зашептал. Тот несколько мгновений заинтересованно слушал, а затем его брови взметнулись вниз, после чего он побагровел и полупридущено произнес:

— Э-э-э... а как же... там же это... ык... какашки?

И над столом грохнул дикий ржач...

Известие о бале местное дворянское общество, к удивлению Троя, восприняло с огромным энтузиазмом. Именно к удивлению, потому что,

несмотря на все уверения маркизы Тевлери, он все равно ожидал, что эта идея будет принята крайне холодно. Ибо Трой был совершенно уверен в том, что все те мысли, которые так емко и точно изложила ему маркиза, отнюдь не являются для местных владетелей каким-то особенным секретом. А раз так... неужели они попадутся в столь несложную ловушку? Однако, похоже, он действительно пока еще очень слабо разбирался в предпочтениях аристократии и образе мыслей высшего света. Потому что едва только он заявил герцогу Велиэ, сухонькому, но все еще весьма деятельности старичку, которому «возраст и подагра помешали исполнить свой священный долг и убыть со своей дружиной и ополчением герцогства к нашему великому императору», что собирается устроить бал, как тот поддержал его с небывалым воодушевлением. Несмотря на то что до этого в ответ на все призывы герцога Арвендейла организовать постоянное патрулирование дорог силами собственной дружины и созвать ополчение графов и баронов для окончательной зачистки герцогства от разбойников, Велиэ кормил его постоянными «завтраками», ссылаясь то на серьезные потери западного дворянства в битве под Павилиолом, то на проблемы с деньгами, то на собственную немощь. А тут вон как возбудился... Впрочем, возможно, дело было в том, что у престарелого герцога имелась молодая и весьма резвая супруга, и ему постоянно требовалось придумывать, как и куда потратить ее бурную энергию и хлещущее через край либидо. А это в его возрасте представляло для герцога, пожалуй, проблему куда более серьезную, чем какие-то там разбойники... Самому же Трою и подготовка, и сам бал запомнились тем, что атаки на него со стороны женского пола резко повысили свою интенсивность и частоту. Причем в стройных рядах атакующих теснились уже не только вдовушки и старые девы, но и молодые леди вполне замужнего возраста, а также и вполне себе замужние дамы. А возглавляла эту грозную армию сама герцогиня Велиэ...

— Да и не светит это тебе никак, Арил, — с трудом отдышавшись, заявил Глав. — Это только Трою может грозить. Если герцогиня не успокоится и доберется до Эл-Северина.

— Может, хватит, а? — Трой скривился. — Ну сколько уже можно меня подкалывать? Я что, виноват, что они все как бешеные стали пытаться ко мне в постель запрыгнуть? Я-то сначала думал, что после того, как я вздернул барона Каэверли, меня все местное дворянство пламенно возненавидит. А оно вон как вышло...

— А как вышло? — намного более спокойно усмехнулся Марелборо. — Вышло именно так, как оно всегда и выходит. В природе самки всегда тянутся к самому сильному самцу... вернее, тому, кого они

считают самым сильным, инстинктивно понимая, что, во-первых, они получат от него наиболее жизнеспособное потомство и, во-вторых, он сможет куда лучше отстоять территорию и обеспечить ее и потомство лучшим кормом. А среди людей наиболее близки к природе именно женщины. Потому что живут эмоциями, чувствами... Вы же, мой дорогой друг, показали, что именно вы и есть самый сильный самец.

— Это Лиддит-то чувствами живет? — недоверчиво усмехнулся в ответ Трой.

— И Лиддит тоже, — спокойно кивнул император. — Хотя она, возможно, и в меньшей степени, но ненамного. Потому что когда я говорю, что женщины живут эмоциями, это не означает, что они глупее мужчин. Тут дело совсем в другом. Дело в том, что любой самец самой природой направлен вовне социума, потому что он в первую очередь его защитник и, так сказать, раздвигатель границ. Он так устроен психологически. Самцы всегда занимают первую линию обороны и стоят до последнего, разменивая свою жизнь на жизни матерей и потомства, или идут вперед, чтобы обеспечить им новую территорию, богатую пищей и свободную от опасностей. Такова его роль в системе выживания своего вида. Так боги или сама природа настроили и психику самцов, и даже их метаболизм. Потому что даже в случае гибели девяти из десяти самцов, но сохранении большинства самок — вид вполне выживет. Самки же, наоборот, всегда направлены на конкуренцию внутри социума. Они — матери, и одним из их важнейших инстинктов является создание наилучших условий для развития своих детей. Такова исконная природа всего живого. Поэтому боги, создавшие людей из живой «глины» неразумных животных этого мира, в этом отношении не стали в нас ничего менять. Ибо именно подобное разделение социальных ролей — основа выживания любого смертного вида... Вот поэтому даже эмоциональность мужчин чаще всего сильно рациональна, а вот любая рациональность женщин, наоборот — заметно эмоциональна. Так что женщины не то что не меньше, а куда больше множества мужчин способны разрабатывать точные и далеко идущие планы, жестко и умело интриговать, привлекать сторонников, создавать психологические ловушки, выстраивать долговременные стратегии и так далее, но делают они все это, как правило, именно для того, чтобы удовлетворить свою эмоцию — завоевать и удержать мужчину, отомстить ему или какой другой женщине, унизить соперницу или отвергнувшего ее мужчину. То есть женщина может быть вполне рациональной, но вот ее цель — чаще всего результат ее эмоции. Понимаешь о чем я?

Трой некоторое время молча сидел, переваривая все сказанное, а затем задумчиво кивнул:

— По-моему — да...

Марелборо усмехнулся и, воздев палец вверх, несколько ернически произнес:

— И это хорошо!

За столом снова засмеялись, но уже не обидно, а так, по-доброму, но почти сразу же замолчали, потому что император поднял бокал.

— Ну что ж, побратимы, должен сказать, что наш десятник снова показал себя с самой лучшей стороны. Когда я отправлял его на запад, положение там было куда хуже, чем где бы то ни было. И я совершенно не надеялся, что ему удастся справиться с тем, что там творилось, столь быстро. Но он сумел отыскать, так сказать, золотое звено и успешно вытянуть всю цепь. Так выпьем же за Троя-Побратима, хотя он уже давно носит совсем другое прозвище! — Ответом ему стали громкие ободряющие крики, закончившиеся тем, что все дружно выпили. Трой же, опрокинув стаканчик, внезапно поймал себя на том, что он что-то упустил... что-то такое было произнесено за этим столом... что-то важное и касающееся его самого, но на что он не обратил внимания... на что? Несколько минут он сидел, отстранившись от разговора, который неторопливо тек вокруг него, а потом... вздрогнул и хищно развернулся в сторону Гмалина:

— Эй, гленд, а что ты там говорил насчет того, что не хочешь множить число сирот, а? — этак вкрадчиво спросил он. Побратимы разом замолчали и, резко развернувшись, уставились на Гмалина. А тот побледнел и испуганно икнул. Несколько мгновений над столом висела практически похоронная тишина, а затем Марелборо тяжело вздохнул и, покачав головой, произнес:

— Да уж, Гмалин, как хорошо, что ты пока так и не обзавелся детьми. Сирот в империи точно больше не станет... — После чего развернулся к Трою и сообщил: — Тебе придется совершить настоящий подвиг, побратим, а именно — усмирить гнев Лиддит. Иначе она его просто убьет. Потому что она сама хотела сообщить тебе, что... — Тут император сделал паузу и торжественно произнес: — У тебя будет сын!

6

— Толкнулся! — восторженно выдохнул Трой, отрывая ухо от живота Лиддит. — Прямо в ухо мне заехал! — Он развернулся к жене и уставился на нее какими-то глупо-щенячье-восторженными глазами. Та несколько мгновений любовалась на него, а затем тихо рассмеялась и, протянув руки, обхватила его лицо своими узкими ладошками, после чего притянула к себе и нежно поцеловала.

— Какой ты смешной, Трой, смешной и-и-и мой... — счастливо выдохнула она. Губы Троя также расплылись в счастливой улыбке. Правда, несколько недоуменной. В смысле, а чей еще-то? Как иначе-то быть может? Чай, клятву перед богами дали, а не просто на сеновале повалялись... Лиддит же, явственно прочитав все мысли мужа на его сейчас таком открытом лице, умиротворенно прикрыла глаза. Да, Трой давно уже не тот простодушный парень с глухой имперской окраины, он вполне научился, когда нужно, как это говорится, «держать лицо» и скрывать свои мысли от окружающих, давить своей волей, не поддаваться на провокации врагов и обнаруживать и ловко обходить ловушки недругов и завистников. Без этого он никогда бы не стал тем, кем являлся сейчас — Мечом императора, членом Малого императорского совета, Алым герцогом и прочая, и прочая, и прочая... Но иногда, когда они оставались наедине и благодаря неожиданному подарку судьбы еще и на какое-то время более-менее свободными от нескончаемого круга забот и обязанностей, из-под всей этой брони силы и долга на некоторое время выглядывал все тот же простой парень, родившийся и выросший в дальней деревеньке на окраине. Честный, добрый и прямой. Тот, который полюбил не принцессу, то есть не богатство, влияние и блеск, и не перспективы, которые дает столь выгодный брак, а ее — Лиддит. Просто девушку. Со всеми ее достоинствами и недостатками, какие бы они ни были. Причем полюбил так, что ради того, чтобы получить хотя бы шанс на то, чтобы добиться ее руки, он рванул сломя голову в самуюдикую, страшную и опасную задницу мира. Рванул, несмотря на то что все вокруг хором говорили ему, что он не сможет найти там ничего, кроме неминуемой собственной гибели. А он рванул — и победил!

Трой же, ответив на поцелуй жены, снова согнулся над ее большим животом и приник к нему ухом. Лиддит счастливо вздохнула и, протянув руку, взъерошила мужу волосы...

До Арвендейла Трой с конвоем добрался всего за две недели. Ну да мчались-то как... Тем более что шли они одвуконь, останавливаясь в тавернах только один раз в три-четыре дня, да и то по большей части только для того, чтобы пополнить запасы овса в переметных сумах да немного помыться и перековать лошадей. От взятого темпа передвижения подковы у коней слетали как бабочки... А куда было деваться? Император дал ему всего лишь полтора месяца на то, чтобы сгонять в свое герцогство и проведать Лиддит, которую Марелборо своей волей отправил домой, когда у нее явственно обозначился животик. Хотя она порывалась приехать в Эл-Северин и дожидаться возвращения Троя там. Но император заявил, что и сам не знает, как быстро тот сумеет справиться с порученным ему заданием. Так что он вполне может вернуться уже после того, как Лиддит родит. А вот рожать здесь, в разоренном Эл-Северине, он ей очень не советует. Лучше сделать это дома. Да и для Инии, которую Лиддит нынче не отпускала от себя, куда лучше было бы поскорее оказаться в обустроенным замке и начать регулярные занятия.

В принципе Трой мог добраться и быстрее. Если бы двинулся отрядом человек в пять. Как он, кстати, и собирался. Но, во-первых, этого не позволил император, заявивший, что Трой нужен ему живым и здоровым, причем именно тогда, когда он и сказал, а не на пару-тройку месяцев позже. А бандитов хватает не только на западе. Вернее, сейчас благодаря усилиям Троя их, считай, везде заметно больше, чем на западе... А во-вторых, в сопровождение очень просился практически весь его отряд. Тем более что заняться в Эл-Северине пока было особенно нечем.

Нет, император Марелборо подошел к делу возрождения своей столицы весьма основательно. И в почти половине домов ремесленных кварталов уже появились новые жильцы. Да и в купеческом квартале жизнь также частично возродилась. Большая часть новых поселенцев состояла из молодежи. Марелборо специально послал людей прошерстить ремесленные и купеческие гильдии наиболее крупных городов на предмет ершистой, талантливой, но бедной молодежи. Ну, той, которая имела ум и талант, но не имела денег, связей и вследствие этого — особенных перспектив в своих городах... Дело в том, что в любом городе, а особенно в старом и богатом — пробиться в мастера очень сложно. Во-первых, потому что мастер в обязательном порядке должен иметь собственную мастерскую. Без этого, будь ты семи пядей во лбу и имей золотые руки, — мастером тебе не стать. А где ее ставить-то, если ты не потомственный ремесленник? Место-то ограничено — каждый клочок земли внутри узкого кольца городских стен уже давно занят, застроен и кому-то принадлежит. Так что

впихнуть новую кузню, оружейную или там какую иную мастерскую просто некуда. А у всех старых уже есть свои хозяева. Причем чаще всего — еще и не в первом поколении. И у которых к тому же уже имеются свои наследники. Да часто и не по одному. Семьи-то большие — редко в какой менее пяти-семи детей имеется... Так что даже если случается чудо и какая из мастерских внезапно освобождается — ну, там, бездетный мастер помрет или семья вся скопом в доме ночью угорела, то оная даже на торги, как правило, не выставляется. Все решается внутри цеха договоренностями на уровне самых богатых и влиятельных мастеров. Ну и во-вторых, потому что еще и рынок ремесленных изделий в таких городах уже давно поделен. И не просто поделен, а до самого последнего клочка. То есть количество и суммарная производительность ремесленных мастерских всех городских цехов, как правило, не просто полностью закрывает весь доступный в этом городе спрос, но и сильно перекрывает его. Причем уже с учетом обычного объема поставок на внешние рынки... Вследствие чего большинство мастерских работают хорошо едва ли в половину своей производительности. А какие и того меньше. Так что не дай бог в этом узком мирке возникнет еще один-два конкурента — плохо станет всем. Вот потому-то цеховые старшины и противятся присвоению статуса полноправного мастера даже самым талантливым своим ученикам и подмастерьям любым способами — новые испытания придумывают, цензы немыслимые устанавливают, *шедевры* в качестве экзаменационной работы требуют. А как иначе-то? Тут не знаешь, свою кровиночку пропихнешь ли, а приблудные... Да плевать на их таланты. В подмастерьях посидят!

Вот именно таких «вечных подмастерьев», многие из которых уж лет десять-двадцать как превзошли в мастерстве своих мастеров, Марелборо и повелел искать и зазывать в столицу в первую очередь. Впрочем, никто особенно этому не противился. И не потому, что столь сильно уважали или боялись своего императора. Просто подавляющее большинство мастеров никуда переселяться не собирались. Зачем? Тут, в родных, привычных местах у них всех уже имелись вполне налаженная и обеспеченная жизнь, сбыт, мастерская, зачастую доставшаяся в наследство аж от дедов-прадедов. Родовое клеймо опять же уже несколько поколений на рынке известно. Да и все купцы, закупающие произведенный товар, давно уже не то что в друзьях-приятелях, а в кумах и свояках. Ну и все политические расклады в цехах и городском совете также давно определены и привычны. А что там будет в столице — одни боги знают... Да и что та столица-то — одно название! После орочьего разорения там сейчас ни денег, ни наложенных связей, ни даже покупателей не имеется. Старые кончились, а

большинство новых — голь перекатная. Так что от всего того, что составляло привлекательность Эл-Северина в глазах умудренных жизнью купцов и мастеров, на данный момент оставалось только одно название — столица. И насколько долго затягивается подобная ситуация, никто сказать не мог. Может, на пять лет, а может, на пятнадцать... Так и чего тогда дергаться? Эвон пусть всякие безродные да приблудные суетятся. А мы останемся там, где наш род испокон веку ремесленичал и торговал...

Так что кое-какая жизнь в Эл-Северине уже присутствовала. Но пока еще очень скучная. Ибо, несмотря на наличие мастеров, мастерские в городе еще не заработали. В первую очередь потому, что здесь пока было еще очень плохо с сырьем. Да и со сбытом тоже... Вследствие того, что, во-первых, столичное купечество просто исчезло как факт, найдя свою смерть в орочьих желудках, а во-вторых, у города была вообще полностью нарушена логистика. Потому что проблемы в городе были практически со всем — продуктами питания, одеждой, бумагой, амулетами, да даже с лошадьми, возами и возчиками. Ибо большая часть из тех, что имелись, были заняты на перевозке продовольствия и переселенцев. Потому что без людей город просто не мог бы ожить, а людям надо было есть... Крестьянство вокруг столицы практически не осталось. Так что продовольствие приходилось доставлять издалека.

Так что большинство свежеиспеченных столичных ремесленников пока зарабатывали себе на жизнь не столько своим ремеслом, сколько тем, что разбирали завалы и работали на стройках. Вследствие чего и имеющиеся трактиры тут пока были не столько увеселительными заведениями, сколько местом питания рабочих бригад. Ибо денег на руках у людей было раз, два — и обчелся. Так что за еду в основном платил император, с казной у которого, понятно, тоже все было не слава богам. Поэтому то, что подавали в трактирах, было сытым, но очень уж простым. Да и с выпивкой также были большие проблемы. Как и со всякими иными развлечениями. За них-то император не платил...

Вот поэтому делать в столице было особенно нечего. Потому что просто отдохнуть и выспаться большинство из состава отряда Троя успели еще за то время, пока они добирались из западных герцогств до столицы. Все равно в дороге скуча — на разбойников и то наткнулись всего пару раз. К их несчастью... Потому, что когда навстречу восемнадцати «крутым парням» из числа подавшихся в леса крестьян и дезертиров, из вроде бы вполне обычных купеческих возов с предвкушением на довольных рожах полезло почти восемь десятков полностью одоспешенных и вооруженных бойцов (ну не было больше необходимости бойцам Троя скрываться и

притворяться), всякие мысли о сопротивлении из голов разбойников мгновенно испарились... и они тут же задрали руки в гору. В настоящий момент они уже вовсю пахали как проклятые на восстановлении столицы. В каменоломнях.

Так что оставаться в Эл-Северине никто из того отряда, который был как бы «приписан» к герцогу Арвендейла, не захотел. И Трой решил не отказывать своим боевым соратникам. Поэтому он выдвинулся из столицы с поистине герцогским сопровождением в две с лишним сотни мечей. Вследствие чего общая скорость передвижения оказалась несколько сниженной. Впрочем, скорее всего, ненамного. Все-таки его люди прошли за своим командиром уже одну тысячу миль и потому имели опыт совершения ускоренных маршей в очень разных условиях. Вследствие чего столь быстрый марш в подобном составе вовсе не был для них чем-то не то что сложным, но и даже хотя бы непривычным...

К замку они приехали в сумерках, что, впрочем, никак не помешало замковой страже заметить их еще на подъезде. Трой понял это по тому, как метались по стене и верхушкам башен отблески факелов.

Въехав в замковый двор, Трой жадно ощупал взглядом встречающих и, не обнаружив среди них Лиддит, похолодел. Отмахнувшись от довольно торжественно говорящего ему что-то Даргола, он встревоженно спросил:

— А-а-а... где она?

Сенешаль замка Арвендейл запнулся, хмыкнул и с легким поклоном ответил:

— В парадном зале, Ваша Светлость...

Трой слетел с коня, швырнул поводья подскочившему к нему Бон Патроюгу и ринулся вверх по лестнице.

Лиддит ждала его именно там, где и сказал Даргол, несколько неуклюже расположившись на левой, женской стороне герцогского трона. И в платье. Хотя все знали, что герцогиня Арвендейл больше предпочитает носить брюки и кавалерийские сапоги. А несколько неуклюже, потому что из-под платья у нее выпирал вполне заметный животик. Рядом с ней на маленьком детском стульчике чинно сидела Иния, также одетая в красивое платье... Когда Трой влетел в парадный зал, его жена с едва заметной заминкой поднялась с трона и, сделав два шага вперед, с помощью тут же подскочившей к ней сестры опустилась на левое колено и ритуально начала:

— Муж и господин мой... — Но гроза врагов, Меч империи, член Малого императорского совета и владетельный герцог Арвендейла не дал ей закончить, а гигантским прыжком, больше подобающим какому-нибудь

кузнечику, а не одному из самых грозных, богатых и влиятельных аристократов империи, подскочил к жене и, одним движением подхватив ее на руки, обеспокоенно зачастил:

— Что такое, Лиддит? Что случилось? Почему ты упала? Ты споткнулась? Как ты себя чувствуешь?!

Его жена, столь стремительно оказавшись у него на руках, тихонько ойкнула, а затем прикрыла глаза и, еле слышно застонав, страдальчески произнесла:

— Ну вот кто тебя учил, Трой, а? Это же обычный ритуал встречи женой мужа-владетеля, вернувшегося из похода. Она должна встретить его, стоя на колене и давая отчет о том, что случилось в его отсутствие. Я так долго это репетировала, а ты что натворил? Все испортил!

— А? — ошалело выдавил Трой, а затем расплылся в улыбке. — Фух... а я испугался, что тебе плохо стало... — После чего осторожно прижал ее к груди и серьезно попросил: — Не надо передо мной на колени становиться, пожалуйста. И докладов никаких не надо. Я и так знаю, что у тебя все получилось просто отлично. Потому что по-другому и быть не может...

Лиддит несколько мгновений испытующе всматривалась в мужа, а потом тихонько вздохнула, улыбнулась и вытянула губы, как бы напрашиваясь на поцелуй. И все присутствующие в зале облегченно выдохнули. Попадать под «рассердившуюся госпожу» никому здесь не хотелось...

А для Троя и Лиддит наступили две недели счастья. Потому что именно столько у него было до того момента, когда ему пора было двигаться в обратную сторону. Они просыпались вместе, если вместе, вместе сидели за расходными книгами и принимали старшин городов. Вместе разбирали жалобы и выслушивали гонцов. Читали долгими вечерами и говорили, говорили, говорили... Впрочем, разговорами дело не ограничивалось. Несмотря на то, что Лиддит была уже совсем на сносях, они часто гуляли по замку, а один раз даже выбрались на пару дней в Зимнюю сторожку. Иногда компанию им составляла Иния, но с девочкой уже серьезно занимались учителя, так что особенно много времени у нее не было. Однако когда выпадало даже несколько свободных минут, девочка мчалась «к маме Лиддит» и «герцогу Трою». Его она почему-то папой не называла. Именно тогда Трой понял, какое оно — настоящее счастье...

Впрочем, без неожиданностей в эти две недели все же не обошлось. За два дня до отъезда, когда они с Лиддит сидели в малой гостиной, выходящей окнами на горный хребет, в недрах которого располагался

Каменный город, и просто наслаждались ощущением того, что они вместе и рядом, в двери покоя осторожно постучали. Трой нахмурился и недоуменно посмотрел на жену. Вроде как они разобрались со всеми делами, которые были запланированы на сегодня, а никаких гонцов в замок не прибывало. Что могло случиться такого, что потребовало их личного участия? Лиддит недоуменно пожала плечами и негромко произнесла:

— Войдите! — Дверь распахнулась, и на пороге возник мажордом, одетый в свой парадный камзол. Величественно поклонившись, он вошел внутрь и вопросил весьма официальным тоном:

— Ваши светлости, владетельные герцог и герцогиня Арвендейла, господин сенешаль и госпожа Тамея просят дозволения принять их. Что мне им передать?

Их светлости, владетельные герцог и герцогиня Арвендейла удивленно переглянулись. С Дарголом и Тамеей они виделись на обеде, который закончился всего лишь три часа назад и на котором, кстати, присутствовал и мажордом, но никаких вопросов, требующих столь официального обращения, там не поднималось. Да и вообще, что сестра Лиддит, что бывший командир Троя практически с момента своего появления в этом замке обладали правом в любой момент обратиться что к одному, что к другой, не спрашивая никаких разрешений. И кстати, весьма спокойно этим правом пользовались. Ну, до сегодняшнего момента. Так что случилось-то?

— М-м-м... конечно, дозволяем, — озадаченно отозвался Трой, — а что случило... — Но тут Лиддит, на лице которой промелькнуло выражение озарения, почти сразу же сменившееся искренней радостью, подалась вперед и взяла его за руку, останавливая вопрос. Посте чего весьма торжественно повторила:

— Конечно, дозволяем!

Даргол и Тамея вошли вместе. И он, и она старались казаться спокойными, но было заметно, что обоим как-то не по себе. Даргол был одет в весьма нарядный камзол, а на Тамею было простое коричневое платье с кружевным воротником, скорее подходящее какой-нибудь зажиточной горожанке, нежели дочери бывшего императора, или монахине. Когда они подошли к Трою с Лиддит, Даргол внезапно упал на левое колено, при этом продолжая удерживать руку Тамеи в своей жесткой от мозолей лапище.

— Мой лорд, — несколько севшим голосом начал он, — я прошу у вас разрешения на брак с женщиной, с которой прошел через множество испытаний и потому смог убедиться в том, что, несомненно, стало бы очевидно для меня и без них. А именно — что именно она является для

меня самой лучшей и самой желанной на свете! — Он на мгновение замолчал, после чего перевел взгляд на Лиддит и обратился уже к ней: — А вас, моя леди, я прошу разрешить взять в жены вашу сестру.

На несколько мгновений в покое установилась звенящая тишина, а затем Лиддит, глаза которой заблестели от навернувшихся слез, негромко спросила у сестры:

— Ты этого хочешь?

И та тихо, но твердо ответила:

— Да, — после чего все трое повернулись и уставились на впавшего в настоящий ступор герцога Арвендейла. Трой несколько мгновений ошеломленно пялился на них, переводя взгляд с Даргола на Тамею, потом на жену, после чего снова на своего сенешаля, а потом недоуменно спросил:

— Э-э-э... в смысле? Какое разрешение?

Все трое переглянулись, потом Лиддит тихонько вздохнула и, погладив мужа по руке, терпеливо пояснила:

— Трой, Даргол — твой личный вассал и сенешаль нашего замка. Согласно оммажу ему требуется твое разрешение на женитьбу. Ты его даешь?

— Ну конечно же! — взвопил Трой. — Да вы что, совсем уже?! Как я могу его не дать-то?! Нашли что спрашивать-то, в конце концов!

Даргол хмыкнул, покосился на... ну, теперь уже официальную невесту, после чего, пожав плечами, поднялся с колена и добродушно произнес:

— Трой, я и не сомневался в твоем ответе, но пойми, я должен был спросить у тебя разрешения. Так положено, понимаешь? — Он сделал паузу, всмотрелся в своего бывшего десятника и нынешнего господина, потом хмыкнул и махнул рукой. — Ладно — проехали. В общем — спасибо...

После чего были взаимные объятия, поздравления, слезы радости у женщин, хлопки по плечам с возгласами одобрения у мужчин и все такое прочее...

Ну а спустя два дня Трой обнялся с женой, хлопнул по плечу Даргола, подмигнул Тамее и выехал за ворота замка, сопровождаемый своим конвоем, треть которого составляли новые лица. Уж слишком много арвендейльцев пылали желанием лично послужить своему герцогу. Так что Трою пришлось согласиться на подобную ротацию...

До Эл-Северина добрались почти на декаду позже, чем планировали. Во-первых, скорость передвижения из-за новеньких несколько снизилась, а во-вторых, едва только они добрались до Угелоя, начались затяжные дожди.

Но особых проблем эта задержка не принесла. Потому что, когда Трой понял, что опаздывает к оговоренному сроку, — он послал императору весточку по амулету Единения, из одного из коронных городов, в который они заехали для того, чтобы хоть немного передохнуть и отмыться от грязи. А на следующий день, перед самым выездом, амулет передал его ответ, в котором Марелборо разрешал ему не особенно торопиться. Так что, несмотря на тяжелую дорогу и солидное опоздание, никаких особенных проблем это Трою не принесло. Даже не слишком уж и вымотались. Хотя той части отряда, которая была заменена, пришлось куда хуже, чем остальным. У них-то не было опыта нескольких месяцев «работы на живца» на дорогах западных герцогств империи.

На отдых после дороги Марелборо дал Трою всего два дня. А уже на третий вызвал к себе.

Высокий город был уже почти восстановлен. Ну, насколько это можно было сделать за такое время. Потому что, например, даже с помощью эльфийских друидов за прошедшее время невозможно вырастить на месте срубленных деревья тех же размеров, которые тут росли раньше. Тем более, что меллирон, на который, скорее всего, и были завязаны все плетения парка, только-только дал свежий и пока еще очень слабый росток. Да и большинство зданий до сих пор носили следы варварского обращения. А как иначе-то? Разбитые и искореженные орками колонны, лепнина и скульптуры, ранее украшавшие парадные фасады дворцов, палат и храмов, великие скульпторы, художники и архитекторы создавали годами. И пока будут созданы подобные же шедевры им на замену, пройдет не один год. А вернее, даже не одно столетие... Но вот первоначальные работы, заключавшиеся в разборе завалов, замене разрубленных и сожженных орками на кострах дверей, оконных рам, деревянных перил, а также заделывании проломов в стенах и отметин от орочных ятаганов и топоров, уже были закончены. Более того, в Высоком городе уже вовсю бурлила жизнь. Еще не та, не прежняя, то есть не балы, приемы, визиты и все такое прочее, поскольку большинство нынешних обитателей дворцов и палат Высокого города не являлись владельцами занимаемых ими помещений. Но весьма бурная. По мощенным гранитными плитами улицам и переулкам Высокого города носилось множество курьеров, нарочных, гонцов, бегали клерки с кипами бумаг, важно шествовали маги, грохоча проносились десятки бойцов, сопровождавшие своих командиров, прибывших на аудиенцию к императору или чаще всего — к кому-нибудь рангом пониже. Короче, Высокий город жил жизнью не столько городской, светской, пышной, парадной... сколько жизнью военного лагеря. Но Трою эта жизнь

нравилась куда больше, чем та, прежняя...

Марелборо принял его практически сразу же после доклада секретаря. Впрочем, в отличие от приемной герцогского дворца в Парвусе в этой приемной толпилось не особенно много народа. К тому же Алого герцога все присутствующие отлично знали. Так что никаких ревнивых взглядов или иных выражений неудовольствия Трой не заметил.

Император был один. Когда герцог Арвендейл вошел, Марелборо что-то быстро писал. Бросив на вошедшего короткий взгляд, он мотнул головой в сторону небольшого столика, на котором уже стояли кувшин с вином и легкая закуска, после чего продолжил свое занятие. Трой молча подошел к указанному месту и уселся на одно из стоящих рядом со столиком кресел.

— Уф... — облегченно выдохнул Марелборо спустя несколько минут, — все, еще одна бумага, и закончу. А ты давай, побратим, налетай. Я сейчас допишу, песочком присыплю и присоединюсь.

— Я позавтракал, — сообщил Трой. — Если только вина.

— Ну тогда накромсай мне там хлеба и сыра, — попросил император, — а то я что-то проголодался.

Спустя десять минут император наконец закончил писать и,сыпнув на лист мелкого песка, который должен был впитать лишние чернила, отложил его в стопку таких же. После чего с хрустом потянулся и, встав, шустро переместился к столику.

— Ну что ж, начнем, — потирая руки, произнес он, усаживаясь в кресло. — Кстати, побратим, ты заметил: у нас уже сложилась традиция — в моем кабинете мы обсуждаем дела за едой. Почему бы это?

— Может, потому, сир, — усмехнулся Трой, — что со мной вы можете быть уверены в том, что я точно не то что отправлю вас, но даже не плюну вам в вино.

Марелборо, только что откусивший кусок окорока, на мгновение замер, а затем придушенно захохотал. Придушенно, потому что рот у него был заполнен мясом и хлебом.

— Да уж, побратим, ну ты и сказал, — выдавил он, отсмеявшись, — хотя, должен тебе сказать, в твоих словах, несомненно, есть великая правда. Но не вся, не вся... — Он отхлебнул вина и махнул рукой. — Ладно, вернемся к нашим баранам. Следующее мое поручение будет для тебя куда более сложным, чем все предыдущие. Но кроме тебя поручить его мне более некому.

— Я весь — внимание, сир, — подобравшись, отозвался Трой.

— Тогда слушай. Мне нужно, чтобы ты съездил в Светлый лес и к Подгорному трону и постарался убедить ихластителей присоединиться к

людям в войне против земли Глыхныг.

Трой молча склонил голову, показывая, что принял поручение, но, мгновение помедлив, взглядом попросил разрешения задать вопрос, после чего осторожно спросил:

— Насколько я понимаю, переговоры будут очень сложными. Не будет ли более разумным поручить кому-нибудь, кто куда лучше меня владеет подобным искусством?

Марелборо криво усмехнулся:

— Не лучше. Для эльфов, да и гномов тоже, все наши умелые самые ловкие переговорщики и умелые интриганы — на один зуб...

Трой согласно кивнул и едва заметно поежился, вспомнив свое предыдущее посещение Светлого леса. Между тем Марелборо продолжил:

— ...так что нашему послу лучше не пытаться интриговать и плести словесные кружева, а прямо и спокойно гнуть свою линию. Не отходя и не сдаваясь. А я не знаю никого, кто способен стоять на своем и не сдаваться лучше тебя, — усмехнулся император. — Но это во-первых. А во-вторых, дело еще в том, что ты единственный среди людей, кто уже был послом к Светлому лесу. Все остальные из таковых погибли в Эл-Северине. Сейчас же ситуация в империи такова, что пошли я кого другого, та часть эльфов, которая... м-м-м... скажем так, категорически не настроена на сотрудничество с людьми, — может просто отказать ему в доступе в Лес. После чего даже возможность поговорить закроется минимум лет на десять, не говоря уж о каком-либо сотрудничестве. И можешь мне поверить, этим дело не ограничивается. Есть еще многие в-третьих, четвертых и пятых, но перечислять их тебе я не буду. Времени нет. Отправить же тебя только к эльфам я не могу. Потому что в этом случае оскорбятся гномы. С вполне, как ты понимаешь, предсказуемым результатом. Так что, поверь мне, ты — единственная реальная кандидатура.

Трой снова поклонился, показывая, что все понял и принял.

— Вот и хорошо. Состав делегации определишь сам. Он в этом случае совершенно неважен. Так что бери тех, кого захочешь. Трех дней на подготовку хватит?

Трой кивнул.

— Вот и отлично. Тогда, я думаю, стоит объяснить тебе вот что. — Марелборо откинулся на спинку кресла и сделал еще один глоток. — Понимаешь, Трой, несмотря на всю внешнюю похожесть на людей, Могучие и Высокие — это не люди. Причем дело не только во внешних отличиях. И даже не в знаниях и умениях или там сроке жизни. Все гораздо

глубже. Они... они живут в совершенно другом мире, нежели мы. Совсем по-другому устроенном. — Марелборо замолчал и задумался. Трой также тихо сидел, ожидая продолжения. Наконец спустя минут пять император оторвался от размышлений и задумчиво произнес:

— Попробую так... Дело в том, что их мир — это место, где живут и царствуют именно они. А все остальное — окружение. Море, скалы, деревья, животные, орки, люди — именно и только не более чем окружение. Которое может ласкать глаз или раздражать, им можно пользоваться как лошадью к собственной пользе или не обращать на него внимания, как на... кротов. Ну, ползают где-то там, в недрах земли — и пусть их. Понимаешь?

Трой несколько мгновений напряженно думал, но затем решился осторожно уточнить:

— И люди тоже?

— Да, — кивнул император. — Точно. Не более чем животные. Как, кстати, и орки. Несмотря на то, что именно эти две расы когда-то разгромили Великий лес, полностью изгнав эльфов с западного континента и вытеснив их из тех мест, которые сейчас занимают западные герцогства империи, и принудив их согласиться на существование в границах Светлого леса. Эльфы воспринимают это как... ну-у... наводнение... или там лесной пожар. Ну, случилась когда-то стихийная неприятность, так что, теперь на это внимание обращать?

Трой задумчиво потер подбородок и осторожно спросил:

— И чем мне это грозит?

— Тебе? — Император усмехнулся. — В первую очередь тем, что они совершенно не настроены слушать твои аргументы. А так же тем, что вещи, для тебя очевидно значимые, для них могут совершенно не являться таковыми. Зато другие, о которых ты не имеешь никакого представления, окажутся для них истинно важными. — Тут Марелборо сделал паузу, бросил на Троя испытующий взгляд, а потом пояснил: — Ну, например, когда ты будешь говорить, что орки угрожают нашему континенту, и потому мы должны объединить силы, никто из эльфов не проникнется твоей озабоченностью. Зато можешь не сомневаться, что еще даже до твоего появления в Светлом лесу все озабочатся тем, как использовать тебя, меня, сам факт твоего посольства, а также выказанную мной и высказанную тобой озабоченность по поводу орков, для того чтобы ухудшить или улучшить свои позиции в Совете, поднять престиж своего Дома в Светлом лесу, либо уронить возможности соперничающего... ну и так далее. Ибо для них важно и значимо то, что происходит у них и среди

них. Все остальное — ресурсы для того, чтобы осуществить выгодные для себя изменения и подставить врагов и соперников из их же числа. Ибо остальные, напомню, — всего лишь ресурс. — Император замолчал. Трой некоторое время сидел, напряженно обдумывая сказанное, а затем уточнил:

— У гномов все так же?

— Почти, — вздохнул император. — Возможно, чуть лучше. Все-таки гномы куда более вовлечены в товарный и денежный обмен с нами. Поэтому, несмотря на весь свой гонор, они несколько более адекватны. Так что сначала поедешь к гномам. А уж по итогам этой поездки будем решать, как двигаться дальше...

— Чего тебе надо, человек?

Голос из-под тяжелого забрала звучал довольно глухо, но презрительно-высокомерные нотки в нем были ощутимы очень явственно. Трой устало вздохнул. Ну вот, опять начинается...

— Ты бы лучше заткнулся, Налин, да побыстрее сообщил в королевскую кордегардию, что к Большим воротам прибыл сам Алый герцог, — презрительно бросил Гмалин, выезжая из-за спины герцога Арвендейла. В ответ на это стоящий перед ними гном глухо зарычал и стиснул рукоять своей секиры. Сплошное забрало тяжелого латного шлема не дало возможности разглядеть, как именно изменился цвет его лица, но судя по тому, что в голосе встречающего, которым он заговорил, все присутствующие отлично различили нотки бешенства, этот цвет явно изменился...

— А тебе бы вообще лучше помолчать, Отверженный! Я не знаю, какому Темному богу ты запродаł свою душу, чтобы вернуть себе руку, но не думай, что гномы забыли, кого, к чему и за что приговорил Большой Совет мастеров.

— А вот этого не видел, — презрительно скривился Гмалин, вытягивая вперед в сторону своего собеседника вышеупомянутую руку, в настоящий момент увенчанную здоровенным кукишем. — Если ты еще не слышал, каким образом Мастер над мастерами вернул мне руку, так пойди — послушай. В любом кабаке любой менестрель тебе споет... Так что все, теперь можете подтереться тем самым решением, которое ты и твой отец со всей вашей гнусной семейкой сумели столь подло протащить через Большой совет. Тогда вам это удалось, но теперь — баста! Мастер над мастерами явил свою волю. И она отнюдь не в вашу пользу, понятно? — Тут он сделал паузу, а затем весьма ехидно поинтересовался: — Или ты хочешь сказать, что все, что случилось, могло произойти помимо него?

— Я тебе сказал — заткнись! — заревел гном, делая шаг вперед и угрожающе вздымая свою секиру. Трой напрягся, подбиравая повод и готовясь послать коня вперед. Один раз уже удалось с помощью хитрости предотвратить схватку между членами императорского посольства и представителями принимающей стороны, но не стоит рассчитывать, что так будет всегда. А начинать посольство с драки все-таки не хотелось бы... Впрочем, до совсем уж критической ситуации, слава Сумеречным, так и не

дошла. Потому что еще один из стоявших напротив них гномов сделал шаг вперед и, переложив древко тяжелого протазана в левую руку, правой придержал своего нетерпеливого соратника за наплечник. Тот дернулся плечом, то ли попытавшись скинуть руку, то ли просто выразив таким образом свое несогласие, но гном держал крепко. Не вырвешься... И похоже, этот гном был не просто одним из воинов, входивших в стражу ворот, а кем-то куда более высокопоставленным. Потому что никаких иных выражений неудовольствия тот злобный тип, которого Гмалин поименовал Налином, себе не позволил. А, наоборот, нехотя опустил секиру и сделал шаг в сторону. Второй же, убедившись, что его... м-м-м... соратник вновь овладел собой, отпустил его наплечник и, в свою очередь, сделав еще один шаг вперед, сдержанно поклонился Трою и гулко произнес:

— Мастер мастеров Заилин IV ожидает герцога Арвендейла в своих чертогах.

Трой окинул стоящих напротив суровых гномов испытующим взглядом, затем медленно кивнул и неторопливо тронул коня. Они прорвались...

Посольство к Подгорному трону было не слишком многочисленным — всего три десятка чело... то есть разумных. Трой рекрутировал в состав посольства весь свой прежний десяток (ну, кроме, императора конечно), а кроме того, с ним вместе, как обычно, отправились виконт Аскавирал и по одному десятку арвендейльцев, которых на этот раз возглавлял не Коском, а Бон Патрокл, и егерей. В принципе он бы не отказался еще и от кого из известных магов, лучше всего Учителя или Элиота Пантиопета, ибо наличие в составе посольства столь долго живущих разумных явно добавило бы ему авторитета, не говоря уж о магической поддержке. Но и они оба, и любые маги сравнимого уровня оказались в разгоне. Марелборо с его собственной могучей магической силой совершенно не требовалось постоянно держать какого-нибудь сильного мага под рукой, вот он и гонял их на полную катушку... Так что к гномам выдвинулись без них.

До Каррохама они добирались восемь дней. Что по такой погоде можно было считать настоящим рекордом... В сам город въехали около полудня. С прошлого посещения Каррохам не сильно изменился... ну, или сильно. В зависимости от того, на что обращать основное внимание. Стены, улицы, дома, таверны — не поменялись практически никак. Цены в лавках и тавернах тоже особенно не изменились. Хотя вроде как война и разруха должны были отразиться на них в сторону повышения. Но нет, ни продовольствие, ни оружие почти не подорожали. Гмалин, успевший, пока они ехали через город, переброситься десятком-другим фраз с

уставившимися на них зеваками и просто притормозившими прохожими, успел собрать последние слухи. И по ним оказалось, что цены на оружие и металлы сначала действительно поднялись, но затем резко упали. И случилось это вследствие того, что «под войну» гномы резко увеличили производство, рассчитывая на многолетний спрос, а она, вот ведь незадача, — возьми да и закончись! С продовольствием же так получилось потому, что его навезли много, как раз рассчитывая на то, что изрядно приподнявшиеся на войне «уважаемые гленды» увеличат закупки, а этого, как уже было сказано выше, не произошло. Вот все и зависло в неустойчивом равновесии... Что же касается изменений, то самым главным из них было то, что с улиц Каррохама практически исчезли гномы. Впрочем, не только с улиц. Некоторые лавки, мимо которых они проезжали, имевшие на вывесках в левом верхнем углу знак кирки и наковальни, повсеместно служивший обозначением того, что владелец данной лавки является поданным, ну или как минимум выходцем из-под Рудного хребта, несмотря на белый день, также оказались закрыты. Причем многие из замеченных, судя по всему, явно не первые сутки.

Три десятка свободных мест разом ни в одной таверне не нашлось, поэтому посольство пришлось размещать аж в четырех, стоящих болееменее рядом. Впрочем, никаких особенных трудностей это не доставило. Едва Трой с побратимами разместились в «своей» таверне, как Гмалин тут же куда-то исчез. Ну а сам глава посольства переоделся в свои старые наемничьи доспехи и, спустившись вниз, заказал у тавернщика дюжину пива и подошел к компании наемников, занимавшей дальний стол.

— Позволите присесть новичку, ребята? — с широкой улыбкой спросил он, со значением кивнув в сторону служанок, волокущих за ним два тяжелых подноса, уставленных кружками, увенчанными пенными шапками. Наемники одобрительно загомонили:

— Вот это дело... это по-честному... падай, брат...

— Ты с Алым герцогом приехал? — поинтересовался сосед Троя, дружески ткнув его кулаком в плечо, когда кружки оказались ополовиненными.

— Ну, можно сказать и так, — усмехнулся Трой, отхлебывая пиво.

— И как он?

Трой пожал плечами.

— Да по-разному. С кем-то — лют, с кем-то — ровен. Как и все, в общем...

— Ну, не знаю, — недоверчиво покачал головой сосед с другой стороны. — У нас про него такие слухи ходят — мама не горюй!

Трой молча пожал плечами. Мол, за слухи я не отвечаю, после чего нейтрально поинтересовался:

— А тут как дела? — Наемники тут же помрачнели и переглянулись, после чего дружно ухватились за кружки и хлебанули по большому глотку. А потом седой ветеран, сидевший с дальнего края, тяжко вздохнул и сообщил:

— Хреново! Мы сюда с купеческим караваном пришли. Мастер Бенектин зерно привез. Думали обратно железом и оружием закупиться, да вишь какое дело — застряли.

— А что так? — удивился Трой. — С железом и оружием проблемы? Это в Карроаме-то?

— Да нет, с этим делом тут все нормально… ну, насколько это может быть, когда почти все гномы из города слиняли. С другим хуже — мастеру Бенектина никто на зерно нормальной цены не дает. Он-то надеялся, что, поскольку война, цены на зерно хорошо вверх подскочат, а тут… — И седой сокрушенно махнул рукой. Трой понятливо кивнул. Да уж, похоже, попал купец: не продав свой товар — чужой не закупишь.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что причин того, что гномы начали покидать город, никто не знает. Тем более что сделано это было максимально скрытно. Никаких скандалов, обвинений или громких заявлений, предшествующих исходу, не было. Просто в какой-то момент местные гномы начали уезжать. Нет, не все скопом, боже упаси — исключительно поодиночке и вразнобой. Сначала один, потом другой, проживавший через пару-тройку улочек от первого, затем третий… и так до тех пор, пока почти две трети гномов, имеющих в городе постоянные лавки, не уехали прочь. Причем исключительно «по торговым делам» или «навестить родственников». А когда до Городского совета наконец-то дошло, что все это «ж-ж-ж» неспроста, и там начали интересоваться, в чем же дело и не обидели ли они как-то ненароком «уважаемых глендов», внятного ответа не последовало. Зато следующим утром из Каррохама разом выехали еще и почти две сотни торговых представителей кланов Подгорного трона, которые не являлись резидентами города и приезжали в Каррохам на несколько дней по тем или иным торговым делам. После чего город замер в недоумении и испуге. То есть даже те купцы, на делах которых вроде как весь этот неожиданный отъезд «уважаемых глендов» никак особо не отразился, на всякий случай тоже приостановили сделки. Чего уж говорить о тех, весь бизнес которых был завязан на гномов напрямую…

Гмалин вернулся уже далеко заполночь. Гном ввалился в комнату Троя,

когда тот уже укладывался. Во время посиделок с наемниками он старался половинить и пропускать, но все равно выпить пришлось изрядно. Так что до комнаты он добрался покачиваясь и по стеночке. Впрочем, Гмалин также благоухал отнюдь не мятной свежестью. Хотя выпил, похоже, меньше. Впрочем, кто его знает этих гномов — сколько им надо выпить, чтобы свалиться напрочь...

— Кха-ак схоил? — Сев на кровати, поинтересовался Трой заплетающимся языком.

— Все плохо, — кратко сообщил Гмалин. — Город покинули все действующие подданные Подгорного трона. Те, кто остался здесь, — либо беглецы, либо изгои.

— Бб-б-беглецы так близиско от Рун-ного хребта, ик? — пьяно удивился Трой. Гном криво усмехнулся.

— Ну, так бегут по разным причинам. Например, из-за долгов. Или из-за разорения. А потом их долги просто выкупает кто-то из местных человеческих купцов, и все. С кредиторами разбирается уже он. Такие беглецы могут поселиться даже у Больших ворот, и им ничего не будет. Потому что вздумай на них кто наехать — это будут уже не разборки среди гномов, а межгосударственный конфликт. — Тут гном нахмурился и нехотя продолжил: — Хотя... ходили слухи, что кое-кто из гномов специально окручивал в долговую кабалу мастеров... ну из не шибко умелых, конечно, но все равно... для того, чтобы запродать их в кабалу людям. Но я не знаю, сколько в этих слухах правды.

— Пп-пнятно, — кивнул Трой, слегка пошатнувшись от этого движения, вследствие чего ему пришлось опереться плечом о стену, после чего расслабленно махнул рукой.

— Ты это... пп-пбратим... иди уж спать... завтра все ос-ссудим... а то как-то мне...

— Да уж вижу, — хмыкнул Гмалин и, махнув рукой в ответ, вышел из комнаты.

На следующий день Трой проснулся поздно. Почта в двенадцать. Ну, дык так, как вчера, он не пил уже очень давно. Пожалуй, с тех времен, когда он был еще десятником наемников... Так что когда Его Светлость герцог Арвендейл спустился в зал трактира, Гмалин с остальными были уже там.

— О-о, вот и начальство, — как-то неожиданно радостно проорал он. — Садись, десятник! Вижу — болеешь. Ничего, сейчас мы твоё здоровье мигом поправим... Эй, ты, — рявкнул он, разворачиваясь в сторону стойки, — давай тащи, что заказано! — После чего подвинул Трою

кружку с пивом и заботливо проворковал: — Вот, хлебни, холодненько!

Осушив кружку, Трой поставил ее на стол и озадаченно уставился на миску с жирной, исходящей паром похлебкой, гордо поставленную перед ним трактирной служанкой. Выглядела она не то чтобы очень. Потому что почти наполовину состояла из костей. Ну натурально — массивные мослы, копыта, огромные хрящи торчали из миски во все стороны. Нет, мясо, конечно, тоже было, но тоже такое... слишком жирное.

— Это что? — подозрительно спросил он, покосившись на гнома.

— Хаш! — гордо ответил тот. — Настоящий, гномий. Ешь — не пожалеешь. С перепою — самое то будет...

— Ну, кто что сумел разузнать? — поинтересовался Трой, после того как, ополовинив миску, действительно почувствовал, что его начинает отпускать. Присутствующие за столом переглянулись.

— Наёмников в городе мало. А те, что есть, — в основном на незакрытых контрактах. То есть, считай, исключительно потому, что работодатели не смогли с ними расплатиться и у них нет денег отсюда сливать, — нейтрально начал Глав. Арил кивнул и дополнил:

— И они по большей части не имперцы.

— У многих купцов зависли выплаты процентов по займам, — вступил Идш. — Представительства-то пусты, так что платить некому. Что весьма странно, поскольку гномы всегда крайне щепетильно относятся к деньгам.

— И что, им трудно было нанять курьера и послать деньги с ним? — ехидно поинтересовался Гмалин.

— Курьеров из гномов нынче в городе тоже нет, — пожал плечами Идш, — а никого из людей внутрь гномьего города непускают.

— Даже во внешние торговые ряды? — удивился Трой. Идш согласно наклонил голову и добавил:

— Даже к Большим воротам. Выставили пост у старой сторожевой башни и заворачивают всех подряд. — Он сделал паузу, пожевал губами и с сомнением произнес: — Более того, ходят слухи, что они начали поспешно восстанавливать саму башню...

Все сидящие за столом недоуменно переглянулись и нахмурились. Старая сторожевая башня была разрушена еще чуть ли не в стародавние времена гномо-эльфийских войн. И с тех пор гномами не восстанавливалась. Сначала из-за пренебрежения к людям, против которых подобное укрепление вроде как считалось совершенно не нужным, а затем, когда люди научили Могучих уважению к себе, землю, на которой стояла башня, империя объявила своей. То есть, вернее, башня стала этаким

неофициальным пограничным столбом между империей и наземными владениями Подгорного трона, но сами развалины были как бы расположены еще на имперской территории. И потому о восстановлении древнего укрепления вообще позабыли. Тем более что отношения с империей наладились, так что об угрозах гномам Рудного хребта с этой стороны можно стало совсем не волноваться. Ну, пока империя людей оставалась сильной и сплоченной... Так что же произошло? Империю посчитали слабой и почти распавшейся или... или угрозой? Трой задумчиво потер подбородок. Да уж, поди пойми... В конце концов, насколько он знал, кто-то из верхушки гномов точно принимал участие в том, чтобы ввергнуть императора Марелборо в то самое состояние, в котором он пребывал, когда они с ним встретились в первый раз. Не то чтобы такое уж душераздирающее зрелище, но по сравнению с его нынешним состоянием... м-да... И теперь что — они банально опасаются мести или за всем этим скрывается нечто иное? Ладно, подумаем над этим после того, как выскажутся все. Может, появится еще какая-нибудь интересная информация... Он повернулся к Алвуре, который единственный пока ничего не произнес. То есть сегодня еще не высказывался Гмалин, но это именно что сегодня...

— Они боятся, — негромко произнес эльф.

— Это я понял, — кивнул Трой. — Но чего? Или кого? Орков? Императора? Войны с людьми? Войны между людьми? — Он воткнул в побратима вопрошающий взгляд.

— Нас, — спокойно ответил Алвур.

— Нас? — недоверчиво уточнил Трой.

— Ага! — с крайне довольной рожей влез Гмалин. — Точно! Все правильно говоришь, ушастый. Нас они боятся. То есть посольства. Но только не Подгорный трон, а клан Гранвуриров. Та еще семейка...

— Клан Гранвур... — Трой запнулся и, тряхнув головой, решил не ломать язык, — а кто это?

Гмалин скривился, а потом вздохнул.

— Чтобы тебе все понятно объяснить, мне понадобится дней десять-двенадцать минимум. Причем начинать придется аж со времен Исхода из Тории...

— А ты коротко, самую суть, — предложил, усмехнувшись, Трой.

— Самую су-у-уть... — протянул Гмалин и задумался, но тут вновь вступил Алвур:

— У гномов очень жестко структурированное общество. Но с большой конкуренцией между кланами практически в каждой области — добыче

любого из ресурсов, производстве металлов и сплавов, огранке камней, изготовлении оружия, торговле с людьми, торговле с эльфами и так далее. В том числе и в области внешней политики и безопасности. Но иногда какому-нибудь клану удается захватить лидирующие позиции в какой-то области. Это для любого клана высшее достижение, и потому те, кто смог этого достичь, очень ревниво относятся к завоеванному влиянию. — Он замолчал. Трой некоторое время молча обдумывал сказанное, а затем недоуменно спросил:

— И что? Разве у людей или там эльфов не так?

— Так, да не так, — все так же весело вступил гном. — У вас такая грызня идет постоянно, кто бы там ни взобрался наверх. У нас же, если кто что под себя подгреб — их позиции остаются незыблемыми, пока они крупно не накосячат. Понятно?

— Н-не совсем... — с сомнением произнес Трой. Гмалин воздел очи горе и картинно вздохнул. Мол, боги, ну за что вы со мной так-то? Зачем заставляете мучиться и разъяснять очевидное подобным тупицам?

— Клан Гранвурир сидит на внешних сношениях и безопасности Подгорного трона уже шестьсот лет. С момента заключения последнего соглашения между троном и империей, которое они и подготовили. Причем очень выгодного соглашения. Ну для гномов... За это время у них, конечно, случалось довольно много провалов, но ни одного катастрофического. А те, что случились, все равно не приносили потерь, перекрывающих их успех. Но вот именно сейчас сложилась ситуация, когда те решения, которые они когда-то продавили своим авторитетом и влиянием, становятся ключевыми опасностями для Подгорного трона. Вот они и забегали, сволочи...

— То есть? — не понял Глав. — Какие решения? О чём ты?

Но Трой уже кое-что понял, поэтому, резким взмахом руки остановив поток вопросов от остальных, подался вперед и напряженно спросил:

— Клан Гранвурир стоит за решением воздействовать на Марелборо?

— Точно! — Гном выглядел как кот, только что обожравшийся сметаной. — А кроме того, они облажались и в другом — поставили на то, что орки полностью уничтожат империю. И заключили договор с парочкой эльфийских домов по разделу ее территории. — Он ехидно сощурился и закончил, как припечатал: — Представь теперь, с какими чувствами они ожидают посольство не просто сохранившейся империи, а империи, во главе которой вновь встал Марелборо?

За столом повисла ошеломленная тишина. Нет, люди всегда знали, что Могучие — себе на уме, что с ними надо держать ухо востро, что им палец в рот не клади, но при этом гномы всегда воспринимались как свои, как те,

на которых можно положиться, те, вместе с которыми... да и за которых можно и нужно драться. А тут такое...

— Поня-ятно, — протянул Арил, а потом чуть наклонил голову к плечу и упер в гнома острый взгляд. — Но вот кое-что другое мне совсем непонятно. Насколько я понял — все, что ты сейчас нам изложил, обещает гномам очень большие неприятности. И я совсем не понимаю, чему ты радуешься?

Гмалин криво усмехнулся:

— А вот тут ты не прав. Конечно, нынешняя ситуация многое поменяет, и Подгорному трону придется кое-чем поступиться, но большая часть потерь будет возмещена за счет имущества тех, кто в этом виноват. Но главное — у меня есть личные причины желать вышеупомянутому дому всех возможных для него несчастий. — И гном замолчал, а затем эдак торжественно опустил руку на стол, как будто поставил драгоценную чашу... Все недоуменно уставились на широкую, как лопату, «грабку» гнома.

— То есть... — внезапно вскинулся Трой, — это они виноваты в том, что тебе отрубили руку?

Гмалин молча кивнул. Трой нахмурился.

— Хм, значит, тебе небезопасно появляться под Рудным хребтом? Именно поэтому ты в прошлый раз не поехал со мной? — Он покачал головой и с сожалением произнес: — Если честно, я очень рассчитывал на тебя в предстоящих переговорах, но если дело обстоит таким образом, то ты можешь остат...

— Ну, уж нет! — взревел Гмалин. — На этот раз я поеду с тобой, Трой. Можешь не надеяться от меня отвязаться. Поеду и с удовольствием посмотрю в глаза этой гнусной семейке.

Трой несколько мгновений вглядывался в наполненные яростью глаза своего побратима, после чего усмехнулся и легонько кивнул:

— Хорошо, да будет так. Тогда кто мне скажет, чем нам может угрожать та стража, которую выставили у старой башни? Они осмелятся нас остановить? — И он посмотрел на гнома. Гмалин кисло сморщился.

— Не знаю, все зависит от того, кого эти сыны пещерной крысы выставили туда. Если это люди Гранвуриров, а это, скорее всего, так и есть, — точно осмелятся. Хотя... — он на мгновение задумался, — может, и нет. Гранвурiry уже давно многим поперек горла и последние лет тридцать держались только на страхе. Так что очень может быть, что там будут не только их люди, но и кое-кто из числа тех, что и сами не прочь подставить подножку Гранвурiram. Так что тут как трещина по скале

пойдет...

Трой откинулся назад, опервшись спиной о стенку, и задумался. Все остальные продолжали молча сидеть и смотреть на него, не рискуя прервать размышления своего командира.

— Кхм... уважаемые, я могу попросить разрешения обратиться к его милости герцогу Арвендейла?

Все резко развернулись. Около стола, переминаясь с ноги на ногу, стояли трое наемников во главе с седым, из числа тех, с которыми Трой вчера очень неплохо посидел. Гном нахмурился и, угрожающе приподнявшись, уже разинул рот, явно намереваясь разразиться грозной тирадой в отношении тех, кто не вовремя влезает и мешает их начальнику все обдумать и принять явно мудрое и взвешенное решение... но так и не успел ничего сказать. Потому что его прервал Трой:

— Ха, отлично! Эй, ребята, двигайте сюда, у меня есть для вас работа...

Из Каррохама они выехали на следующее утро. Впереди Троя ехал Бон Патрокл, который держал копье с трепетавшими на нем двумя штандартами — личным штандартом герцога Арвендейла и чуть более крупным императорским. Кроме того, следом за Бон Патроклом скакали еще трое всадников со штандартами — Каменного города, Эллосиила и виконтства Аскавирал. Ну а дальше за ними, построившись в две колонны, ехали арвендейльцы и егеря.

У старой сторожевой башни их весьма грозно выглядевшей кавалькаде преградил путь еще более внушительно выглядевший малый гномий хирд. Вернее... ну-у... хирдец... маленький такой. Четыре десятка гномов, выстроившихся в три шеренги. На большее их не хватило. Впрочем, этих трех шеренг оказалось вполне достаточно, чтобы перекрыть дорогу полностью — то есть от скалы до обрыва.

Когда посольство приблизилось, вперед вышел дюжий гном в латном доспехе и зычно проревел:

— Прохода нет!

Трой спокойно оглядел слитный строй гномов, потом поднял взгляд и осмотрел сторожевую башню. Хм, а насчет нее, пожалуй, наврали. Судя по всем внешним признакам, башню не восстанавливали, а всего лишь только убрали с прилегающей территории самые крупные и неудобно лежащие камни и слегка почистили. И сделано это было скорее всего лишь для того, чтобы было удобнее установить походные шатры, в которых, похоже, квартировали выстроившиеся сейчас перед ним гномы. Так что, судя по всему, как-то сильно ссориться с империей гномы все-таки не собирались.

И это было хорошо! Трой снова перевел взгляд на стоящего перед ним могучего гнома и негромко произнес:

— Я — герцог Арвендейла, посол от императора Арвендейла к Подгорному трону, — после чего тронул коня и выехал в первый ряд, — освободите дорогу.

— Прохода нет! — снова взревел все тот же гном.

— Вот как? — усмехнулся Трой. — И что же вы сделаете, если я все-таки попытаюсь пройти?

Гном зло ощерился и угрожающе махнул секирой.

— Прохода нет, человечек. А если ты попытаешься пройти, то здесь и останешься, понятно?

— Ты собираешься развязать войну с империей, гленд? — насмешливо уточнил Трой. — Или надеешься, что император Марелборо оставит без ответа нападение на его послов?

— А вот как хочешь — так и понимай, человечек, — зло оскалился гном. Но тут из-за спины герцога Арвендейла послышался ехидный голос Гмалина:

— То есть ты аннулируешь сорок вторую и сто шестьдесят шестую статьи Большого договора между империей и Подгорным троном, заключенного при деятельном участии как раз вашей ушлой семейки, Уфлин? Или весь договор скопом? Выходит, что так...

— А тебя вообще никто не спрашивает, Отверженный! — взревел тот, после чего развернулся к Трою и проорал: — Я сказал — прохода нет! И я не думаю, что после того, что произошло в вашей вонючей империи, вы рискнете начать войну с Подгорным троном, человечишко. Вам бы с вашим самозванцем, которого вы повесили себе на шею, без этой войны бы устоять и не развалиться...

— Вот, значит, как, — усмехнулся Трой. — Похоже, свежие новости под Рудный хребет не приходили уже очень и очень давно. И не потому ли, что кое-кто специально встал тут у границ и всем орет: «Прохода нет!»?

После этих слов внутри еще недавно совершенно монолитного строя малого хирда возникло некое непонятное движение, впрочем, почти мгновенно прекратившееся. Трой же между тем приподнялся на стременах и громко произнес:

— Я как посол императора требую соблюдения договора и предоставления мне прохода! И заявляю, что непременно исполню то, что поручил мне мой император. Кто бы ни попытался противодействовать мне в исполнении моего долга.

Внутри хирда снова возникло едва заметное движение, но тут

стоявший впереди гном одним движением перекинул висящий за его спиной огромный, полностью закрывавший его могущую фигуру башенный щит и, сделав шаг назад, втиснулся в первую шеренгу, после чего проревел:

— Щиты к бою, гленды! И давайте покажем этим тупым людышкам, насколько они глупы, когда пытаются лезть тремя десятками на сорок гномов! — Малый хирд тут же покрылся скорлупой щитов, и четыре десятка луженых глоток угрожающе взревели. Но, похоже, на людей... то есть на всех разумных, стоявших сейчас перед гномами, это не произвело никакого впечатления. Потому что, вместо того чтобы склонить копья или там достать мечи, либо еще как-то обозначить приготовления к бою, они только переглянулись и... громко заржали, одновременно поворачивая коней и отъезжая назад и в стороны, к узким обочинам.

— Ну почему же тремя десятками, уваж... кхм, прошу прощения, конечно же, совсем неуважаемый мною гленд, — крайне саркастическим тоном заявил Трой. — Мы — посольство, нам не с руки поднимать оружие на тех, к кому мы едем на переговоры. Но вот кое-кому другому...

По гномьему хирду вновь прокатилась едва заметная волна, в которой, однако можно было почувствовать некие нотки недоумения. Однако спустя несколько мгновений из-за поворота дороги, располагавшегося в паре сотен шагов от старой башни, донесся непонятный гул, который с каждым мгновением становился все громче, громче и громче... пока, наконец, из-за поворота не выметнулась плотная толпа воинов, численностью, на первый взгляд, в четыре, а то и пять сотен человек. Причем большая часть из них были одеты в достаточно тяжелые латы. Ну, по наемничным меркам, конечно... до королевских латников им было далеко. Выскочив из-за поворота, они притормозили и выровняли ряды, перекидывая со спины щиты и готовя к удару длинные рыцарские лэнсы. Гномы напряженно замерли. Да, гномий хирд в боевом порядке почти несокрушим. Но так то именно хирд, который имеет глубину минимум в двадцать шеренг и в составе которого имеются и копейщики, и алебардщики, и секироносцы, и молотобойцы, вооруженные огромными боевыми молотами, поднять которые не способен никто, кроме самих гномов, и уж конечно несколько сотен арбалетчиков, вооруженных могучими гномьими арбалетами. Четыре же десятка гномов, выстроенных в тощие три шеренги, вполне способны противостоять втрое, а то и вчетверо большему количеству конных копейщиков, каковые, кстати, как раз и предназначены для прорыва плотного пехотного строя... Ну ладно, если упереться и решить умереть на месте — то впятеро. Но здесь-то таковых было больше в десять, а то и в

двенадцать раз. Нет, будь они просто пехотой, да даже и не просто, а и тяжелой латной, то кое-какой шанс можно было бы натянуть, но против копейной конницы...

— Ты хочешь войну, человечишко! — Рев, раздавшийся из центра боевого построения, заставил лошадей слегка присесть на задние ноги. — Ты ее получишь!

— Я? Войну? — Трой громко рассмеялся, после чего указал рукой на изготовленных к атаке всадников. — Вон там нет ни одного подданного империи. Все они — наемники из-за границ империи, в основном с востока. И знаешь что, — Трой усмехнулся, — я даже не могу себе представить, почему это они решили вас атаковать. Но я твердо заявляю, что если бы ты... да-да, именно ты, не отказался бы от соблюдения договора, то я и мои люди встали бы вместе с вами, плечом к плечу против этой неведомой опасности. А сейчас... сейчас мы просто подождем, пока путь не станет свободным. После чего поедем дальше. Причем, — Трой слегка нагнулся и эдак заговорщицки подмигнул, — когда мы доберемся до Больших ворот, я с глубоким прискорбием поведаю воротной страже обо всем, что здесь скоро случится. И с самыми подробными разъяснениями, друг мой весьма неуважаемый...

Несколько мгновений гномы стояли молча. А затем один из стоявших на левом фланге внезапно опустил щит и короткую, как раз под гномий рост, но очень тяжелую алебарду и негромко произнес:

— Ну все, хватит.

— Встань в строй, Троир! — грозно взревел дюжий гном, который вел переговоры с Троем. — Встань в строй, или клянусь... — Но второй не дал ему закончить. Он повернулся и махнул своей лапицей. Повинуясь этому жесту, почти третья гномьего хирда слитно отшагнула в сторону от основного строя и, выдерживая равнение, развернулась вдоль дороги и выстроилась на обочине, освободив проход.

— Если ты хочешь бездарно растратить жизни своих сородичей и окончательно испортить репутацию своей семьи, и так уже изрядно пошатнувшуюся, — я не в силах тебе помешать, — насмешливо произнес предводитель отделившихся гномов. — Но подставлять своих людей под копья из-за амбиций клана Гранвурир я не стану. И рекомендую всем остальным также задуматься над этим...

— Ах ты... предатель! — взревел первый гном. Но это уже не помогло. Потому что еще где-то около четверти гномов выбрались из строя и отошли на обочину. Причем те, кто остался в строю, и не подумали заполнить образовавшиеся вследствие этого промежутки, что как бы намекало, что и

они, несмотря на любые родственные связи и принадлежность к одному клану, не считают столь яро продвигаемый вожаком вариант действительно стоящим...

— Вы! Вы все предатели, все! — яростно взревел тот и воздел секиру. — Я, я... вы-ы-ы... вы поплатитесь за это! А ну-ка, воины Гранвурира...

И в этот момент послышался холодный голос герцога Арвендейла:

— Хочу еще раз напомнить, что империя никогда не отказывалась от соблюдения договора, и поэтому мы готовы встать плечом к плечу с теми, кто остается верен древнему союзу людей и гномов. — И сразу же после этих слов три десятка всадников посольства подали коней чуть вперед, сбивая атакующий клин.

— Клан Рамдирагн блюдет договор! — тут же взревел Трорир. И десяток гномов, отошедших на обочину первыми, тут же сбил строй, к которому после почти незаметного колебания присоединились и те, кто вышел на обочину в последнюю очередь. После чего положение гномов, возглавляемых Уфлином, стало совсем безнадежным. Даже если не учитывать те четыре сотни наемников, которые замерли у поворота...

Спустя полчаса кавалькада посольства, впереди которой реяли все те же пять штандартов, втянулась в ущелье с бурным потоком, стремительно бегущим вдоль дороги. Гмалин ехал рядом с Троем, сияя, как медный пятак. Побратим окинул его насмешливым взглядом и, покачав головой, произнес:

— Не торопись, нам надо еще пройти через Большие ворота.

— А-а-а — плевать! Там кроме бойцов Гранвурира и союзных ему кланов точно будет стража врат. Да и из королевской кордегардии точно кто-то будет ошиваться. Так что хрен они посмеют затеять драку.

— А если посмеют?

— И что? Ты же точно что-нибудь придумаешь! — безапелляционно заявил гном. И таки оказался прав...

8

— Вот, значит, как они извернулись? — задумчиво произнес Марелборо. И замолчал, уставив задумчивый взгляд на стену парадного кабинета, украшенную весьма необычным панно. Оно представляло из себя кусок пола из спальни прежнего императора с пентаграммой, послужившей для вызова в этот мир Темного бога Йхлаги. Этот кусок пола был аккуратно обрамлен красивой бронзовой рамой и покрыт сверху тонким магически упрочненным стеклом. Кроме него кабинет был украшен еще тремя картинами и несколькими скульптурами, размерами от ростовых до высотой в локоть, а также обставлен довольно красивой мебелью.

И вообще со времени отъезда Троя императорский дворец довольно сильно изменился. Как и Эл-Северин в целом. Несмотря на то что поездка к гномам заняла куда меньше времени, чем его предыдущая экспедиция на запад империи. Впрочем, к этому сроку, пожалуй, стоило прибавить еще и те два месяца, которые Трой провел в Арвендейле и дороге до герцогства и обратно. Ибо в промежутке между поездкой в герцогство и отправлением посольства он либо отсыпался после тяжелого марша, либо носился как укушеннный, готовя посольство. Так что в это время ему было совсем не до любования окрестностями...

У гномов Трой провел почти два месяца. Хотя сами переговоры с Подгорным троном и Советом мастеров заняли из них дней шесть. Но именно, что не подряд шесть дней, а всего. В сумме. Потому что после первого сеанса переговоров, состоявшегося еще в день их прибытия и начавшегося вручением верительных грамот и личного послания императора королю Заилину IV, Подгорный трон позабыл про посольство на три недели. Впрочем, поначалу Трой не особенно расстроился. Уж больно тяжелым оказался этот первый сеанс. Не успел он выпустить из рук верительные грамоты и письмо, как на него накинулись. С вопросами, расспросами, скрытыми наездами и прямыми обвинениями. Так что он даже порадовался тому, что дорога к Большим воротам выдалась такой... возбуждающей, и потому в зал Совета Трой вошел во вполне боевом настроении и взбодренный изрядной долей адреналина. А то бы либо забили, либо взорвался и наломал дров. А так... ну, справился... наверное... Потому как не убили и не выслали.

Впрочем, следующая аудиенция оказалась едва ли не более горячей, чем первая. Но к тому моменту Гмалин уже достаточно просветил Троя по

некоторым нюансам гномых законов и традиций, которые здесь, у Подгорного трона, соблюдались куда как ревностнее, чем где бы то ни было, а так — большинству текущих местных раскладов. Часть из которых к тому же в настоящий момент быстро и резко менялась. И во многом именно благодаря Трою. Например, именно его... кхм... скажем так — неординарные действия оказались тем последним камешком, который сдвинул с места лавину, обрушившуюся на ранее казавшиеся почти незыблемыми позиции клана Гранвурир. И то, что вторая аудиенция оказалась отложена на целых три недели, было в первую очередь вызвано тем, что другим кланам потребовалось время на то, чтобы хотя бы в первом приближении поделить между собой те позиции, которые оказались свободными после падения Гранвурира. И кстати, судя по тому, сколько времени Гмалин в эти три недели проводил за пределами отведенных посольству апартаментов и каким довольным он возвращался, Владетель Каменного города принимал в этой дележке самое непосредственное участие. Он вообще как-то очень быстро для бывшего изгоя вписался в местную бурную жизнь и, похоже, чувствовал себя в ней как рыба в воде. Так что по большому счету именно Гмалина, а не Троя, стоило в первую очередь благодарить за все успехи, которые были достигнуты посольством. Впрочем, успехов этих было не то чтобы так уж и много...

— Что ж. — Марелборо отмер и хлопнул ладонями по коленям. — Судя по всему, за столь холодный прием нам стоит в первую очередь благодарить наших длинноухих «друзей и партнеров». — Сарказм, с каким император произнес последнее словосочетание, уловил бы даже глухой. — А это значит, что ничего большего от них мы точно не получим. Как, впрочем, и меньшего. Потому что если эльфы вытребуют у нас чего-то серьезное сверх того, что получили гномы, то Могучие точно обидятся. А в этом случае столь лелеемый Высокими единый фронт против меня и империи даст та-акую трещину. — Тут император насмешливо улыбнулся. — А знаешь, эти высокомерные ублюдки, похоже, неплохо подставились. И мы можем очень чувствительно щелкнуть их по носу.

— И каким образом? — не столько спросил, сколько подал нужную реплику Трой.

— Да просто отправить к ним в качестве посла не тебя, а какую-нибудь куда более второстепенную фигуру. Они сейчас просто не могут дать нам меньше, чем гномы. И потому что это нарушит их договоренности с гномами... ну и потому что меньше просто некуда! Так что они будут вынуждены принять почти любого посла от меня. И если он будет не то что не тобой, а, скажем, вообще не герцогом и не моим приближенным... — И

Марелборо от удовольствия аж зажмурил глаза. Однако посидев так пять минут, он тяжело вздохнул и тряхнул головой:

— Ладно, помечтали — и будет. Поедешь — ты. Удовольствия удовольствиями, но не стоит давать партии противников союза с людьми при дворе Светлой владычицы дополнительных аргументов. Но торопиться тоже не надо. Да и посольство по составу урежем раза в полтора-два. Небольшой щелчок все-таки не помешает... — усмехнулся император.

Выйдя из кабинета, Трой потер ладонью лицо и встряхнул головой. Нет, все-таки политика — это совершенно не его. Ну поди угадай, что, скажем, семь дней задержки с выездом посольства из Эл-Северина позволят обвинить противников союза с людьми в создании условий небрежения честью Светлого леса, а восемь дней — «это уже слишком и принесет больше вреда, чем пользы».

— Простите, м-м-м, герцог, Его Величество уже освободился?

Трой оглянулся. Рядом с ним стоял некто... или, вернее, нечто... разодетое так пышно и пестро, что казалось, тот портной, который шил подобный наряд, в своей работе вдохновлялся видом петуха, на которого к тому же выплеснули по полпузырька йода и зеленки. Нет, если абстрагироваться от крайней непрактичности подобного наряда и пестроты, от которой буквально ломило глаза, становилось понятно, что талант у портного, несомненно, имелся. Потому что кое-какие следы гармонии в этом все-таки просматривались. Но именно кое-какие... Трой криво усмехнулся и презрительно бросил:

— Для вас — вряд ли, — после чего окинул взглядом небольшую толпешку придворных, роившуюся по кучкам вдоль стен приемной залы, тяжело вздохнул и двинул в сторону дверей, ведущих на лестницу, громко гремя каблуками кавалеристских сапог.

А получивший такой ответ придворный остался стоять, ошело глядя ему вовслед. Это... это что? Вот это грязное, тупое, неотесанное быдло, не разбирающееся ни в моде, ни в театре, ни в поэзии Гвеленира, и вообще непонятно каким попутчением Сумеречных сумевшее пролезть в дворянне, его оскорбило? Да как... как оно только посмело открыть свой вонючий рот на потомка самого... Но тут Трой, видно, что-то почувствовал и, притормозив, бросил на вскипевшую разряженную обезьянку этакий холодно-насмешливый взгляд. Мол, ну что, обезьянка, есть что сказать? Но тот мгновенно сделал вид, что даже и не думал ничего подобного. Еще бы — репутация у Алого герцога была такова, что многие опасались даже просто бросить косой взгляд в его сторону, а уж что-то сказать...

Трой же только хмыкнул и, снова отвернувшись, двинулся дальше,

размышляя над тем, почему так получается, что вокруг любого Владетеля обязательно возникает вот такая пена из людей пустых и бесполезных, зацикленных исключительно на внешнем, на мишуре, на создании не столько даже пусть и ущербной, но все-таки своей собственной значимости и влияния, сколько на всего лишь видимости их? Они не заняты ничем полезным, но при этом яро лезут в глаза и уши, будучи абсолютно уверены в том, что, во-первых, они лучше всех знают, что и как надо делать, а во-вторых, то, чем интересуются и увлечены именно они, — и есть самое важное и необходимое. Хотя на самом деле большая часть того, чем они интересуются, придумана исключительно для того, чтобы убить время, то есть хоть чем-то заполнить их собственное безделье, заставить их испытать хоть какую-то эмоцию, которых в их бестолковой и по большому счету никому не нужной и неинтересной жизни практически нет. Тот же театр взять... Зачем смотреть, как люди *играют* любовь и ненависть, подвиг и мужество, доблесть и страх, если все это есть в твоей собственной жизни? А вот если твоя жизнь пуста и бессмысленна — это да. Тут без суррогата не обойтись. И тогда вполне обоснованно превозносить и восторгаться теми, кто способен подарить тебе то, чего нет в твоей такой убогой и... ненастоящей жизни. Или, скажем, одежда? Если ты занят делом, то первым требованием к любой одежде будет ее практичность по отношению к этому делу... Нет, потом, после работы, на праздник там или на встречу с дорогим тебе человеком можно надеть и что-то необычное и непрактичное. Но ведь эти разряженные петухи вроде того, который задал вопрос, носят свои вычурные тряпки, считай, круглосуточно! У них работа такая — носить тряпки, толпиться около их собственных, то есть по большей части совершенно пустых кумиров, подобостраствуя одним, причем зачастую чужеродным, и громогласно нисровергая других, и, кривя губы, рассуждать о моде, театре, погоде, пирах, новых блюдах, гороскопах, курсах акций, новых трендах, режиссерских находках и новых направлениях в музыке... Причем, чтобы не слышать насмешек от *людей дела*, они окружают себя такими же бесполезностями — модными портными, особенно преуспевшими именно в создании мишуры, профессиональными актерами, лучше всего изображающими совершенно чуждые им чувства, эмоции и вообще совершенно чужую жизнь, фокусниками, притворяющимися магами и волшебниками, ярмарочными силачами и жонглерами, сделавшими своей профессией демонстрацию совершенно бесполезных трюков, призванных всего лишь продемонстрировать некие силу и ловкость. Причем чаще всего демонстрируют они это не в каком-то важном *деле*, а с помощью разных

ярмарочных фокусов или искусственных придуманных игр. Эти люди вообще взрослые? Когда в игры играют дети — это понятно и объяснимо. Именно через игру дети познают мир, учатся владеть своим телом и разумом, набирают опыт общения. Но если в то время, когда в мире еще так много голодных, больных, когда множество людей, напрягая все свои силы, растит хлеб, плавит металлы, кует броню, когда лучшие сражаются, чтобы отстоять свою свободу и право жить своим законом на своей земле... да просто право жить для себя и своих потомков, а не сгинуть мясом в необъятном орочьем брюхе, кто-то тратит свои силы, способности и возможности на то, чтобы каждый день менять модные тряпки и убивать свою жизнь, пляясь на людей, изображающих перед ним на сцене не свою жизнь и не свои эмоции, а то и самому изображать нечто подобное, — как можно понять таких людей? И ведь до чего дошло, даже многие из дворян, сословия, призванного платить налог стране и государю не золотом и хлебом, а своей собственной кровью, забывают о долге и начинают не только подражать тем же портным и ярмарочным паяцам, но и осыпать их золотом, восхвалять их, гордиться дружбой с ними, порождая в некоторых нестойких душах желание самим стать такими же паяцами. А если таковых станет много? Дворянство превратится в паяцев? И зачем оно такое будет нужно этой земле и своему народу?.. Додумать мысль до конца он не успел. Потому что от одной из стаек, занявшей позицию у последнего окна, ему навстречу выпорхнула аппетитная женская фигура, затянутая в весьма откровенное платье.

— О, герцог, это вы? Чрезвычайно рада вас видеть!

Трой резко затормозил и удивленно воззрился на возникшее перед ним весьма знакомое лицо.

— Маркиза? Вот уж не ожидал вас здесь встретить! Какими судьбами в столице?

Маркиза Тевлери обворожительно улыбнулась и, обмакнувшись роскошным веером, ответила ему этаким светски-снисходительным тоном:

— Ах, герцог, мне стало так скучно в нашей глупи. А тут до меня дошли слухи, что столица начала оживать. Ну, я и решила съездить, проведать, как тут дела. — С этими словами она изящно проскользнула вплотную к герцогу и ловко просунула свою ручку под его локоть, породив этим своим действием целую волну приглушенных удивленных возгласов и перешептываний, пронесшуюся по приемной. — Насколько я поняла то, что вы только что сказали графу Леруати, сегодня опять не будет парадного выхода. В таком случае мне тут больше нечего делать. Так что проводите меня до дворца герцогини Велиэ. Он тут неподалеку, в Высоком городе.

— Э-эм... прошу простить меня, маркиза, — несколько озадаченно начал Трой, — но й-а-а сейчас должен... м-м-м... — Он запнулся, потому что у него не было никакого желания гулять по Высокому городу под ручку с кем бы то ни было, но придумать какую-то серьезную причину для отказа он вот так с налета не сумел. Марелборо отпустил его, не поставив ему никакой непосредственной задачи. Мол, в Светлый лес двинешься через семь дней, и все нужное скажу за день до отъезда. А пока типа — гуляй и не надоедай.

— Хм, герцог, — маркиза сверкнула очами и ехидно улыбнулась, — похоже, вы не смогли придумать причину для отказа? — Она тихо рассмеялась. — Не волнуйтесь — надолго я вас не задержу. Доведете меня до дворца — и я более не стану претендовать на ваше внимание.

Они вполне себе чинно спустились по лестнице, вышли из дворца и двинулись по аллее бывшего парка. Вернее, сейчас уже не совсем бывшего. В парк явно возвращалась жизнь. Вместо вытоптанных и вырванных с корнем кустов по краям аллеи сейчас зеленела яркая молодая поросль, чуть дальше виднелись обгорелые, искореженные и расщепленные стволы деревьев, сквозь опаленную кору которых активно пробивались свежие ветви, усыпанные мелкими, только народившимися листочками, а над всем этим оживающим великолепием упрямо тянулся вверх тонкий ствол возрождающегося меллирона. Судя по этой картине, в Эл-Северин наконец-то прибыли эльфийские друиды...

Сразу за оградой парка, охраняемой возрожденной императорской гвардией, Троя ждал Бон Патрокл с конвоем, состоящим из арвендейльцев. Когда Трой с маркизой под ручку вышел из парковых ворот, его вассал изумленно разинул рот и буквально завис. Ну, еще бы — его господин соизволил обратить внимание на еще какую-то женщину кроме своей жены! Трой мысленно усмехнулся и едва заметно повел подбородком, повелев конвою следовать за собой, но на некотором отдалении. Бойцы тут же вполне профессионально рассыпались по сторонам, перекрыв все возможные направления подхода и взяв под контроль любые точки, с которых была вероятность получить выстрел из лука и арбалета. Нет, они не были специально подготовленной охраной, а скорее наоборот — теми, кто очень хорошо научился использовать любые возможности для того, чтобы подкрадываться к врагу на расстояние выстрела или удара. Но именно поэтому они были способны справляться с обязанностями охраны куда лучше тех же императорских гвардейцев... Все это не укрылось от внимательного ока маркизы, так что она, бросив на пристроившихся за ними арвендейльцев несколько любопытных взглядов, заинтересованно

спросила:

— Это ваши друдинники?

— Да, а также ополченцы из городов моего герцогства, — кивнул Трой. Женщина снова окинула воинов конвоя внимательным взглядом и недоверчиво хмыкнула:

— Как-то они не очень похожи на ополченцев. Скорее ваши бойцы производят впечатление весьма опытных воинов с довольно специфическими навыками.

— Вы снова меня удивили, миледи, — удивленно произнес Трой. — Я мог ожидать подобную характеристику от какого-нибудь опытного воина, но от вас...

Маркиза грустно усмехнулась:

— Увы, наш мир довольно жесток, герцог, и молодой небогатой вдове, чтобы выжить и сохранить домен, приходится осваивать совсем не присущие женщинам знания и навыки... Но вы так и не рассказали мне, откуда у ваших ополченцев такие умения.

— Ну, Арвендейл до последнего времени был весьма опасным местом, — пожал плечами Трой. — Например, орков там можно было встретить не только во время опустошительных, но редких набегов, а просто выехав за пределы городских стен, скажем, для того чтобы нарубить дров... Поэтому, чтобы выжить, там нужно было не только овладеть искусством обращения с оружием на куда более высоком уровне, чем это практиковалось даже среди дворян запада, но и... весьма активно им пользоваться. Причем плохая оценка для нерадивого ученика означала не неудовольствие учителя и раздражение родителей, а собственную смерть. Немедленную, если повезет умереть на месте, или долгую и мучительную, если попасться в плен. Так что у нас в герцогстве разница между друдинником и ополченцем исчезающе мала.

— Хм... понятно, — задумчиво произнесла маркиза.

— Что? — не понял Трой.

— Почему вы стали герцогом такой земли. Вы просто очень хорошо ей подошли. А вот кого другого она бы точно не приняла...

— Антенаис!

Этот внезапно раздавшийся голос заставил Троя вздрогнуть, а его спутницу расплыться в любезной улыбке. Искренней или нет, ему, с его почти никаким опытом общения в свете, было не понять... Потому что этот голос принадлежал герцогине Велиэ, неожиданно для него возникшей на верхней площадке парадного своего дворца. — О-о, кто это с тобой? Неужто сам Меч императора, Гроза врагов империи, легендарный и

непобедимый герцог Арвендейл? — Ядом, которым была прямо-таки наполнена следующая произнесенная фраза, можно было отравить как минимум пару сотен человек Трой едва заметно скривился, но ответил весьма вежливо:

— Рад вас видеть, герцогиня.

— Ну, это вряд ли, — фыркнула та. После чего пробормотала себе под нос, но так, чтобы этот идущий под руку с ее лучшей подругой (и параллельно главной соперницей в галантном искусстве) несносный герцог Арвендейл точно услышал: — Когда крестьяне пытаются казаться галантными — это так бесит...

Трой криво усмехнулся и, развернувшись к своей спутнице, церемониально поклонился.

— Ну что ж, я, как вы и просили, проводил вас и на этом могу считать мою миссию оконч... — Но его прощальная фраза была бесцеремонно прервана возгласом герцогини.

— Ах, смотрите — Высокие! — с придаханием в голосе воскликнула она, уставившись куда-то за спину Трою восторженным взглядом. Тот быстро, но плавно развернулся, на ходу бросив руку на Тайную ветвь, небрежно заткнутую за пояс. Но это оказалось излишним — из парковых ворот действительно вышли несколько фигур в переливающихся всеми оттенками зеленого плащах с капюшонами, которые в настоящий момент были небрежно откинуты на спину. Герцог Арвендейл помрачнел. Нет, он, конечно, был благодарен друидам за то, что они прибыли в столицу и принялись за возрождение парка, являющегося истинным украшением не только дворца и даже не Верхнего города, а всей столицы в целом. Но они послужили напоминанием того, что вскоре ему предстоит отправиться в Светлый лес и... даже не погрузиться, а прямо-таки вlipнуть в мутную, вонючую и тошнотворную паутину эльфийских интриг. И это нежданное напоминание напрочь убило в нем любые ростки хорошего настроения. А оно у него после неожиданной встречи с герцогиней Валиэ и так было не очень... Впрочем, усугубления ситуации не произошло. Потому что четверка друидов, выйдя из ворот, неторопливо и с обычным эльфийским высокомерием двинулась в другую сторону, спустя минуту окончательно исчезнув из вида.

— Ах, как бы я мечтала поближе познакомиться с каким-нибудь благородным эльфом, — мечтательно выдохнула герцогиня, с сожалением отворачиваясь от угла, за которым исчезли четыре высокие, горделивые фигуры с надменными лицами. Трой покосился на нее и, хмыкнув, произнес:

— Думаю, что вы были бы очень разочарованы, миледи. Возможно, не сразу, но в конце концов — совершенно точно!

Из глаз герцогини мгновенно исчезла вся мечтательность, и ее взгляд резко сфокусировался на стоящем перед ней Трое.

— М-м-м, герцог, а вы что, знакомы с кем-то из Высоких? Расскажите же мне об этом!

Трой пожал плечами.

— Да, знаком. Причем один из них даже мой побратим и даже вассал.

— Что-о-о-о? — Пухлый ротик герцогини удивленно округлился. — Но-о-о... как? Разве могут Высокие быть ниже людей? Это же... это же неправильно, глупо, абсурдно... — Судя по тому выражению, которое возникло на лице у герцогини Велиэ, ее картине мира только что был нанесен чудовищный и безжалостный удар. Но почти сразу же ее хорошенькое лицико прояснилось, и она понимающе кивнула: — А-а-а-а... понятно. — Она покровительственно, но и несколько завистливо усмехнулась. — Надеюсь, вы не слишком раздражаете ваших Повелителей своей... м-м-м... ну, скажем, недалекостью.

— Я тоже на это надеюсь, — усмехнулся в ответ Трой. — Но повелитель у меня один — император. А то эльфийское поселение, которое принадлежит к моему герцогству, никак не связано со Светлым лесом. Потому что оно заселено изгоями. Поэтому эльфы Эллосиила еще более-менее нормальные и с ними вполне можно общаться и ставить им задачи, не опасаясь того, что они все извратят, переврут и испортят, постаравшись на любом чихе поиметь собственную выгоду. А вот что касается тех, кто живет в Светлом лесу... — Тут герцог Арвендейл скривился и покачал головой. Но его слова произвели на стоящую перед ним женщину совершенно ошеломляющее впечатление. Она гневно вспыхнула и закричала:

— Как... как вы смеете высказываться о Высоких подобным тоном? Они... они же настоящее совершенство — мудрые, почти бессмертные, познавшие столь многое и столь полно, что людям остается лишь восхищаться их мудростью и безупречностью...

Трой же в ответ только хмыкнул.

— Ну, кое в чем нам до ушастых действительно далеко. Мозги у них воистину куда более изощренные, чем у людей. Да в магии мы тоже им не чета. Вот только таланты свои они растратаивают не на то, чтобы сделать наш мир лучше, а на грызню между собой и попытки вернуть себе те власть и влияние, которые они однажды уже потеряли. Причем, насколько я смог понять — в первую очередь по своей вине. Слишком уж загордились и

начали считать, что все остальные — пыль под их ногами. Хотя... если быть честным, то, что они так увлечены интригами друг против друга, только к лучшему. Потому что не будь этой грызни, нам бы было куда слож...

— Да как вы можете! — О полыхавшее возмущением лицо герцогини, казалось, можно было бы зажигать трут. — Вы — хам, мужлан и турица! Как вы не понимаете, что для людей было бы гораздо лучше, если бы Высокие взяли в свои руки управление нами. Разве может хоть кто-нибудь из людей сравняться с ними? Постичь их великие замыслы? Осознать ту гармонию, которую Высокие способны привнести в наш несовершенный мир? Да что вы вообще способны понять? Вы только и можете, что размахивать своими тупыми железками и бодаться лбами с этими отвратительными орками, оспаривая друг у друга титул самого злобного и вонючего самца... Видеть вас не хочу! — И рассерженная герцогиня, резко развернувшись, скрылась за широкими двустворчатыми дверями парадного входа своего дворца. А герцог Арвендейл скривился и тяжело вздохнул. А маркиза усмехнулась:

— Да-а-а, мой дорогой друг... вынуждена перед вами извиниться.

Трой недоуменно вскинул брови и удивленно спросил:

— За что же?

Маркиза тихонько вздохнула и пояснила:

— Ну-у... я немного виновата в том, что моя горячая подруга столь яростно осаждала вас во время вашего пребывания у нас на западе. Дело в том, что сразу после приезда в Ггурбах я была слишком обижена на вас за то, что вы остались холодны к моим попыткам разбудить в вас любовное томление. И потому ввела ее в заблуждение, рассказав о том, какой вы страстный и умелый любовник. Хотя, — тут маркиза усмехнулась и покачала головой, — не думаю, что в этом утверждении я так уж сильно ошиблась...

— Кто? — изумился Трой. — Я? Вам-то откуда это знать?

— Ну, опытной женщине для того, чтобы понять, что мужчина хороший любовник, вовсе не обязательно разделить с ним постель. Очень многое можно увидеть в том, как мужчина двигается, держится в седле, смотрит, как он пахнет по утрам или после дня скачки... На самом деле признаков, по которым можно многое узнать про мужчину, — великое множество. Так что я не сомневаюсь в том, что, охарактеризовав вас как страстного любовника, я была полностью права. И извинилась я вовсе не из-за этого. А из-за того, что когда я рассказывала герцогине о вас, то сделала это так, что у нее создалось впечатление, что мы действительно

были близки. — Маркиза замолчала.

— То есть вы ей соврали? — после короткого размышления уточнил Трой.

— О нет, — маркиза тихо рассмеялась, — я никогда не опускаюсь до прямого вранья. Но это и не нужно. Во всяком случае, в отношении тех, кто считает себя достаточно умным и умелым интриганом. И даже наоборот, с такими прямая и открытая ложь вредна. Ибо такие люди привыкли в любой фразе искать второе, третье и четвертое дно, а истину устанавливать по оброненным фразам, случайным оговоркам, горячим отнекиваниям и всем таком прочем. Так что для того, чтобы ввести их в заблуждение, ни в коем случае не надо утверждать что-то прямо. Нет! Для этого требуется юлить, недоговаривать, а вместо ответа на прямой вопрос выдать несколько интригующих фраз. И тогда твой собеседник сам все додумает так, как тебе было нужно... Так что Велиэ обманула себя сама. А поскольку у нас с ней нечто... ну-у... вроде соперничества, моя подруга решила, что если, так сказать, ваша голова будет украшать стену над камином только лишь одного моего «охотничьего домика» — это будет для меня слишком жирно. Вот потому-то она и бросилась на вас в атаку, предполагая, что раз уж мне удалось, как у нас принято это называть, «овладеть мужской рогатиной», то уж у нее-то — более молодой, богатой, влиятельной и, как она считает, привлекательной и страстной, — это точно получится. Но... — маркиза Тевлери покачала головой, — потерпела на этом пути сокрушительное поражение. Как, впрочем, и я. Однако она-то считала иначе...

Трой несколько мгновений напряженно рассматривал стоящую перед ним женщину, после чего тяжело вздохнул и, покачав головой, произнес:

— Как же у вас на западе все запутано-то...

Маркиза в ответ повела плечами, как бы намекая — а что вы хотели, после чего резюмировала:

— Так что теперь — берегитесь. Отвергнутая женщина — страшный враг.

— Да с какого Темного она отвергнутая? — изумился Трой. — У меня есть жена, у нее — муж, ну как тут можно женихаться, а?

Маркиза негромко рассмеялась и, в свою очередь, покачав головой, вернула ему фразу:

— Ох, как у вас в Арвендейле все просто-то... — После чего развернулась и двинулась вверх по лестнице. А Трой остался стоять, смотря ей вслед и напряженно размышляя над тем, что ни хрена не может понять, как работают мозги у этих людей на западе и что еще хлеще — у западных женщин. Вот вроде как подруги, одна у другой вообще в ее

дворце живет, но при этом яростно соперничают друг с дружкой. Да еще и не в чем-то полезном, а в том, кто скольким чужим мужикам в постель запрыгнет. Ну что в этом хорошего-то?

9

Свириниэль полным галопом влетела в ворота заставы, ходом пронеслась через плац и уже перед самым Домом поддержки резко натянула поводья, довольно грубо затормозив свою лошадь, после чего, ловко перекинув левую ногу через луку седла, одним движением соскользнула на землю. Подбежавший дежурный вестовой поприветствовал ее легким поклоном и, перехватив брошенные поводья, неторопливым бегом повел лошадь по кругу, давая ей возможность остыть и успокоиться. Поскольку если после такого аллюра просто оставить ее без пробежки, то после такой нагрузки лошадь непременно запалилась бы... Ведающая же легко взбежала вверх по ступеням, ведущим к широкой двери, и, легким толчком руки распахнув входную дверь, вошла в большой приемный холл. Сейчас практически пустой. Быстро проскочив его под удивленными взорами парочки дежурных ведающих, она легко взлетела по лестнице на второй этаж и, быстрым шагом преодолев широкий балкон, подковой огибающий приемный холл на уровне второго этажа, легким движением ладони деактивировала запорное плетение двери и вошла в свои апартаменты. Притормозив на пороге, она окинула свою комнату слегка прищуренным взглядом и только после этого слегка расслабилась. Жизнь в Великом доме Аэливар приучила Свириниэль к максимальной осторожности и постоянной готовности к неприятностям. Поэтому, покидая свое жилище, она не только всегда тщательно убирала свои вещи и записи и запирала все имеющиеся в наличии сундуки, лари и короба, но еще и тщательно рассыпала по комнате и всем местам хранения своих наиболее ценных вещей и материалов специальные тайны метки. Нет, ничего необычного или как-то бросающегося в глаза — там шерстинка, тут волосок, закрутившиеся вроде как вполне естественно, но так, что только коснись его — и форму уже не восстановишь, здесь травинка, высушенная почти до состояния праха, «случайно» зажатая между страниц... Конечно, от вора, преодолевшего все запоры и наложенные плетения, это бы не спасло, но этого от них и не требовалось. А вот дать понять хозяйке, что несмотря на то что все вещи вроде как по-прежнему лежат на своих местах, в них кто-то успел порыться, — вполне. Что, кстати, и произошло буквально на следующий день после того, как Свириниэль появилась в Доме ведающих... Впрочем, на этот раз все метки были на месте. Так что спустя пару мгновений Свириниэль уже двинулась к ложу, на ходу сдирая с

себя слегка запыленную куртку. Бросив ее на пол, она опустилась на ложе и стянула с ног изящные, сшитые точно по ноге сапожки. После чего откинулась назад, опервшись спиной о стену, на которой висел теплый и мягкий настенный ковер, и задумалась. Что она делает не так?..

Того человечишку, которого ей предстояло завлечь, влюбить в себя и выдрессировать, Свириниэль увидела одной из первых. Произошло это почти сразу после того, как посольство людей въехало в Светлый лес. То есть еще на границе Эмдлорсилла.

Как личная служанка Великой провидицы оказалась на границе? Да по велению своей госпожи, конечно! Хотя для большинства ее попадание на должность ведающей поддержкой второй заставы пограничных патрулей, в зоне ответственности которой как раз и находились подходы к Эмдлорсиллу со стороны империи людей, выглядело отнюдь не исполнением повеления Высокородной Кастиционэль, а... тяжкой опалой. Потому что Старшая элери Великого дома Аэливар владела редким умением одним действием решать сразу множество задач. Вот и на этот раз, тщательно проинструктировав свою прраправнучку, она небрежно бросила:

— А на границу ты попадешь после того, как я выгоню тебя со службы.

Свириниэль, все время инструктажа сосредоточенно внимавшая своей пррапрабушке и грозной госпоже, удивленно распахнула глаза. Но Высокородная пояснила с легким смешком:

— Что-то давно я не слышала ни о каких серьезных интригах против меня. Ну не считать же таковыми тот комплот, который затеяли эти сопляки из младших домов, подвзывающиеся на побегушках этой сучки Вевистинель... Это не тянет ни на что большее, чем быть дымовой завесой. Но вот что за ней? Так что кроме своей основной задачи ты послужишь еще и приманкой для тех, кто надумал обмануть меня этими детишками во главе Вевистинель. Бряд ли они смогут удержаться от соблазна втянуть в свой круг мою самую доверенную служанку, столь несправедливо обиженнью мной...

Так что гости очередного светского раута были осчастливлены новой серией бесконечного сериала под названием «Великая провидица эльфов опять проявляет свой сволочной характер». Причем данная серия была отыграна Высокородной с таким талантом и самоотверженностью, что когда Свириниэль исполняла кульминационную сцену, заключавшуюся в том, что она «случайно» опрокинула на платье своей пррапрабабки стакан с соком тамлинна, она чувствовала от этого почти оргазмическое

наслаждение. Так та ее достала! Впрочем, нельзя было не отметить, что это только добавило убедительности всему разыгранному спектаклю... А уж то, как Старшая элери Великого дома Аэливар разыграла собственную ярость, придало ему просто гранитную достоверность! Хотя, возможно, Кастимионэль и ничего не разыгрывала, а просто давала волю своему раздражению. К собственному внешнему виду она всегда относилась крайне щепетильно, так что Свириниэль ничуть не удивилась бы, если бы выяснилось, что несмотря на все предварительные договоренности и то, что именно она предложила этот вариант, получив на лиф стакан с густым и липким соком, ее пррапрапрабабка реально взбеленилась. Впрочем, перед самым приемом у Высокородной появился еще один повод для бешенства, так как именно в этот момент выяснилось, что, несмотря на все усилия лорда Аэливар, попытки оставить столицу империи людей без возрожденного меллирона оказались тщетны. Те друиды, на которых у дома Аэливар имелась возможность как-то надавить или заинтересовать, просто не попали в состав дримиуса, отправленного в Эл-Северин, а те, кто в нее попал, с гневом отвергли сделанные им предложения, заявив, что «Убийство священного древа — суть величайшее преступление перед народом эльфов!» и что на свете не найдется ни одного друида, способного на подобное. Нашлись бы, можно было не сомневаться. Но увы, враги Великого дома Аэливар сумели позаботиться, чтобы в составе этого дримиуса друидов их не оказалось... Так что к началу светского раута блестательная Старшая элери Великого дома Аэливар и самая признанная Великая провидица народа эльфов уже находилась в весьма взвинченном состоянии. Уж очень она не любила, когда ее планы и желания не достигали успеха...

Да уж, столь громкого скандала Эмдлорсилл не видел уже давно. А поскольку Высокородная давно отучила кого бы то ни было лезть поперек ее характера, эта публичная экзекуция проходила при терпеливом молчании всех приглашенных. И закончилась она только тогда, когда присутствовавший на этом пати Старший страж пределов осмелился-таки прервать потоки брани, обрушивавшейся на голову Свириниэль, и рискнул предложить Высокородной Кастимионэль немедленно мобилизовать «этую несносную неумеху» в доблестные ряды пограничной стражи, дабы она как можно быстрее перестала оскорблять Старшую элери Великого дома Аэливар собственным присутствием. Потому что ближайшая застава пограничной стражи находится не менее чем в дне пути от Лесных чертогов. И это только ближайшая... Вот таким образом Свириниэль и получила возможность сильно заранее познакомиться с объектом своего

задания и прикинуть, какую тактику ей использовать для того, чтобы справиться с ним наилучшим образом.

В принципе для управления разумными существует великое множество инструментов. Самым простым и эффективным из них многими считается постановка разумного в такие условия, когда ему можно отдать прямой приказ. Но считать приказ эффективным возможно исключительно в том случае, если у того, кому отдается этот приказ, нет никакой возможности его оспорить и уж тем более не выполнить. Или выполнить неправильно, неточно либо... наоборот, скрупулезно точно, но чисто формально. Да-да, иногда скрупулезно точное выполнение приводит к тому, что тот, кто отдал приказ исполнителю, в итоге получает результат, имеющий мало общего с тем, на который он рассчитывал, когда отдавал этот самый приказ. А то и вообще прямо противоположный... Так что в реальности, в которой даже в рамках самых иерархических структур типа тех же армии и полиции разумные, составляющие эти структуры, на самом деле находятся друг с другом отнюдь не в описанных уставами и законами, а в куда более сложных, запутанных и эмоционально окрашенных отношениях, прямой приказ зачастую показывает весьма небольшую часть своей возможной эффективности. Поэтому эльфы чаще всего используют для управления разумными куда более тонкие инструменты, нередко завязанные на управлении эмоциями подвластного разумного и манипулировании его ценностным аппаратом. То есть так называемое управление мотивациями. Ибо зачем что-то приказывать, если можно таким образом выстроить цели и желания управляемого, что он будет горячо и упорно работать на благо тех, кто им управляет, считая при этом, что он все делает исключительно по своей воле и в соответствии с собственными устремлениями. Ведь все всегда «за все хорошее и против всего плохого». И всякие заявления «Я служу злу и ненависти» имеют место быть только в сказках и легендах. Поэтому, если заставить разумных принять в качестве «всего хорошего» те образы и образцы, которые нужны тем, кто управляет, а в качестве «всего плохого» те, что им мешают, то эти разумные во имя чужих интересов будут спать на земле, сжигая свои дома, питаться отбросами, за копейки отдавая самое лучшее чужакам, посыпать на смерть своих детей и безжалостно убивать своих женщин и стариков. При этом будучи уверенными, что уж они-то совершенно свободны и поступают так исключительно по своему собственному выбору. Какой прямой приказ способен на подобное?

Однако для успешного применения столь тонких инструментов необходимо провести очень большую подготовительную работу, первым

шагом которой будет изучение объекта управления. Неважно, что это будет — раса, народ, город или один человек... Затем следует создать целую сеть по привитию объекту необходимых базовых ценностей. Для этого существует масса инструментов и приемов — от песен менестрелей, прославляющих нужный образец, до дозволения избранным прикоснуться к «великим тайнам». Особым и одним из наиболее важных пунктов является максимальное ограждение «объекта» от любых попыток открыть ему глаза. То есть максимально возможная информационная изоляция. Это важно именно потому, что самой большой опасностью для «мотивационного управления» является осознание управляемым того, что он находится под управлением. Потому что в этом случае вся скрупулезная работа по созданию эмоционального конструкта, позволяющего дергать управляемого за любовно выращенные «ниточки», «подправляя» его в нужную сторону, скорее всего уйдет, так сказать, псу под хвост. Потому что подобный конструкт был бы немедленно смыт волной негативных эмоций разумного, осознавшего, что все это время он плясал под дудку холодной мрази, цинично использующей искусственно созданный им эмоциональный поводок. Как бы высокопарно он ни назывался — любовь, дружба, родство характеров, общие демократические ценности, цивилизационный выбор и так далее... Хотя, например, есть и такие виртуозы, как Старшая элери Великого дома Аэливар, которые способны были заставить окружающих плясать под свою дудку, даже используя негативные эмоции. Как это, например, произошло в ситуации с проталкиванием Свириниэль в состав Стражей границ...

На первый взгляд человечишка не являлся такой уж трудной целью. Он был достаточно молод даже в рамках своей короткоживущей расы. И явно не обладал хорошей школой в области контроля за собственными эмоциями. Во всяком случае после пары легких тестовых эпизодов Свириниэль пришла к выводу, что его достаточно легко спровоцировать на практически любую базовую эмоцию — гнев, раздражение, интерес, радость. Некоторые проблемы обнаружились со страхом, порог в данной эмоции у него был явно повышен, но, на взгляд элери, вполне решаемые. Ибо короткоживущие люди вообще ко многим вещам относились с куда большей легкостью. Например, к тому же страху смерти... Да и не собиралась она особенно пользоваться данной эмоцией. Зачем, если в ее руках есть куда более эффективный и даже эффектный инструмент? В конце концов, всем было известно, как мужчины людей реагируют на любую эльфийку. А Свириниэль вполне заслуженно считала себя отнюдь не любой...

Однако стоило Свириниэль приступить к непосредственному выполнению поставленной своей прапрапрабабкой задачи, как, к ее удивлению, выяснилось, что ни одна из стандартных схем, которые были уже давно наработаны и опробованы тысячами эльфиек по отношению к уже не одному поколению людских мужчин, на этот раз не сработала. Ну, или в лучшем случае сработала не так, как надо. Сначала этот весьма юный и потому априори глупенький самец человеческого рода никак не отреагировал на серию поз, которые Свириниэль последовательно отработала во время их первой встречи. Хотя эльфийка помнила, что в предыдущий раз, правда, произошедший уже около тридцати лет назад, когда она сопровождала одного из третьих наследников Дома во время поездки в соседнее герцогство (ну не выезжала она с того времени за пределы Светлого леса), все они производили на людышек просто ошеломляющее впечатление. Простая эльфийка или, скажем, менее опытная ведающая, возможно, посчитали бы, что главной причиной неудач является то, что «работать» эти позы ей пришлось сидя на лошади, но Свириниэль точно знала, что дело не в этом. Во-первых, потому что для высокородной элери, с детства тренируемой в высоком искусстве управления разумными, использование языка тела практически не имеет ограничений. Она должна быть способна пользоваться этим инструментом одинаково эффективно — будучи пешей, на лошади, на олифанте, на ветке дерева, одетой в платье, в куртку и брюки пограничной стражи или голой, сидя в воде, валяясь в грязи или болтаясь на веревке над пропастью. То есть всегда и везде. И до сего момента Свириниэль считала, что ее уровень вполне соответствует этим требованиям... А во-вторых, все остальные людишки, входящие в состав посольства императора, отреагировали на нее вполне себе ожидаемо. Ну, учитывая большую вариативность реакций людышек... То есть кто-то краснел, бледнел и отворачивался, а у кого-то слюни растеклись аж до лошадиных бабок. Но то остальные... Главный же «объект воздействия» отреагировал едва не прямо противоположным образом. То есть сначала, на этапе легкого прощупывания, он был вполне любезен, даже разродился обычным для человека скучно-неуклюжим комплементом, а вот когда она решила перейти к более глубокому воздействию и элегантно выпрямилась, заставив тонкую куртку обрисовать упругую грудь, начались проблемы. Реакции ведающая дождалась сразу. От остальных. «Объект» же сначала просто удивился, а потом — закрылся. Напрочь. Наглоухо. А когда слегка раздраженная непонятой реакцией Свириниэль попробовала усилить нажим и перешла к легкой кинестике — еще и весьма недвусмысленно обозначил свое негативное отношение к

подобным действиям, просто обдав ее холодным взглядом и переместившись так, чтобы между ними оказалась парочка спутников. Отчего ведающая даже на пару мгновений впала в ступор. А потом взъярилась. Что? Эта короткоживущая обезьянка смеет проявлять характер?! Да как он смеет?! Впрочем, никаких глупостей за время этого своего короткого эмоционального взбрыка она, слава Светлой, совершила не успела. Просто бездарно угробила один час из тех трех, которые продолжалась дорога от границы Эмдлорсила до второй заставы, где посольству императора было предложено немножко передохнуть после долгой дороги и пообедать. Где-то двадцать минут из этого часа ушли псу под хвост вследствие ее эмоционального взбрыка, а оставшиеся сорок она тщательно восстанавливала то, что успела угробить...

Впрочем, эта потеря по большому счету не была очень-то значимой. Нет, если бы посольство после обеда сразу же двинулось дальше в сторону Лесных чертогов, это было бы весьма чувствительно. Потому что уже к вечеру посольство достигло бы сердца Светлого леса. И потерянный час мог бы оказаться ключевым фактором проигрыша. Но посольству предстояло провести на этой заставе целых семь дней — то есть ровно столько, на сколько посольство задержалось с выездом из Эл-Северина. Эльфы всегда считали, что лучший путь для того, чтобы потерять авторитет и влияние, — это оставлять без ответа недружественные поползновения и какие бы то ни было негативные выпады в свою сторону... Но пока об этом знал крайне ограниченный круг лиц. И Свириниэль принадлежала к этому кругу. Так что о потерянном времени она волновалась не особенно. А вот о столь скромных и неприятных результатах, достигнутых к настоящему моменту, — наоборот... Поэтому первое, что ей следовало сделать, это отбросить эмоции и тщательно проанализировать свое фиаско. И только после этого начать выстраивать правильную стратегию. Вот поэтому, когда до заставы осталось около мили, она оставила приближающееся посольство империи людей и, дав своей лошади шенкеля, быстрым аллюром отправилась вперед, чтобы как можно быстрее добраться до своих покоев и заняться анализом в относительно привычной и спокойной обстановке.

Следующие несколько дней прошли... неоднозначно. Человек (у Свириниэль как-то быстро пропало желание называть его человечишкой) сильно отличался как от ее представлений о людях, так и от тех людей, с которыми ей уже доводилось встречаться. Он был не очень образован, причем даже не по эльфийским, но и по человеческим меркам (что, впрочем, создавало дополнительные трудности, поскольку уж образование-

то эльфы всегда держали под особенным контролем, почитая его как один из лучших инструментов внедрения в головы людышек наиболее эффективных управляющих конструктов), зато совсем не по-эльфийски и даже не по-людски любопытен и открыт новому. В нем не было ни эльфийского снобизма, ни желания подчеркнуть свою наследственную, полученную прямо с рождения элитарность и утонченность,ственные аристократии имперских земель, соседствующих со Светлым лесом. Наоборот, свою принадлежность к аристократии он воспринимал как бремя, как врученный ему судьбой и императором инструмент, предназначенный для того, чтобы он наилучшим способом выдержал упавшую на его плечи ответственность за своих людей и свою страну. И был совершенно уверен в том, что его право на власть и титул сохраняются только до тех пор, пока он исполняет этот свой долг. И ни минутой более! Вот интересно, как его уже не сожрали в империи с такими-то взглядами... Или все усилия эльфов оказались не слишком-то эффективны, и те представители аристократии людей, с которыми Свириниэль общалась до сих пор, вовсе не составляли значимую часть аристократии? Ведающая знала, что Светлый лес уже давно осуществлял не слишком-то, кстати, и тайную программу, заключающуюся во внедрении среди аристократов окружающих его земель людей искусно скорректированной системы ценностей, основой которой были безусловное отношение к эльфам, как к носителям всего самого лучшего, светлого и высокого. Вернее, не только среди окружающих, а вообще среди людей. Само название, под которым эльфы были известны среди людей — «Высокие», тоже было результатом подобных усилий эльфов... Но именно в близлежащих землях усилия эльфов достигли наибольшего успеха. Результатом чего являлось почти поголовное преклонение местной аристократии перед своими мудрыми и возвышенными соседями, а также и (чего уж там скрывать) учителями и наставниками. Людишки в окрестных землях старались подражать эльфам практически во всем: носили такую же или очень похожую одежду, кто мог себе это позволить — шитую в Светлом лесу, а кто нет — из эльфийской ткани или хотя бы по эльфийским лекалам. Прилагали отчаянные усилия для того, чтобы заполучить своим отпрыскам наставника-эльфа. Старателю копировали эльфийские манеры. Устраивали «эльфийские приемы», причем даже не догадываясь, что тупо копируют не настоящие эльфийские балы, а некие «увеселительные междусобойчики», зачастую устраиваемые Высокими лишь для того, чтобы полюбоваться на забавно-пафосных и так смешно старающихся вести себя «как эльфы» гостей из числа людышек. Для них это было всего лишь забавным представлением.

Ну, типа того, как сами люди смотрят на выдрессированных артистами из балагана мелких собачек, которых научили ходить на задних лапках, одели в похожую на людскую одежду и воткнули в передние лапы какие-нибудь предметы вроде зонтика или трости, заставив изображать сценки из жизни тех же людей... Свириниэль даже была знакома с несколькими придумщиками, развлекавшимися тем, что они специально придумывали и «ставили» представления с массой пафоса и нелепиц, объявляя их «древними эльфийскими традициями», которые открывают-де только самым достойным. А потом ржали над тем, сколько сил, времени и денег некоторые из наиболее преклоняющихся перед эльфами людышек гробят на то, чтобы максимально точно воспроизвести все эти нелепицы. Да еще и соперничают между собой в том, кто из них все устроил в наибольшем соответствии с этими «древними эльфийскими обрядами»... Впрочем, таких было меньшинство. Большая часть контактирующих с людьми эльфов просто твердо и последовательно внедряли в их головы два простых посыла: эльфы мудры, чисты и благородны и являются единственным достойным образцом для подражания, а поэтому, соответственно, эльфы всегда правы. То есть абсолютно всегда. И если тебе почему-то кажется, что это не так, — ты просто чего-то не знаешь, не видишь или не способен понять. Потому что ты не эльф, а именно эльфы бесконечно мудры, чисты и благородны... и так далее, смотри пункт первый. Впрочем, таких «непонятливых» было очень немного. Ибо люди сами прекрасно способны найти (или выдумать) объяснения любым нестыковкам и несуразицам, дабы не тревожить уже сложившуюся у них картину мира и расклады того — кто есть добро и свет, а кто — зло и тьма... Но этот человек был совершенно другим. Нет, он вовсе не считал себя разбирающимся во всем и готов был внимательно слушать все, что ему говорили. Действительно все. Даже абсолютную чушь! Но конечные выводы из сказанного он всегда делал только сам... Что послужило причиной подобной разницы, Свириниэль было непонятно. Возможно, часть разгадки этой тайны состояла в том, что он был выходцем с юга империи, то есть родился и вырос в местах, в которых дворянство еще помнило о долге, чести и регулярно просыпалось в ночи, разбуженное ревом атакующих орков. Но ведь он-то не был по рождению дворянином? Откуда же у него все это взялось?

Словом, эти шесть дней он вполне нормально общался с ней на очень разные темы, проявляя особенный интерес к ее способностям ведающей. Впрочем, из бесед со стражами выяснилось, что с не меньшим интересом он относился и к их способностям, причем всем — начиная от мастерства

обращения с луком-симбионтом и до умений читать следы, слушать животных и птиц и ходить «быстрыми тропами». Конечно, никаких серьезных тайн ни Свириниэль, ни стражи ему не раскрывали (да во многом и бесполезно — люди не эльфы и потому куда более ограничены в способностях), но даже вполне общая (ну для эльфов) информация все равно принималась им с большой благодарностью. Впрочем, не только им. Его конвой, почти половину которого составляли ополченцы из числа жителей его герцогства, оказался столь же жадным до знаний... Подобный состав конвоя, если честно, эльфийку заинтриговал. Герцог, не способный содержать дружины и вынужденный для формирования своего конвоя собирать ополченцев... что же это за нищее герцогство такое? И он посол империи?! Неужели империя настолько разорена? Или в выборе его кандидатуры присутствовали какие-то свои непонятные ей резоны? Свириниэль слегка посетовала на то, что по известной эльфийской привычке считать важным только то, что связано исключительно с эльфами и крайне пренебрежительно относиться к людям, не озабочилась тем, чтобы собрать об этом человеке хотя бы общую информацию. Возможно, в этом случае ей пришлось бы куда меньше ломать голову о происходящем... Как бы там ни было, похоже, эта публично демонстрируемая бедность его совершенно не трогала. Да его вообще ничего не трогало! Та же вынужденная задержка на заставе воспринималась им совершенно не так, как на это рассчитывали инициировавшие ее члены Совета владычицы, привычные к сложным и многоуровневым манипуляциям высокими смыслами и знаками. Судя по его поведению, он вообще не понял, что этой задержкой его посольство (а также и всю империю людей) как-то унизовили и оскорбили. Ну совсем... Наоборот, и он, и большая часть его подчиненных провели эти дни на заставе с огромным удовольствием и интересом, сужа свои носы в все возможные дырки, доставая всех массой вопросов и регулярно напрашиваясь в патрули на окраины Светлого леса вместе со стражей, где впадали то в ступор, то в восторг от всего того, что демонстрировали стражники. Впрочем, как удалось узнать Свириниэль, люди эльфов пару раз также сумели удивить. Вот тебе и ополченцы...

А вот с ее заданием все складывалось куда как хуже. Она перепробовала с десяток различных образов — от горячей, сексуальной красотки, из-за своей эффективности ранее считавшимся в отношении людей практически стандартным, до также давно и детально отработанных, но применявшимся несколько более редко — холодной леди, ветреной милашки, озорной хулиганки и домашней кошечки. Но ни один не зацепил его настолько, чтобы можно было перейти к более тонким манипуляциям.

На шестой день Свириниэль, отчаявшись, перешла на куда более неоднозначные и сложные образы. Результат... был. Но совсем не тот, на который она рассчитывала. Самого лучшего уровня взаимодействия в эмоциональной сфере почему-то получилось достигнуть в образе этакого «синего чулка» — то есть умной, увлеченной и сосредоточенной на своей работе исследовательницы. Но как, Темные всех раздери, находясь в этом образе, можно эффективно задействовать животные инстинкты человеческого самца? Этот человек увлеченно слушал, задавал множество вопросов, пытался анализировать, строить логические конструкции... и не всегда совсем уж неуклюжие, кстати, но стоило только добавить в их общение немного чувственности, как он мгновенно закрывался. И даже тонкие, выверенные и узконаправленные магические плетения и мощные зелья, собственноручно изготовленные Свириниэль и заботливо добавленные в те травяные настои, которыми она его щедро угощала во время их регулярных бесед, оказались бессильны изменить ситуацию. Ну как такое может быть-то, а?

После очередного подобного фиаско ведающая решила полностью изменить стратегию. Раз этот человек хочет видеть перед собой увлеченную исследовательницу — он ее увидит. Его собеседницей отныне станет эльфийка, познавшая множество тайн, способная ответить на любой вопрос, дать мудрый и полезный совет, удержать от необдуманного поступка. Раз не сработал самый наработанный и успешный вариант — будем работать тот, который показался наиболее эффективным.

Последний вечер на заставе удался. Свириниэль тщательно подготовилась к встрече, продумав гардероб, тему разговора, угощение, расставив правильно светильники, которые на этот раз должны были не столько выгодно обрисовывать фигуру, сколько... м-м-м... оттенять глубины мыслей в ее мудрых глазах. И вообще ведающая решила, что на этот раз не будет применять никаких плетений и отваров. Только невербальную технику и-и-и... собственное природное обаяние. Не хватало еще спалиться и совершенно отвратить от себя «объекта». Так что она не только сняла все имеющиеся у нее ментальные артефакты, которые она активно пыталась использовать при прошлых встречах, но еще и активировала «подавитель магии». Впрочем, для его активации у ведающей была и еще одна веская причина... Судя по всему, данное решение оказалось правильным. К концу вечера человек довольно сильно расслабился, и Свириниэль решила, что настало время подвести первую наживку. Если она хочет стать для него авторитетной советчицей и наставницей, значит, первый совет или полученная им информация должны

быть для него максимально важными и востребованными. А еще лучше такими, которые он не смог бы получить ни от кого больше. Даже если для этого ей придется поделиться кое-какими эльфийскими тайнами. Так что «подавитель» она активировала еще и поэтому. Кто его знает, что придется рассказать и кто может это услышать... Она, конечно, достаточно опытная ведающая, но в среде элери никто не мог гарантировать того, что в ее отсутствие в ее комнате, в которой и происходила встреча, не появилось никаких дополнительных неизвестных ей плетений. К тому же подобная активация ей ничем не грозила. Ну не хочет благородная элери, чтобы кто-то со стороны мог посмотреть, как она развлекается с человечком... Нет, это ей ничем не грозит — в среде эльфов встречаются и более экзотические способы получения чувственных удовольствий, но подобная предосторожность вполне в рамках допустимого. Так что все получилось вполне удачно. Поэтому, когда Свириниэль осторожно подвела разговор к кульминационной точке и, мягко улыбнувшись, небрежно спросила:

— А что бы вы хотели узнать больше всего? — она была готова почти ко всему... Ее собеседник окинул эльфийку несколько удивленным взглядом, после чего улыбнулся и покачал головой:

— Ну-у-у... озвучиванием этого списка я мог бы заниматься несколько часов.

Свириниэль улыбнулась:

— Ах нет, вы меня не поняли. Вы ответили на мой вопрос как обычный человек. Я же спрашивала совершенно другое.

Герцог Арвендейл тут посерезнел и воткнул в нее напряженный взгляд. Несколько мгновений он молча смотрел на нее, а затем медленно произнес:

— Значит, в этот момент и этому собеседнику... — припомнил он то, что она осторожно, но настойчиво вдалбливалась ему в голову во время их предыдущих бесед, после чего снова замолчал, а затем подытожил: — То есть именно в Светлом лесу и у ведающей эльфов. Что ж, тогда... расскажите мне о Тайной ветви.

— О Тай... — Эльфийка запнулась и удивленно уставилась на тот странный деревянный стек, увитый свежесрезанными ветками и лентами, который он всюду таскал с собой все это время. Эта палочка ее несколько заинтересовала, и она попыталась было разузнать о ней у своего собеседника и его спутников, но натолкнулась на абсолютное нежелание говорить об этом. И решила, что данная тема может подождать. Более того, она отметила ее для себя как один из тестов, существующих обозначить степень и глубину подчинения. Мол, в тот момент, когда «объект»

повинуется ее желанию узнать побольше об этом предмете своего обихода, — можно будет считать, что дрессировка продвинулась достаточно далеко... Несколько мгновений Свириниэль округлившимися глазами неверяще пялилась на древнюю легенду эльфов, а затем произнесла севшим голосом:

— Это она?

Трой молча смешил веки. Алвур кое-что рассказал ему об этом мече. Но немного. Поскольку и сам знал о нем в основном лишь легенды. Еще что-то добавили Учитель и Элиот Пантиопет. Но совсем уже крохи. Поскольку их знания также основывались на эльфийских легендах, с которыми они были знакомы куда хуже Алвура. Что-то рассказал Марелборо, который знал о Тайной ветви как бы не больше всех троих вместе взятых. Но он не был эльфом. А Свириниэль — была. Причем она была не просто эльфийкой, а ведающей. Значит, она могла знать о легенде эльфов даже больше Марелборо. Так что все правильно — в этот момент и этому собеседнику... Его собеседница нервно сглотнула. Потом шумно вздохнула. Затем покачала головой и нервно потерла лоб. Снова покосилась на легендарный меч. Да уж... будь проклято привычное эльфийское пренебрежение к людям! Ну что ей стоило разузнать об объекте побольше?! Нет — посчитала, что он обычное полуживотное, не слишком-то отличающееся от всех остальных... Однако какой бы глубины ни оказался шок, который она испытала при этой новости, Свириниэль ни в коем случае ни должна была позволить ему угробить все то, чего она добилась на этой встрече. А значит, на вопрос следовало отвечать. Причем максимально подробно и-и-и... столь же максимально откровенно. Тем более что она уже раньше решила, что ради создания атмосферы большего доверия готова поделиться кое-какими эльфийскими тайнами. Конечно, она не предполагала, что эти тайны будут настолько древними и глубокими, но тут уж ничего не попишешь...

— Этот меч был создан эльфами в те времена, когда...

— Уф, наконец-то выбрались... — шумно выдохнул Гмалин и картинно утер пот со лба. Вокруг раздались редкие нервные смешки.

Да уж, путешествие в Светлый лес им всем далось нелегко. Нет, поначалу все было вполне себе пристойно. И интересно. Сразу по прибытии им дали возможность немного освоиться, предоставив отдых на расположенной в нескольких часах езды от границы заставе, и только потом двигаться дальше. Это были замечательные семь дней, о которых Трой вспоминал с большим удовольствием. Во всяком случае за эти семь дней он узнал об эльфах в несколько раз больше того, чем за все время до этого... Вот ведь смешно получается — он господин целого эльфийского поселения, которое находится в его полной власти, но при этом знал об умениях и образе жизни эльфов куда как меньше, чем о гномах. Ну как-то не складывалось у него завалиться в Эллосиил и основательно там погостить, как это, например, частенько случалось с Каменным городом. Все проездом да проездом... А с другой стороны — угрозы Арвендейлу с той стороны никакой не было, так что крепить оборону на этом направлении с помощью своего личного участия герцогу Арвендейла совершенно не требовалось. И потому в лесу Трой появлялся, как правило, лишь тогда, когда следовал либо «в», либо «из» империи. Причем почти всегда максимально быстро. Дел-то что в герцогстве, что в империи у него всегда дополнна и больше, причем все всегда на грани «опоздал». Вот потому-то и не складывалось... Так что время на заставе что сам герцог, что его арвендейльцы провели очень приятно и продуктивно. А уж если припомнить, с какой замечательной эльфийкой ему удалось там познакомиться... Но это было на заставе. Когда же они, наконец, добрались до Лесных чертогов... При этой мысли Троя перекосило.

— Что, вспоминаешь теплый прием? — понимающе ухмыльнулся Глав. — Да уж, давно я не чувствовал себя таким дерьмом... Знаешь, я тут было начал привыкать к своему дворянству и всякому такому, но теперь я так скажу — ну их на хрен такие компании! Лучше быть простым наемником. Там, если что, свободно можно в морду дать и не думать, что ты одним подзатыльником войну развязешь. А ведь тот прилизанный уж так нарывался, так нарывался...

Лесные чертоги встретили их очень неласково. Нет, на первый взгляд все было вполне прилично и даже нарочито благочинно — добрые взгляды,

улыбки, поклоны... но уже спустя полчаса всех людей, присутствовавших в главном зале, в котором и происходили официальный прием посольства и вручение им верительных грамот, начало подташнивать от той патоки и слашавости, в каковой они все буквально купались. А еще через полчаса стало понятно, что вся эта нарочитая искусственность не есть истинный уровень артистизма присутствующих, а так же специально и даже грубо-демонстративно выпячивается. Делегацию императора людей нарочито и со всеми присущими эльфам изящностью и артистизмом унижали. Но при этом делали это так, что как-то прицепиться и, скажем, вызвать кого-то на дуэль фактически было нельзя. Все происходило очень искусно, на уровне намеков и сопровождалось даже сильно преувеличенным количеством извинений, которые, впрочем, также выглядели как тонкая издевка.

Трой, на которого был направлен один из главных фокусов этих изощренных атак, был уже на грани, когда к нему с таким небрежным видом подрулил один из тех двух эльфов, гостеприимством которых он пользовался во время прежнего посещения Светлого леса.

— Герцог Арвендейл! — весьма светским тоном обратился тот к нему.

— Лорд Алендил, — почти прорычал Трой. Глава Дома Алеулонд мгновенно посуркал лицом и, боднув человека строгим взглядом, негромко заговорил:

— Постарайтесь успокоиться, герцог... неужели вы не понимаете, что ваши враги изо всех сил стараются добиться от вас именно этой реакции? Так не доставляйте им удовольствие возможностью насладиться собственным успехом!

Эта прямая исповедь, причем от челов... то есть эльфа, который ранее даже «да» не мог прямо сказать, заметно отрезвила Троя. Так что он несколько раз глубоко вздохнул и буквально с явственно ощущаемым скрипом натянул на лицо вымученную улыбку.

— Спасибо, элер, вы мне очень помогли.

— Не за что, мой друг, — вежливо улыбнулся тот. — Рад вас приветствовать в Светлом лесу. И передать уверения в полном к вам почтении от элера Аслендила. К сожалению, его декаду тому назад, как дела увлекли на южную границу, где ему пришлось задержаться на несколько большее время, чем он рассчитывал. Вследствие чего он никак не успевает выразить вам свое почтение напрямую.

Трой молча кивнул, продолжая потихоньку собирать в кучу свои мысли и приводить в порядок эмоций. Алендил же продолжил уже куда более спокойно:

— Должен вам сказать, что мы, те, кто выступает за взаимовыгодное

сотрудничество с людьми, оказались весьма впечатлены вашей весьма тонкой игрой, которую вы столь искусно провели во время пребывания на заставе.

Трой, уже успевший достаточно успокоиться для того, чтобы стать более-менее адекватным участником диалога, недоуменно уставился на эльфа:

— Играй? В смысле? Какой игрой?

Эльф оказался явно озадачен подобным вопросом.

— То есть как какой? Вы же сделали вид, что ничуть не унижены тем, что вас задержали на заставе ровно на тот же срок, на который вы задержались с выездом из Эл-Севери... — Тут он запнулся, окинул Троя изумленным взглядом, а затем тихонько рассмеялся. — Вот ка-а-ак... вы даже ничего не поняли! Да уж, ну кто мог предположить, что вы даже не подозреваете... — Он покачал головой. — Ладно, это даже к лучшему. Должен вам сказать, что столь неприкрытое хамство... э-э-э... ну, по нашим, эльфийским меркам, естественно... с которым вы столкнулись на сегодняшнем приеме, вызвано в первую очередь тем, что противостоящая нам придворная партия была столь сильно унижена отсутствием какой бы то ни было реакции возглавляемого вами посольства на предпринятую ими акцию с удержанием вашего посольства на заставе, что потеряла всякие границы. Так что если вы со своими людьми сможете на этом приеме удержаться от того, чтобы дать им какой-то повод для обвинений вашего посольства в чем-то серьезном — можете считать успех посольства практически гарантированным. И-и... эта единственная помощь, которую придворная партия, к которой я принадлежу, может оказать вам сегодня. Как вы уже, вероятно, поняли — большинство из нас в настоящее время специально раздергали по разным местам, чтобы мы не путались под ногами у наших противников...

Тот прием они выдержали. Хотя это далось очень непросто. Один раз Трой даже был вынужден остановить идша, едва не давшего по морде какому-то славному эльфенку (возраст которого, впрочем, на самом деле вполне мог превышать возраст всех членов посольства вместе взятых) и даже выплюнуть тому сквозь зубы вежливое (ну как минимум по форме) извинение «за поведение моего несколько расстроенного друга». Но они выдержали... Впрочем, несмотря на обещание лорда Алендила, дальше особенно легче не стало. Троя пытались провоцировать практически все время пребывания в Лесных чертогах. Все — и мужчины, и женщины, и даже дети. И разными способами... Нет, к откровенной грубости эльфы не прибегали, но вот все остальное использовали со всей своей эльфийской

изощренностью. Но все-таки, после того как герцог Арвендейл довел до остальных членов посольства, зачем и почему все это делается, переносить все эти иезуитские наезды у них стало получаться заметно спокойнее. А единственной отдушиной для герцога Арвендейла в этот нелегкий период оказались беседы с его новой знакомой — ведающей пограничников элери Свириниэль...

— Я предлагаю добраться до Скетвлери и пару дней передохнуть, — решительно предложил Гмалин. Так назывался самый близкий к Светлому лесу город людей. — А то эти сладкие эльфийские морды у меня уже вот где, — и он резким движением провел себе по горлу.

— Ты думаешь, что в Скетвлери будет лучше? — скривился Глав. — Да там все местные шишки и половина бургеров одеты в эти обтягивающие задницу эльфийские тряпки. И манеры у них также немногим отличаются... Лучше уж сразу двинуть до Эл-Северина. Быстрее отчитаемся — быстрее освободимся. И вот тогда уж оттянемся как следует. Тем более что повод на носу... а то и уже образовался. — Тут он усмехнулся и, ткнув гнома кулаком в бок, кивнул в сторону едущего впереди герцога Арвендейла, после чего поинтересовался: — Как думаешь, у нашего десятника уже прибавление случилось или как?

Троя обдало жаром. Нет, он вовсе не забыл о столь замечательном и скором событии. Более того, именно мысли о жене и сыне во многом и помогли ему вытерпеть все, что на него обрушилось. Да еще, пожалуй, та закалка, которую он приобрел во время выполнения миссии на западе. Да уж, если бы не тот опыт противостояния изощренным женским чарам, который он получил тогда, вряд ли бы у него что-то получилось... Потому что кое-какие приемы, используемые в этой череде непрерывных атак именно эльфийками, иначе чем откровенным соблазнением назвать было трудно. А уж как действуют прелести эльфиек на мужчин людей, известно было всем и каждому. Да что там говорить — даже общаясь с мудрой Свириниэль, Трой с большим трудом удерживался на грани животного вожделения, которое накатывало на него буквально волна за волной. Особенно часто подобное случалось в самом начале их общения. И только немного привыкнув к ней, он сумел-таки взять свои эмоции под более плотный контроль. Что уж говорить о тех, кто пытался провоцировать его напрямую? Однако справился. И во многом именно благодаря тому, что постоянно вызывал в памяти образ Лиддит и мысли об их будущем сыне. Трой точно знал, что его жене будет больно, если он не выдержит и поддастся тому, что нельзя было назвать не чем иным, как банальной животной похотью. Потому что совершенно понятно — ни о какой любви в

этом случае и речи идти не могло. А ему, несмотря на все бушующие внутри него при общении с этими соблазнительными стервами эмоции и желания, совершенно не хотелось делать ей больно...

— Хы-ых, — радостно вскинулся идш. — А ведь верно — уже срок. И кстати, братва, нам надо подумать о подарках. Негоже ведь побратиму на рождение наследника каким-нибудь мусором отдариться. Ой придется голову поломать, ой придется...

— Это точно, — вздохнул Гмалин, продолжая лелеять свое отвратное настроение. — Еще и насчет этого голову ломать. Ладно, тогда не будем задерживаться... — Однако его склонный характер не дал ему закончить на подобной вроде как нейтральной ноте. Ну как так можно — пребывать в скверном настроении и никому больше его не испортить? Так что он оглянулся, присматривая, на кого бы рявкнуть, и... заметил Алвур, ехавшего на пару корпусов лошади после него. Судя по той улыбке, которая блуждала на его лице, эльф явно пребывал в куда лучшем состоянии духа, чем все остальные.

— Ну а ты чего расплылся, ушастый? — сварливо спросил гном. — И вообще, где ты шлялся, пока нас твои сородичи до белого каления доводили? Что-то я тебя после того первого приема больше не видел...

Трой покосился на эльфа и усмехнулся. Гном был не совсем прав. Алвур исчез уже вечером первого дня их пребывания на заставе. То есть как исчез... После того как они добрались до заставы и пообедали, он выбрал момент, когда никого не было рядом, и, подойдя к Трою, негромко сообщил:

— Мне надо будет уехать, побратим.

Тот удивленно воззрился на эльфа:

— Куда? Ты что, забыл, что верительные грамоты мы должны вручать полным составом посольства?

Эльф усмехнулся:

— Я успею. Мне тут сообщили, что посольство немного задержится на заставе. Так что пока вы тут будете отдыхать и развлекаться, я пробегусь по старым друзьям и попытаюсь что-нибудь разузнать и прикинуть, чем можно нам помочь.

Трой окинул его недоверчивым взглядом, после чего настороженно уточнил:

— Только для этого? Ни в какие другие авантюры не пустишься?

Алвур в ответ отвел взгляд и с минуту молча стоял, после чего вздохнул и тряхнул головой.

— Да, только. На остальное шансов нет. Точно. Да и времени уже

сколько прошло...

— Да я не то чтобы хочу тебе что-то запрещать, — слегка пошел на попятный глава посольства императора людей к Владычице Светлого леса. — Если надо — я и сам могу там, на шухере постоять... Просто я опасаюсь, что ты потеряешь контроль и на эмоциях вляпашься в какую-нибудь подставу. Ты же сколько уже в Лесу не был?

Алвур помрачнел.

— Вот то-то. А ведь сам знаешь, что твои сородичи на подобное большие мастера.

Эльф нехотя кивнул, но затем упрямо произнес:

— И все равно мне надо уехать... Но я обещаю, что буду предельно бдителен и осторожен. И точно успею к вручению верительных грамот.

И сдержал-таки свое слово. Хотя по количеству «атак», которые его сородичи обрушили на членов посольства императора людей на том приеме, он оказался едва ли не лидером, если и уступая в этом самому Трою, то весьма незначительно. Причем «атаки» на него по жесткости и беспардонности, пожалуй, намного превосходили те, которые обрушились на остальных членов посольства. Включая и самого главу. Потому что со своим сородичем эльфы совершенно не церемонились...

— Ладно, хорош лаяться, — махнул рукой Трой. — В Скетвлери все равно придется заезжать. Скинем парадную одежду и остальные ненужности и возьмем сменных лошадей, чтобы идти одвуконь. — И тронул коня, бросив быстрый взгляд на эльфа. Тот никак не отреагировал на наезд Гмалина, продолжая витать в, как это куртуазно говорится, в высоких эмпиреях...

Алвур объявился в выделенных Трою апартаментах на следующее утро после приема. То есть совсем рано — едва только рассвело. Причем появился он совершенно неожиданно и отнюдь не через дверь.

— Что? — тихо прошептал герцог Арвендейл, слегка опуская Тайную ветвь, когда разглядел, кто именно сидит у него на подоконнике. Но меча из рук так и не выпустил. Более того, левой рукой поспешно потянулся к стоящему в изголовье вешалу с доспехом. А как еще стоит реагировать, если твой побратим, к тому же еще и лучше всех разбирающийся в местных зубодробительных вывертах, возникает в твоих апартаментах ни свет ни заря, да еще совершенно не с той стороны, с которой должен был бы появиться, будь все нормально? Но Алвур легким жестом обозначил, что опасности нет. После чего мягко спрыгнул с подоконника и опустился на угол ложа рядом с Троем. Несколько минут оба молчали. Потом Алвур повернулся голову и в упор посмотрел на своего побратима.

— Мне сказали, что она хочет меня видеть, — тихо произнес эльф.

— Вы ж виделись, — криво усмехнулся Трой, откладывая меч, который тут же вновь превратился в привычную деревянную палочку, увитую ветвями и лентами. — На приеме. И что-то я никакого особенного интереса не уловил. Прямо скажем, скорее наоборот...

— Это — официальный прием, я — изгой, а она — Владычица Светлого леса. И на нее смотрели куда более опытные глаза, чем твои. — Хотя голос Алвуря был холодно-спокоен, но где-то в самой глубине Трою почудились нотки глубокой тоски. Даже не нотки, а отголоски, которые, не знай он эльфа так хорошо и не будь они побратимами, Трой вряд ли заметил бы...

— Просвети меня, если я ошибаюсь: последние два пункта из перечисленных тобой в первом предложении за последние несколько часов как-то поменялись? — уточнил герцог Арвендейла. Эльф вздохнул. Трой окинул его сожалеющим взглядом, крякнул и, встав с постели, развернулся к вешалу и принялся неторопливо облачаться в свою алую броню. Алвур несколько мгновений недоуменно смотрел на него, а затем удивленно спросил:

— Ты чего это?

— Ну, я ж тебе еще на заставе обещал на шухере постоять, — сердито пробурчал его побратим. Глаза эльфа мгновенно приобрели вид весьма крупных блюдец, а затем он откинулся на спину и расхохотался...

До Скетвлери они добрались довольно быстро. Лошади после эльфийских харчей шли на удивление ходко и уставали заметно медленнее, чем обычно. Бон Патрокл даже предложил не заезжать в город, а двигаться дальше. Мол, с такими резвыми конями и подменные не нужны. Но после того как Алвур сообщил, что эта резвость у коней временная, вызванная пребыванием животных в Светлом лесу, напитанном магией, и тем, что на заставе и в Лесных чертогах животных кормили травой и зерновыми смесями, также выращенными в Светлом лесу, так что через пару-тройку дней эти их необычные резвость и выносливость вернутся к привычным меркам, Трой решил все-таки озабочиться подменными лошадьми. Ну и заодно устроить людям последнюю ночевку под крышей. То есть особой необходимости в этом не было — они ведь только-только выехали из Светлого леса, где все это время ночевали вполне комфортно. Но следующие несколько дней им, скорее всего, придется ночевать в лесу или на полевых стоянках. Придорожные трактиры на тракте располагаются на расстоянии одного дневного перехода торгового каравана. Они же одуваны пойдут гораздо быстрее, делая за день точно более двух, а когда и даже

почти трех караванных дневных переходов. Так что в трактирах получится останавливаться где-то раз за декаду или немного чаще. Да и то больше из-за того, чтобы дать роздых коням и помыться и освежить одежду, чем по какой-то острой необходимости. И с завтрашнего дня как раз и начнется отсчет подобной декады.

Впрочем, народ в посольстве и конвой был вполне привычен к такого рода маршрутам. Так что никаких дополнительных распоряжений отдавать не пришлось. И по прибытии в Скетвлери все быстро озабочились избавлением от лишнего и закупкой необходимого. Насчет лишнего имущества договорился идш, которого (с милостивого разрешения Гмалина) еще в Эл-Северине назначили казначеем посольства, быстренько перетерев по этому поводу с одним из своих сородичей, обнаружившимся и в этом небольшом пограничном городке. Тот согласился за скромную (ну по их, идшским меркам) плату принять вещи и остальное ненужное сейчас имущество на хранение, а затем и доставить их в Эл-Северин с каким-нибудь попутным караваном. А с лошадьми разбрался Алвур. Причем ему удалось на этом неплохо сэкономить. Слухи о небывалом питетете перед эльфами, испытываемом жителями Скетвлери, оказались истинной правдой. Так что вечером Алвур со смехом рассказывал, как торговцы едва не передрались за право продать Высокому нужных ему лошадей, устроив целый аукцион наоборот. То есть начали друг перед другом наперебой завлекать «блестательного Высокого» предлагаемыми ими скидками. Трой же сидел и смотрел на побратима, тихонько радуясь произошедшим с ними переменам...

После последней «пропажи» эльф сильно изменился. В то утро, отсмеявшись, он хлопнул Троя по глухо отзавашемуся наплечнику и отрицательно мотнул головой:

— Нет, побратим, не надо стоять ни на каком шухере. Я просто пришел тебе сказать, что, как ты правильно понял, могу вляпаться в весьма неприятную историю. Да даже и скорее всего вляпаюсь! Но отказаться от шанса... нет, не могу. Даже от шанса просто дотронуться до нее... — Он погрустнел, потом криво усмехнулся и закончил: — Так что если тебе вскоре принесут мою голову и обвинят в том, что твоё посольство нарушило законы гостеприимства...

— А вот об этом не волнуйся, — сказал Трой. — Мое посольство — чистая фикция. После возвращения от гномов стало ясно, что сюда можно отправить скотника на свинье, и он привезет тот же самый договор, что привезу и я.

— Это — да, — усмехнулся в ответ Алвур, — насчет этого я не спорю.

Но сам понимаешь, если сюда отправить скотника, то придворная партия лорда Алендила следующие лет триста и носа бы не смела показать при дворе Владычицы... Впрочем, чего это я. — Усмешка Алвура стала презрительной. — Чтобы кто-то из подобных типов допустил, чтобы его взгляды на взаимоотношения с людьми сколько-нибудь надолго отдалили его от двора? Да ни в жизнь! Можешь быть уверен, едва позиция «защитника людей» породит даже тень подобной опасности, ты тут же не найдешь среди эльфов большего человеконенавистника, чем глава Дома Алеулонд.

— Хм, — задумчиво произнес Трой. — А мне он говорил, что они нынче в опале и что большинство из их придворной партии сейчас специально разогнано по дальним углам...

— На декаду-две — вполне допускаю, да даже и на пять-шесть... но если бы речь шла о чем-то серьезно большем... — Алвур вздохнул. — Пойми, большинству эльфов совершенно наплевать на то, что происходит за пределами Светлого леса. И для эльфийских домов любые внешние сношения — всего лишь очередное поле игры за власть и влияние здесь, в Светлом лесу, у подножия трона Светлой Владычицы. Даже в отношении таких куда более давних соперников/соратников, какими являются гномы. А уж в отношении людей... — И он махнул рукой. Трой вздохнул:

— Знаю, мне Марел... то есть император об этом говорил. Хотя понять я этого ну никак не могу!

Алвур в ответ лишь пожал плечами, мол, можешь — не можешь, а так оно и есть... а затем продолжил:

— Лорд Алендил принадлежит к весьма незначительному по влиянию дому. Так что идти более традиционным путем — то есть войти в какую-нибудь давно сложившуюся партию, интригую внутри нее и постепенно поднимаясь в ее внутренней иерархии, означало для него обречь себя на довольно долгое прозябание в лучшем случае на вторых, а то и третьих ролях. Эльфы живут долго, так что пока освободится место, которое будет соответствовать его хотя бы минимальным амбициям, пройдут даже не года, а десятилетия. Алендил же весьма амбициозен. Поэтому он сделал весьма экстравагантный ход, сколотив из подобных себе амбициозных эльфов из числа выходцев из мелких домов свою собственную партию, с весьма экзотическими для большинства эльфов взглядами и позицией, не пользующимися среди эльфов хоть сколько-нибудь значимой поддержкой. Но зато она позволяет ему, несмотря на всю слабость его собственного дома, играть в высшей лиге эльфийских Владетелей. То есть на пару уровней выше, чем было бы ему доступно, воспользуйся он одним из

привычных способов собственного возвышения. Однако не думай, что отношения с людьми для него важны сами по себе. Эти отношения для него — всего лишь ресурс. Как и сами люди. И если отношения с ними перестанут приносить ему необходимую долю влияния и власти, он тут же найдет на что их поменять...

— Да уж, — крякнул Трой. — Эк у вас все... с подывертом-то.

— Не думай, что у людей сильно лучше, — вздохнул Алвур. — Они просто в силу того, что не имеют возможности столетиями оттачивать искусство интриг и нарабатывать связи, действуют более примитивно. Но все остальное — точно так же.

— Вот потому-то я так и отбивался от «чести» состоять в Малом императорском совете, — угрюмо произнес Трой после минуты молчания. — Ладно, Темные со всем этим. Я тебя понял — иди. И постараися все-таки вернуться целым и здоровым. Мне бы хотелось иметь во Владетелях Эллосиила чело... то есть эльфа, которому я могу полностью доверять. Да и вообще... — И герцог Арвендейла отвернулся и махнул рукой. Алвур несколько мгновений смотрел на повернувшегося к нему спиной побратима, а потом тихо хлопнул его плечу и выскользнул в окно...

В той части Лесных чертогов, которая была отведена для имперской делегации, Алвур не появлялся три следующих дня. И только утром дня, назначенного для отъезда, он снова нарисовался в покоях Троя, проникнув в них тем же самым способом, что и в прошлый раз. То есть — через окно.

— Ну и что на этот раз? — несколько сварливо поинтересовался Трой, выпуская из рук Тайную ветвь, которую он снова схватил, как только почувствовал появление в своих покоях кого-то постороннего. — Появилась-таки необходимость постоять на шухере?

— Нет, — тихо произнес Алвур, однако таким тоном, что его побратим изумленно уставился на него, а затем покачал головой и расплылся в улыбке.

— Значит... — предвкушающе-загадочным тоном начал он. И Алвур медленно кивнул в ответ.

— И что, ты теперь остаешься здесь? — осторожно поинтересовался Владетель Арвендейла.

— Нет, — вздохнул эльф. — Я еду с вами. Пока мне нет места подле трона Владычицы. И-и-и... если честно, оно вряд ли когда-нибудь появится.

— Но... — поощрил его Трой.

— Но иногда, вернее даже очень иногда, я... или вернее, мы будем появляться в Светлом лесу. И вот тогда... — Тут Алвур зажмурился и

мечтательно вздохнул. А затем как-то резко открыл глаза и внезапно спросил: — Трой, скажи, ты сможешь убить Шиг-Хаору?

— Убить — нет, — Трой отрицательно покачал головой. — Даже низвергнуть, как Іхлыга, не получится.

— Почему? — требовательно спросил Алвур.

— Потому что никакого бога вообще убить невозможно, — пояснил Трой, припоминая все, что рассказала ему госпожа Свириниэль. — То, что многие могут посчитать за убийство бога, означает всего лишь удаление его из нашего мира. Но это не смерть. Он просто уходит куда-то в другие миры. Да, униженным, да, ослабленным, но не мертвым... Что же касается возможности подобного удаления, то одно дело бог, который оказался воплощен в нашем мире ритуалом, во время которого были умерщвлены всего пара-тройка разумных, хотя один из них и был очень сильным и могущественным, и произошло это поблизости от довольно могущественного места силы, а другое, когда через ритуал, опять же творимый в очень могущественном месте силы, прогнали десятки, а то и сотни тысяч жертв. Представляешь разницу?

Алвур несколько мгновений ошеломленно смотрел на него, а затем медленно кивнул.

— Но... как... зачем же... что ты будешь делать?

Трой криво усмехнулся, а затем тихо произнес фразу, которую однажды услышал от Марелборо:

— Делай что должно — и пусть случится чему суждено.

11

— Лиддит, у него такой серьезный взгляд. Совсем как у взрослого, — тихонько прошептал Трой. — Мне кажется, что он все-все понимает. Ну совсем все! Только говорить пока не умеет...

Лиддит в этот момент возлежала на боку, на широкой семейной кровати под балдахином, опервшись головой на руку, и с умилением смотрела на своих мужчин, один из которых лежал в стоявшей совсем рядом с кроватью колыбели и серьезно смотрел на своего отца, а второй навис над ним всей своей могучей фигурой, буквально пуская слюни от умиления, и тихо млела. Ее муж здесь, рядом, он ее по-прежнему любит, и их теперь стало трое. Ну и что еще нужно женщине для настоящего счастья?

До своего герцогства Трой добрался в самом начале лета. Погода в дороге установилась хорошая, так что они двигались достаточно ходко, но при этом без особого напряга. Впрочем, вовсе не благодаря, а скорее вопреки желанию Троя. Потому что будь его воля, он мчался бы полным аллюром, меняя лошадей при первой возможности и сутками не слезая с седла. Но если для одного, максимум двух всадников сменных лошадей в принципе и можно было найти, то вот для его пусть и максимально сокращенного, но все равно довольно многочисленного конвоя это было практически невыполнимой задачей. Дорога в герцогство Арвендейл еще только обустраивалась... А без конвоя Марелборо ему путешествовать запретил.

Весть о том, что у легендарного Алого герцога и принцессы Лиддит родился наследник, добралась до Эл-Северина буквально за две недели до того, как посольство Марелборо вернулось из Светлого леса в столицу империи людей. Так что, выслушав доклад Троя и помурлыжив его и остальных членов посольства еще парой дней писаницы, необходимой для того, чтобы позже, когда у императора найдется на это время, дотошно разобраться со всем тем, что они умудрились наворотить в Светлом лесу, Марелборо щедрой рукой отвалил Трою ажно три месяца отпуска. Заодно разрешив отправиться вместе с ним и всем его побратимам. Ну так Алвуру с Гмалином также надо было заняться делами своих Владений, которые они за последнее время со всей этой войной и посольствами изрядно подзапустили. А остальным просто особенно некуда было идти. Ну не обзавелись они ни семьей, ни собственным домом. Наемникам не до этого

— день прожил, и ладно. А из родных мест те же Арил с Главом ушли слишком давно, чтобы теперь было куда возвращаться. Даже если кто из родственников и жив, то либо уже давно позабыл про такую родню, либо никогда ее и не знал... Те же задачи, которые Марелборо возложил на их плечи до их убытия в составе посольств, либо уже были благополучно разрешены, либо к настоящему моменту были уже возложены на других людех... то есть разумных. Нет, император, несомненно, нашел бы, чем их занять, но, похоже, он решил дать и им некоторый роздых. И так побратимы уже который месяц носились по его поручениям, высунув язык, будто ломовые кони. Совесть-то надо иметь... Так что в путь снова тронулись все вместе и практически в том же составе. Ну, кроме идша, у которого и с родней, и с делами все было в порядке. Так что он обнялся с побратимами и сказал, что остается в столице. Дела у него здесь. Да и все то имущество, что они скинули в Скетвлери, тоже нужно кому-то дождаться. А то не дай боги убытки могут случиться. До столицы-то караванщики имущество довезут в целости и сохранности, но вот в насколько чистые и честные руки оно попадет уже здесь — вопрос. В вовсю строящемся и одновременно наново заселяющемся городе всякое может случиться. И не только по злому умыслу, а и так, просто по неразберихе...

К тому моменту, когда они добрались до Арвендейла, Трой успел уже немного успокоиться, и поскольку на этот раз гнать максимально возможным темпом уже не требовалось, да и с погодой повезло, герцог Арвендейла решил, несмотря на все свое нетерпение и желание поскорее увидеть жену и новорожденного сына, двигаться по своему герцогству не слишком быстро. Он уже давно не двигался по своим землям таким темпом, который позволил бы ему как следует осмотреться. Так что сейчас Трой ехал, с большим интересом смотря по сторонам и удивляясь тому, как изменилась его земля за то время, пока его не было в домене. Признаки того, что это время не было потеряно зря, встречались теперь повсюду. То есть то, что Арвендейл, скажем прямо, изрядно заматерел, просто бросалось в глаза.

В тот момент, когда Трой впервые добрался до этой земли, тогда носившей название Темь, все население герцогства ютилось в неполном десятке городов, только время от времени позволяя себе высывать нос за крепкие стены. Деревень же в герцогстве не было вообще. Ну не могли люди устоять против орков за хлипкими деревенскими частоколами. Так что даже те, кто вначале кое-как и смог отбить парочку налетов, в конце концов все равно переселились в города. Или все-таки были захвачены и

сожраны орками... Так что герцогство Арвендейл, которое Трою удалось взять под свою руку, хоть и было потенциально чрезвычайно богатым, поскольку включало в себя и горы, в которых можно было поставить рудники, и реки, полные рыбы и способные отдать свою силу водяным колесам, и леса, изрядно разросшиеся и богато наполненные как дичью, так и ценной и прочной древесиной, и поля, способные прокормить множество людей и скота, но в тот момент, наоборот, оказалось бедным как церковная мышь. Ибо любые богатства, которые имеются в и на земле, становятся реальными только тогда, когда к ним будут приложены человеческие руки, причем вооруженные не столько мечом или копьем, сколько киркой, лопатой, плугом, косой и кузнецким молотом. Ибо любые богатства всегда создаются именно людьми. Арвендейл же оказался населен весьма скучно. Так что весь его немалый потенциал оказалось просто некому реализовывать.

Но потом случилось пришествие Йхлыга, забросившее в самое сердце империи людей огромную орочью Орду и ввергнувшее центральные — самые богатые и густонаселенные провинции страны в дикие ужас и смуту. Вследствие чего множество людей, за столетия мира совершенно отвыкших от чего-то подобного, снялись с места и побежали куда глаза глядят в поисках спасения. Ну и естественно, многие из них не обошли вниманием слухи о том, что далеко на юге за страшным Проклятым лесом, ныне изрядно вычищенным от обитавших в нем тварей и ставшим намного безопаснее, имеется земля, чуть ли не навсегда избавленная от опасности орочных набегов. На самом деле это, конечно, было не так, но во все времена люди были рады обманываться в том, чего им хотелось более всего. Сейчас же им страстно хотелось мира и безопасности... И конечно, для людей, бегущих от орков, эти слухи послужили лучшей рекомендацией. Так что множество беженцев из центральных провинций империи рванули прямо в эту новую «Землю обетованную».

Ныне, впрочем, поток беженцев практически иссяк. Так что за время путешествия от Угелоя до границ герцогства Трой сотоварищи обогнали всего лишь с дюжину одиноких повозок и четыре небольших каравана в неполный десяток возов. Причем три из них, скорее всего, были не переселенческими, а торговыми... Но и тех переселенцев, что успели добраться до герцогства еще до разгрома орочьей Орды и пережить на совершенно новом месте первую и потому самую трудную зиму, хватило для того, чтобы население герцогства увеличилось почти в пять раз. И теперь Арвендейл, без всякого сомнения, если еще не стал, то в скором времени должен был стать самым богатым Владением в империи. Впрочем,

основной причиной для этого послужили все-таки не беженцы. Они просто придали получившейся конструкции необходимую устойчивость, дав герцогству ресурс, позволяющий если не сейчас, то весьма скоро полностью закрыть все проблемы с продовольствием, строительными материалами, рабочими руками, мобилизационными возможностями и так далее. Основные же деньги в казну должны были приносить, во-первых, города, каковых благодаря столь непростой истории Теми в Арвендейле оказалось не менее чем в два раза больше, чем в любом другом герцогстве империи. Большинство таковых вообще могло похвастаться лишь парой-тройкой городов, и только у самых богатых из них могло насчитываться четыре или пять... Ну а основным же генератором будущих доходов, и это было во-вторых, было наличие в Арвендейле двух младших Владений, каковых не было более ни в одном другом герцогстве империи — эльфийского леса Эллосиил, ранее именовавшегося людьми Проклятым лесом, и гномьего Каменного города, который когда-то называли Крадрекрамом. Эльфийская и гномья магия, великолепное гномье оружие и эльфийские зелья, искусно ограненные драгоценные камни и золото и редчайшие эликсиры — все это должно было принести Владетелю Арвендейла просто баснословные деньги. И уже начало приносить...

Лиддит снова встретила его в парадном зале, но на этот раз без всяких дурацких ритуалов. Более того, едва только вернувшийся домой владетель герцогства Арвендейл с грохотом распахнувшейся двери влетел в зал, как его верная жена и Владетельница, вскинув руку, испуганно закричала:

— Не вздумай хватать меня, сумасшедший, у меня на руках наш сын! — И Трой, мгновением раньше несшийся к ней именно с подобным намерением, резко затормозил, безжалостно царапая дорогой паркет подковами своих кавалерийских сапог, после чего осторожно приблизился к жене и уставился на лежащий у нее на руках комочек с обалдело-восторженным выражением лица...

— Эт-то он, да? — хрипло спросил первый меч императора, гроза врагов и легенда всей империи людей. — Он... он такой маленький! Й-а-а... это... я боюсь его брать.

— Ничего, — улыбнулась Лиддит, — ему пора привыкать к рукам отца. Так что — на, держи. А я пока тебя поцелую...

Наиболее сильно, конечно, рождению братика обрадовалась Иния. По прибытии в герцогство Лиддит серьезно занялась ее воспитанием, нагрузив девочку по полной, но конец беременности у нее протекал довольно тяжело, и она слегка ослабила контроль. А во время родов и сразу после них всем вообще стало не до этого. Так что Иния благодаря

новорожденному братику получила возможность не столько некоторое время немного посачковать, сколько заняться чем-то более интересным, чем этикет, танцы, рунная грамота и игра на арфе. Ничего более сложного ей пока не преподавали... Впрочем, надо признаться, основная причина ее радости заключалась все-таки не в этом. На выросшую без родителей девочку, которой изначально было предопределено стать деликатесом для орков, судьба обрушила столь много потерь, что самой основной ценностью для нее стала семья. Она мечтала о ней еще тогда, когда у нее не было ни единого шанса ее обрести. И похоже, именно эта мечта и позволила ей выжить. Девочка как волшебный цветок раскрывалась навстречу любому, в ком замечала хотя бы тень шанса на то, что с ним она может обрести семью. И большинство тех, кто встретился ей на ее пока еще небольшом, но уже полном трудностей и опасностей жизненном пути, не нашли в себе силы отказаться от подобного дара. Ни речники земли Глыхныг, ни Толстая Лубвь, ни сам Трой, ни Лиддит... Так что сейчас она искренне радовалась тому, что круг тех, кого она отныне считала своей семьей, возрос еще на одного человека. Пусть еще очень маленького и совсем слабого, но она готова была его защищать со всем жаром своей большой души... Ну, а еще ей очень хотелось поиграть с братиком. Он же был живой, не то что эти куклы...

Следующий месяц Трой наслаждался семейной жизнью. Причем, к удивлению Лиддит, из грозного Алого герцога вышел очень заботливый отец. У Ругира, как они вместе с Лиддит решили назвать малыша, регулярно пучило животик, и он часто плакал ночью. И именно Трой первым вскакивал с кровати и прыгал к его колыбели, а затем укачивал сына на руках, согревая его теплом своего сильного тела. Лиддит даже пару раз поймала себя на том, что испытывает к сыну нечто вроде ревности, потому что она сама тоже жутко соскучилась вот по этому теплу. Но эти эмоции были совсем слабыми и мимолетными. А вот удивление от того, что он так сразу и намертво привязался к сыну, — наоборот, весьма сильным. Помогавшие ей после родов повитухи и служанки просветили ее насчет того, что мужики-де сразу после рождения «дитенков» теряются. И очень долго привыкают к своему новому статусу. Месяцы, а то и годы. Трой же только первые два дня производил впечатление перепуганного теленка, а уже на третий начал управляться с сыном вполне уверенно. Ну а после нынешней ночи, когда он лихо перепеленал заплакавшего сына, вполне себе сноровисто подсунув ему между ног добрый шмат нежного сущеного мха, можно было сказать, что он полностью освоился как минимум в роли няньки.

— Ну ты даешь! — восхищалась Лиддит.

— А чего? — пожал плечами муж на ее удивление. — У нас в деревне кто из детей уже на ногах крепко стоял, но за частокол его еще рано выпускать было, — завсегда за мелкими ходили. Подмыть там, перепеленать, сопли утереть. Конечно, больше девчонки, но и пацаны тоже умели.

И Лиддит осталось только в сердцах напомнить себе, что жизненный опыт у ее мужа все-таки очень сильно отличался от того, что был привычен в дворянской среде. Это часто являлось недостатком, но и достоинств в подобном опыте тоже хватало.

Прием в честь рождения наследника состоялся где-то через месяц после приезда Троя. Причем отнюдь не по инициативе Троя или Лиддит. Они вообще забыли обо всем, наслаждаясь друг другом. Но как говорится, слава богам, есть друзья...

Гмалин ввалился к ним, когда они с Лиддит как раз собирались обедать.

— Ну ты и жила, десятник! — сварливо заявил он после того, как вломился в столовую и крепко облапил побратима. Для чего Трою, кстати, пришлось не только наклониться, но еще и слегка присесть.

— В смысле? — не понял герцог Арвендейл, поднимаясь в полный рост.

— У тебя наследник родился или как? — ехидно поинтересовался гном. Трой недоуменно уставился на него, а Лиддит скривилась и с размаху засветила себе ладонью по лбу. Гмалин довольно крякнул.

— Вот-вот, и я о том же, матушка-владетельница. Прием-то когда устраивать будете?

— Какой прием? — удивился Трой. — Зачем?

— Не спорь, муж мой, — раскаянно произнесла Лиддит, после чего встала из-за стола и церемониально поклонилась гному. — Благодарю,уважаемый глендир, за нужный и своевременный совет.

— Ну нам, дык вассалам, это по клятве положено-то, — этак горделиво-степенно кивнул Гмалин. — Не только повиноваться или там стоять за суверена на поле брани, но и беречь его интересы, давая ему советы, когда в том будет необходимость. — После чего ухмыльнулся и рявкнул уже вполне привычным тоном: — И вообще, голодного гнома здесь кормить собираются или как?

За обедом Гмалин и Лиддит Трою все и разъяснили. Мол, есть такое правило у Владетелей: устраивать приемы по всяким значимым событиям — помолвке, свадьбе, рождению детей, достижению ими возраста

совершеннолетия, приезду каких важных и значимых гостей, ну и так далее. Вот во время этих приемов и положено вручать подготовленные подарки... Чаще всего оные вполне себе банальны, хотя, как правило, довольно весомы. Большинство подданных Владетелей, обладающих достаточным статусом для приглашения на подобный прием, как правило, ограничиваются кошелем с золотом, сумма которого равна годовому доходу от порученного данному подданному домена или там возглавляемого им торгового дома. Но вот те, кто хочет подчеркнуть свою значимость, либо принести извинение за какой-нибудь косяк, или там расположить Владетеля по отношению к какому-нибудь своему проекту, могут преподнести нечто куда более дорогое или редкое. Ну а более всего обычно изгibtаются цеха, кроме всего прочего, используя подобные приемы в качестве этаких рекламных площадок, потому что на подобных приемах, как правило, присутствует вся самая обеспеченная и, соответственно, платежеспособная часть населения. Лиддит рассказала, что на рождение дочери прежнего императора гильдия часовщиков сотворила настоящее чудо, изготовив часы в виде дерева, на ветвях которого сидело двенадцать разных птиц, выполненных из драгоценных металлов, перья которых были украшены драгоценными камнями. Когда наступал час, обозначаемый какой-нибудь птицей, то на первой четверти часа она открывала клюв и издавала крик, на второй вместе с криком двигала головой, на третьей — еще и взмахивала крыльями, а по окончании часа, кроме всего вышесказанного, перескакивала на ветку вниз или вверх. Так что даже при мимолетном взгляде на дерево сразу же было ясно, который нынче час. Ходили слухи, что на этот подарок часовщики Эл-Северина ухнули всю свою гильдейскую казну, но даже если это было и так — они точно не прогадали. Во-первых, часовщики столицы империи людей оказались первой гильдией, которую гномы признали «достойными мастерами», и во-вторых, после этого им было заказано еще одиннадцать подобных часов, за которые они содрали с заказчиков просто баснословные суммы. Так что цеха, как правило, в таких случаях не мелочились.

Прием подготовили быстро. Вернее, как выяснилось, он был уже практически готов. Это у потерявшей голову от долгожданной встречи парочки Владетелей память отшибло, остальные подданные, как выяснилось, все помнили прекрасно. Так что едва только из замка разлетелись курьеры с приглашениями, как из городов тут же потянулись повозки с продуктами и всяkim необходимым скарбом типа посуды, скатерей, толстых струганых досок для столов и лавок и всего такого прочего. Нет, в замке мебели и приборов уже было вполне достаточно. Для

текущих надобностей. Или для обычного официального приема. А вот для приема в честь рождения наследника... Но на такой случай и нужны верные подданные, не так ли? Короче — справились. Тем более что продукты по обычаю шли в зачет «подарков». Нет, естественно, только одними ими дело отнюдь не ограничивалось. Но все остальное должны были вручить делегации городов и Владений лично.

С «земель», как именовались территории, заселенные крестьянами, поначалу решили ничего не брать, потому что «земли» были заселены беженцами, у которых и необходимого-то не доставало... Однако, к удивлению Троя, бывшие беженцы с этим не согласились. И даже выказали обиду на подобное решение. Мол, зачем людей обижаете? Рази ж мы других хуже? Так что пришлось срочно отыгрывать назад и принимать делегацию еще от крестьян. Впрочем, подарок от них оказался вполне в тему. Как выяснилось, часть беженцев сумела прихватить с мест прежнего проживания кое-какие ценные вещи. В частности, несколько семей, в свободное от крестьянских забот время промышлявших охотой на пушного зверя, привезли некоторое количество мехов. Среди которых нашлось почти четыре дюжины шкурок синей куницы, чей мех, среди всего прочего, шел на королевские и герцогские мантии. Так что «общество» скинулось кто чем может и выкупило у владельцев эти меха. Скинуться смогли немногим, но владельцы, осознав значимость события и весомость текущего момента, согласились подождать с окончательной расплатой нужное время либо принять оплату иными предложенными вариантами. Например, с частью крестьян договорились о том, что те, кто не смог ничем «вложиться» в данный момент, берут на себя обязательство выплачивать за владельцев шкурок или скорняков, работавших с мехом, все налоги и подати с будущей осени и до того момента, пока уговоренная сумма не будет окончательно закрыта. Так что представители «земель», прибывшие в замок, гордо вручили Трою и Лиддит роскошные шубы из драгоценного меха на них и Инию и плюс к этому чрезвычайно теплый полог для малыша.

Но это были, так сказать, самые простые подарки. Города преподнесли «шедевры», изготовленные лучшими мастерами городских цехов — утварь, скатерти и гобелены, тонкую стеклянную столовую, а так же кухонную медную и чугунную посуду, массу ножей, а также топоров, пил, лопат и иного инструмента, необходимого в хозяйстве практически всегда. Доспехов и оружия никто дарить не стал, посчитав, что соревноваться с тем, что подарят гномы, глупо и бесполезно. Однако гномы удивили всех...

Когда настала его очередь, Гмалин гордо выступил вперед и, картино

подбоченясь, заявил, что гномы в качестве подарка берутся построить вокруг замка настоящий «вырубной город». После этого сообщения в зале повисла ошеломленная тишина. Потому что тех, кто знал, что это такое, подобное заявление просто повергло в ступор, но тем, кто не знал, было понятно, по реакции «знающих» поняли, что это что-то невероятно крутое...

«Вырубной город» гномов представлял из себя мощнейшую, но с виду совершенно ажурную конструкцию из домов, многоуровневых террас, мостов, акведуков, а также упорных и защитных стен и башен, по большей части вырубленную прямо в скалах. От городов людей он отличался в первую очередь тем, что состоял как бы не из отдельных зданий, а представлял из себя что-то вроде единого целого. То есть являлся этаким огромным даже не зданием, а дворцом пополам с крепостью, в котором нашлось место всему — от крепких стен и несокрушимых башен до жилищ, складов, кузниц, пекарен, библиотек, парков и площадей с фонтанами. А от привычных гномьих городов — тем, что уходил в толщу скал несколько меньше, чем это было в обычай подгорного народа, так что его дома и дворцы, как правило, имели фасады, выходящие не в огромную пещеру внутри горы, а наружу. С точки зрения обороны традиционные гномы города у «вырубного города» несколько выигрывали, но любые человеческие крепости подобный город по степени защищенности и возможности противостоять штурму превосходил на голову. А уж о красоте и величественности и говорить было нечего. Недаром самими гномами считалось, что «вырубной город» требует для своей постройки куда большего мастерства, чем их обычные строения. Так что по любой мерке подарок был роскошный. На этом фоне подарки остальных городов Арвендейла смотрелись почти никак... Однако Алвур не дал своему побратиму насладиться единоличным триумфом.

Когда подошла очередь эльфов, Алвур приблизился к стоявшим у подножия герцогского трона Трою и Лиддит не один, а вместе с парой своих сородичей, одетых в плащи друидов. Гмалин, к тому моменту уже объявивший о своем подарке и по праву друга и побратима занявший место неподалеку от герцогской четы, окинул их несколько ревнивым взглядом и насмешливо предположил:

— Небось настоечки или зелья какие приволокли, ушастые.

Оба друида, совершенно не привычные к подобному обращению, дернулись и окинули гнома яростным взглядом. Алвур же отреагировал спокойно.

— Типа того, коротышка... — усмехнулся он, заставив парочку

степенных гномов, также расположившихся неподалеку от своего Главы, побагроветь и свирепо вздернуть бороды.

— …но лучше. — После чего кивнул одному из друидов. Тот отчего-то бросил на Властителя Эллосиила умоляющий взгляд, а когда тот никак на него не отреагировал, тяжело вздохнул и, явно нехотя, вытащил из-под своего плаща небольшую шкатулку, буквально сияющую зеленоватым светом от наложенных на нее плетений магии Жизни, и протянул ее Алвиру. У Троя отчаянно засосало под ложечкой...

— Это — семя меллирона! — торжественно произнес эльф. — Положи его в колыбель своего сына, Владетель Арвендейла. Пусть благодать священного дерева осенит первый год его жизни. А когда срок его жизни сравняет год, мы посадим это семя в твоем замке. Дабы выросшее из него священное дерево всегда осеняло своей благодатью и чудо-город, построенный гномами, и всю эту землю, которую сумели отстоять и сохранить от врагов люди, ставшие под твою руку.

После этих слов в зале на несколько мгновений повисла прямо-таки звенящая тишина, а затем он буквально взорвался от восторженных криков. Ну еще бы — было отчего кричать! Меллироны росли только в священных лесах Высоких и ревностно оберегались эльфами от любых поползновений кого бы то ни было. Даже увидеть священное дерево — и то было невероятной честью и знаком великого расположения… Единственным меллироном, который рос за пределами этих лесов, было дерево, когда-то посаженное в Эл-Северине. Но в настоящий момент оно считалось уничтоженным орками… Впрочем, как выяснилось, не полностью. Несмотря на то что орки сильно постарались, уничтожая ненавистное дерево — не только срубив и спалив ствол, но еще и выкопав и отправив на костры все корни, которые они сумели отыскать, несколько мелких корешков все-таки смогло сохраниться в земле. Их искали долго и очень тщательно много дней подряд. В обычных условиях вряд ли кто-то вообще стал бы прилагать подобные усилия. Тем более что на троне империи людей в настоящий момент был тот самый император, которому эльфы уже однажды подарили семя своего священного дерева… Но сегодня — это не тогда. К тому же именно на этот меллирон были запитаны тончайшие и сложнейшие плетения, сохранявшие в неизменности не только парк, но и вообще всю структуру земли и построек Высокого города, в свое время наложенные совместно лучшими мастерами Высоких и Могучих, которые ныне считались легендами своих народов. И у Марелборо были большие сомнения насчет того, что нынешнее поколение эльфийских друидов способно повторить подобные плетения. А кроме того, он сильно

сомневался в том, что Светлый лес и Подгорный трон вообще захотят это сделать... Но друиды всегда утверждали, что окончательно убить священное дерево очень трудно, потому что даже из самого крошечного, но живого куска прежнего меллирона можно, конечно приложив много усилий, снова вырастить дерево. Причем выращенное дерево оказалось бы полностью идентичным прежнему... Поэтому император и приказал искать и найти. Так что десятки людей буквально месяцами просеивали сквозь пальцы землю, пытаясь обнаружить хотя бы частичку столь тщательно уничтоженной шаманами орков святыни. И в конце концов сумели-таки сделать это. Так что вот уже почти полгода друиды, приехавшие из Светлого леса, с великой любовью и тщанием работали над тем, чтобы возродить из пепла великую гордость Эл-Северина... Но это же Эл-Северин, столица империи людей, самый блестательный и гордый город всего континента, с которым ничто не может сравниться? А вот с этим арвендейльцы теперь были готовы поспорить...

Когда этот долгий и довольно выматывающий, но принесший столь многое прием наконец-то закончился и Трой с Лиддит остались одни, Трой со счастливым выражением лица рухнул в кресло и с гордостью произнес:

— Видишь, какие у меня побратимы, любимая. Такие подарки!.. — И он восторженно вздохнул.

— Да уж, — тихо отозвалась Лиддит, присаживаясь рядом и опуская свою голову ему на плечо. — Воистину, подарки — врагу не пожелаешь...

Трой резко открыл глаза и удивленно уставился на жену:

— Чего? То есть... в смысле? Что ты хочешь сказать?

— Ты понимаешь, что сегодня произошло, Трой? — Лиддит оторвала голову от плеча мужа и серьезно взглянула ему в глаза.

— Ну-у-у... — несколько неуверенно начал Трой, а затем подобрался и резко рубанул: — Похоже — нет.

Лиддит улыбнулась. Трой мог что-то не знать... Да что там говорить, он не то что мог, действительно не знал очень и очень многое, но в возможности чувствовать опасность и немедленно реагировать на нее ему не было равных. И это было одним из трех главных качеств, за которые Марелборо так приблизил его к себе. Остальными двумя были его воля и абсолютная верность. Всем, кого он посчитал достойными своей верности — стране, императору, друзьям и побратимам, семье, народу Теми...

— Как ты думаешь, муж мой, как долго гномам придется строить «вырубной город»?

Трой задумался, а затем неуверенно произнес:

— Ну-у-у, долго, наверное... Лет десять?

— Столетия, — тихо произнесла Лиддит. Трой ошеломленно уставился на нее, а она продолжила: — За всю историю гномов они построили только три «вырубных города». И самому молодому из них, если бы он до сих пор существовал, сейчас исполнилось бы около полутора тысяч лет. Как ты думаешь, твой побратим взвалил на себя и своих людей подобную тяжкую ношу всего лишь для подарка нашему мальчику?

Трой несколько мгновений напряженно смотрел на жену, а потом глухо спросил:

— С меллироном тоже не все так просто?

— Меллирон дает семя приблизительно один раз в тысячу лет. Никто не знает, сколько меллиронов в настоящий момент сохранилось в Светлом лесу, но по оценкам магов Университета, сделанным еще во времена правления моего отца, их вряд ли больше полутора сотен, — спокойно объяснила Лиддит.

Трой помрачнел и несколько минут молча стоял, напряженно над чем-то размышляя. После чего все так же глухо спросил, не столько даже Лиддит, сколько так... в пространство:

— Зачем же они это сделали?

— Я не знаю, — тяжело вздохнула Лиддит. — Единственное, что мне приходит в голову, это то, что им приказали это сделать. Возможно, это была часть сделки по восстановлению их в правах. Или им предложили что-то еще, но куда более для них значимое.

— То есть ты считаешь, что это были прямые решения Светлого леса и Подгорного трона? — растерянно спросил Трой. — Но зачем это им нужно?

Лиддит вздохнула.

— Знаешь, людям бывает довольно сложно понять, как мыслят и о чем думают Высокие и Могучие. Большинство из нас умеют думать в горизонте максимум одного года. Отдельные всплески, связанные, например, с женитьбой, собственной или там детей, либо учебой и всем таким прочим — не в счет. Некоторые способны планировать что-то лет на пять-семь. Очень редко встречаются те, кто может видеть, как это говорят, горизонт событий на одно-два десятилетия. А дальше... — Она грустно усмехнулась. — Владетели же Высоких и Могучих обычно оперируют временными промежутками в пятьдесят и более лет. А необычно... в этом случае сроки могут удлиниться и на несколько столетий. — Она замолчала. Трой некоторое время ждал продолжения, а затем, не выдержав, спросил:

— И что?

— Эл-Северин — самый блестательный город людей на всем

континенте. Великолепный, имеющий внутри своих стен настоящее чудо света и потому способный затмить собой все что угодно. Он полностью соответствует всем представлениям о том, каким должна быть столица самого сильного, а то и вообще единого государства всех людей, — терпеливо пояснила Лиддит, но, увидев, что Трой так и продолжает смотреть на нее недоуменным взглядом, вздохнула и пояснила: — Как думаешь, что произойдет с империей, когда через столетие-другое, после того как результат трудов искусных резчиков-гномов и друидов-эльфов уже будет виден во всей своей красе, в империи появится еще один город, способный затмить столицу?

Весла мерно били по воде, стремительно неся драккар над волнами. Трой стоял на носу, слева от резной фигуры дракона и, опервшись на планшир, задумчиво смотрел вдаль, не обращая внимания на соленые брызги, долетающие до него, когда корабль слегка зарывался в волну. Со стороны юта послышался громкий рык Эрика Два Топора, громко распекающего кого-то на северном наречии. Трой повернул голову, окинул взглядом эту картину и, едва заметно усмехнувшись, снова отвернулся...

После того приема в честь рождения сына они проговорили с Лиддит почти полночи. То есть сразу после того, как Лиддит открыла ему глаза на происходящее, он подорвался, собираясь бежать в покой к Гмалину — ну и Алвуру и гневно отказаться от подобных «подарочеков», но его мудрая жена его удержала.

— Неужели ты хочешь не только вдребезги разругаться со своими побратимами, которые искренне тебя любят, но еще и нанести несмыываемое оскорбление всем гномам и эльфам, муж мой? Или ты думаешь, что Светлый лес и Подгорный трон оставят без внимания твое такое демонстративное пренебрежение столь драгоценными и редкими дарами? — спокойно спросила Лиддит, а после короткой паузы окончательно припечатала: — И если ты все-таки готов на это пойти — подумай, это действительно то, что надо империи людей и самому Марелборо здесь и сейчас?

Трой, к концу этой фразы уже добравшийся до дверей и протянувший руку к красивой кованой ручке, резко остановился и несколько мгновений напряженно сверлил взглядом резную створку, после чего глухо зарычал и саданул по двери со всей своей немалой силой.

— И что, к Темным богам, мне тогда сделать?

— С благодарностью принять дар, — улыбнулась Лиддит.

Трой резко развернулся и удивленно уставился на нее. Его жена ответила ему невозмутимым взглядом, после чего поднялась и, подойдя вплотную, вытянула руки и притянула его голову к своей груди. После чего начала легкими движениями гладить его по волосам. Трой несколько мгновений напряженно стоял, тяжело дыша от охватившего его напряжения, а затем его слегка отпустило. Так что он развернулся и в свою очередь поднял руки, с силой притянув к себе жену, а затем обнял ее и тихо произнес:

— Лиддит, я чувствую себя полным идиотом.

Его жена улыбнулась, покачала головой:

— Ты не прав, муж мой. Высокие занимаются интригами долгие столетия. Поэтому среди людей нет никого, кто способен был бы переиграть их на этом поле. Не только ты — вообще никто на это не способен. Так что не казни себя. У тебя не было ни единого шанса на то, чтобы не попасться в их ловушку. К тому же ты не одинок. В нашей истории не раз случались ситуации, когда благодаря подобным интригам перед людьми возникал выбор между плохим вариантом и еще худшим. Я не раз читала об этом в библиотеке отц... хм... то есть в императорской библиотеке. Так вот, любому Владетелю, которому не повезло попасться на эту эльфийскую «вилку», все равно приходилось выбирать. И я считаю, что у тебя как раз еще не очень плохой выбор. — Она прекратила его гладить и, приподняв голову мужа так, что его глаза оказались прямо напротив ее, негромко произнесла: — Потому что во всем, что они спланировали, нет абсолютной предопределенности. Если мы сумеем воспитать детей так, чтобы верность стране и суверену оказалась для них не пустым звуком, а непреходящей ценностью, а они потом сумеют так же воспитать своих детей, — все их расчеты пойдут прахом! Это очень сложно, тем более что как-то влиять мы сможем только на наших детей и в лучшем случае — на внуков, но вполне возможно... Но ответь мне, Трой-побратим, — разве мы и так не собирались воспитывать наших детей именно такими? — Лиддит замолчала, требовательно уставившись на мужа. Тот несколько мгновений недоуменно смотрел на нее, после чего недоумение в его взгляде сменилось возмущением. Лиддит усмехнулась и взъерошила ему волосы. — Ну и чего ты тогда так разозлился? Они играют свою игру и будут играть ее дальше. Мы же будем делать что должно, и тогда, очень вероятно, они проиграют. Ну а если нет... — Она лукаво улыбнулась. — То, что они планируют, может начаться очень нескоро, через одно, а то и полтора столетия, мой дорогой, и это точно будут уже не наши проблемы...

Трой слегка выдохнул и несмело улыбнулся. Но почти сразу же снова набычился.

— Все равно, то, что сделали Алвур и Гмалин, — это предательство. Они должны были...

— Что? — усмехнулась Лиддит. — Отказаться одарить своего побратима столь головокружительными подарками и согласиться ограничиться красивой и никому не нужной безделушкой? Ты действительно считаешь, что им следовало поступить именно так?

— Но-о-о... как же так... они же должны были понять... — И Трой

запнулся, окончательно запутавшись.

— Они и поняли, — усмехнулась Лиддит. — Но, возможно, у них просто не было возможности отказаться. А еще, возможно, твои побратимы верят в нас с тобой куда больше, чем ты. — Герцогиня и дочь бывшего императора вздохнула и покачала головой. — Пойми, муж мой, Высокие очень редко непосредственно вмешиваются в дела людей. Не потому, что не хотят, нет. Хотят! И когда-то очень активно делали это. Но эти их потуги в конце концов закончились тем, что от Великого леса остался всего лишь его осколок, небольшой кусочек, который мы сегодня знаем под именем Светлого леса. И как бы там ни утверждала официальная историография, отнюдь не орки и даже не гномы являются основной причиной этого... Вот потому они когда-то и решили больше не провоцировать людей и воздействовать на нас куда более аккуратно. Ибо случись еще одна война с людьми, и от Светлого леса может остаться всего лишь какая-нибудь светлая роща. А то и вообще ничего... — Она сделала короткую паузу, а затем продолжила: — Так что теперь они стараются ограничиваться тем, что *создают возможности* того или иного действия, решения, поступка, а не напрямую провоцируют его. Ну а потом ждут, что получится. Да, со стороны это кажется слишком сложным, вычурным и требует куда больше ресурсов. Потому что существенная, а то и большая часть спланированного без дополнительных стимулов так и не реализуется. Но когда таких *запланированных вероятностей* создано достаточно много — для достижения главной цели чаще всего хватает и того, что получилось... Так что если сейчас Совет Владычицы решил направить свои усилия на раскол империи, одним нашим герцогством дело не ограничится. Они найдут, где и как создать другие точки напряжения. И далеко не одну-две. А потом — какие сработают, такие сработают.

— Ох, Лиддит, я совсем запутался. — Трой тряхнул головой. — И что мне теперь делать — забыть, сделать вид, что ничего не было и все нормально?

— Сделать вид — несомненно, — улыбнулась Лиддит, а затем ее лицо исказилось в хищной гримасе. — А вот забыть — ни за что...

— Хорошо идем — ходко!

Трой повернул голову и кивнул подошедшему Эрику. Два Топора, по обычаю северян, на палубе дракара был одет в толстую рубаху из вываренной тюленьей кожи, служившую одновременно и одеждой, и легким доспехом. Такая рубаха пусть и уступала по защитным возможностям его любимой кольчуге тройного плетения, но зато была куда

менее тяжелой. Да и сбросить ее, в случае если во время схватки его выбросит с палубы, было куда легче. Так же были одеты и остальные, то есть не только северяне, но и сам Трой, и те, кто плыл вместе с ним. Эрик бросил на него испытующий взгляд, после чего осторожно спросил:

— Может, ты все-таки передумаешь, Олькюлле? Не думаю, что тебе помешал бы сильный отряд верных бойцов. Мы бы проложили тебе дорогу туда, куда надо, своими топорами. А если бы случилось, что мы не смогли бы пробиться, то тебе не пришлось бы беспокоиться о нас. Мы с радостью отвлекли бы от тебя орков и никому бы не позволили искать твои следы, пока был бы жив хоть один из нас. А ты же знаешь — нас убить очень непросто... Так бы ты успел пройти довольно далеко вглубь под охраной наших топоров.

Трой вздохнул.

— Нет, Эрик, увы, ничего бы не получилось... Постой! — Он вскинул ладонь, останавливая уже готового разразиться гневной речью северянина. — Вот ответь мне — ты смог бы пройти мимо дерева, на котором висит осиное гнездо, осы в котором сильно кем-то растревожены?

Два Топора слегка озадачился, не совсем понимая, при чем тут вообще осы, если речь идет о доблести и воинских умениях его и его воинов. Но все-таки ответил:

— Любому понятно, что лезть к такому дереву было бы глупостью. Разъяренные осы могут убить даже медведя.

— С орками будет то же самое. Не пройдет и одного дня после того, как твой отряд вступил бы в первую схватку, как вокруг него начали бы виться патрули орков. И жалить, жалить, жалить... А потом, когда собрались бы с силами, ударили и всерьез. Причем так сильно, что никакого отряда не хватило бы. И даже если бы я попытался скрыться, бросив вас, мне бы этого никак не удалось. Потому что орки — не дураки. И точно перекрыли бы вокруг любые пути отхода.

— Для этого им еще надо будет нас отыскать, — упрямко пробурчал Эрик. — Если убить всех и хорошенъко спрятать трупы, то...

— Ты можешь увидеть место, куда тебя укусил комар, если убьешь его в момент укуса? — с легкой усмешкой в голосе спросил Трой. А когда северянин наступил, пояснил: — Вот и орки так же. Даже если они не найдут трупы и не смогут обнаружить следы схватки, во что я никак не могу поверить, сам факт того, что какой-то патруль не вернется в лагерь, заставит их сначала отправить в ту сторону два, а то и три новых патруля. А если, или, вернее, когда не вернутся и они...

— Ну-у мы могли бы пройти тихо, — сделал последнюю попытку Два

Топора.

— Ты в это действительно веришь? — Трой покачал головой. — Друг мой и брат, если бы мне были нужны бойцы, способные не просто на равных сразиться с любым орком, но прорвать фронт во много раз больше их числа, или встать и держать позицию, раз за разом отбивая яростные атаки свинорылых, — я не мог бы найти лучших бойцов, чем ты и твои люди. Но тайно прокрасться через половину земли Глыхныг в то время, когда там почти не осталось людей, и потому нет никакой возможности затеряться среди них... согласись, Эрик, это не для вас.

Два Топора несколько мгновений молча стоял, страстно не желая соглашаться со сказанным, но и не находя, что тут можно возразить, после чего повернул голову и, покосившись на одного из спутников Троя, в настоящий момент сидевшего у мачты, укутавшись в теплый плащ, угрюмо пробурчал:

— Может, ты и прав, но все равно я считаю, что ты для своего путешествия собрал совсем не ту компанию, которая нужна.

Трой в свою очередь повернулся голову и, проследив за его взглядом, тихонько вздохнул. А что тут еще можно было сказать...

С Эриком они встретились в Угелое. Трой рассчитывал остановиться в этом городке на пару-тройку дней, чтобы передохнуть и помыться после марша через Эллосиил. Через лес уже была проложена вполне приличная дорога, в обустройстве которой к тому же приняли участие как местные эльфы, так и гномы из Каменного города, так что двигаться через него можно было вполне комфортно. Но вот ночевать пока все равно приходилось на земле. Трактиров на этой дороге еще не построили. Поэтому потратить два-три дня на то, чтобы дать роздых и подкормить лошадей, а также помыться, постираться и выспаться в кровати, а не на охапке лапника, было вполне разумными планами... Однако едва только он вошел в знакомую таверну, как навстречу ему поднялась знакомая могучая фигура.

— Олькюлле! Я дождался тебя, — проревел Эрик, подскочив к герцогу Арвендейла и стиснув его в своих могучих объятиях.

— Здорово, северный медведь, — расплылся в улыбке Трой, — а зачем ты меня ждал?

— Так это, император велел дожидаться тебя, а как появилась — передать тебе это письмо, — гордо сообщил Два Топора. — Так что я торчу в этом глухом порту уже вторую неделю.

Трой слегка нахмурился. Когда он покидал Эл-Северин, они с Марелборо условились, что после поездки в Арвендейл он сначала

вернется в столицу, где они и проведут всю дальнейшую подготовку к тому, что он должен будет сделать. Особенno много готовиться было нечего, но за это время группа, возглавляемая Игреоном Асвартеном, должна была собрать еще кое-какой материал по земле Глыхныг и даже вчерне систематизировать его. И прикинуть общий план действий. Все-таки глупо было надеяться, что удастся повторить их прошлый поход. Западные орки — те еще твари, и ждать от них еще раз подобного подарка глупо... И вот такие новости! Хотя в чем именно они заключаются — ему еще предстояло узнать. Из письма.

Письмо оказалось коротким. Когда Трой, сломав сургуч и разрезав бечевки, стягивающие конверт из плотной бумаги с императорским вензелем в левом верхнем углу, развернул белоснежный лист дорогой бумаги с водяными знаками, принятой на снабжение императорской канцелярии, на нем рукой императора оказалось выведено всего четыре слова: «Им удалось. Отправляйся немедленно».

Прочитав короткое послание, Трой задумчиво смял письмо и, подойдя к камину, двумя движениями бросил в очаг и конверт, и само письмо, а затем, проследив, чтобы послание сгорело дотла, так чтобы даже остатки сургучной печати вскипели и растеклись лужицей, уточнил:

— Больше никто ничего не передавал?

— Э-эм... — Эрик замялся и бросил несколько смущенный взгляд в дальний угол зала, в котором почему-то обнаружились Гмалин и Алвур со своими бойцами. Причем Гмалин явно был чем-то недоволен. Ну то есть он явно был заметно более недоволен, чем обычно...

Все точки над «і» Трой перетер с побратимами на шестой ночевке после выезда из замка. Это была для их конвоя первая лесная стоянка. Все предыдущие ночи они останавливались в городских трактирах, а последнюю провели в Эллосииле. То есть именно в самом эльфийском поселении, поскольку весь лес, тянувшийся на почти два десятка караванных дневных переходов, также носил это название. До полноценного леса-крепости этому возрожденному поселению еще было далеко, но оно восстановилось уже настолько, что Трой бы десять раз подумал, предложи ему кто возглавить штурм подобной лесной чащи. Эльфы успели укрепиться в Эллосииле весьма основательно. Несмотря на то, что особенных врагов у них вроде бы ни с какой стороны не имелось. С одного боку — герцогство, в которое они вроде как входят и которое прикрывало их от любых возможных нападений с этой стороны, а с другого — вполне себе дружественная не только к Эллосиилу, но вообще к эльфам империя людей. Но если вспомнить, что основное население этого

поселения составляли эльфы-изгнанники...

В тот вечер он снова разложил свой спальный мешок на противоположной от эльфа с гномом стороне лагеря и уже совсем было собрался залезать внутрь, как рядом бесшумно возник Алвур. Трой окинул его сумрачным взглядом, вздохнул и, выпустив из рук клапан спального мешка, сердито поинтересовался:

— А Гмалин где?

— Здесь я уже, — несколько сварливо отозвался гном, громко топая сапогами. Трой оглянулся. Владетель Каменного города появился не с пустыми руками. То есть это выражение не стоило понимать как то, что он пришел с угощением. Нет, ничего подобного — он просто приволок на плече довольно массивный пень, который, подойдя, скинул на землю с довольно гулким звуком.

— Ну и долго ты будешь дуться на своих побратимов? — сердито поинтересовался Гмалин, усаживаясь на свое импровизированное седалище. — От твоей кислой рожи у меня скоро несварение начнется.

— А как еще прикажешь мне реагировать на такую подставу? — несколько сварливо отозвался Трой.

— Как нормальному умному Владетелю и умному патриоту империи, — не менее сварливо отбрил его гном.

— То есть? — нахмурился герцог Арвендейла.

— Пойми, Трой, — как всегда негромко начал Алвур. — Если Светлый лес и Подгорный трон решили создать точки напряжения в империи, они все равно непременно это сделают. Откажемся мы участвовать в этом или нет — это будет. И как ты считаешь, хорошо будет, если такой точкой стал бы, например, Фартериско? Или Парвус? За что осенить герцогство Эгмонтэр благодатью меллирона, мои сородичи легко придумают. Например, за то, что именно на земле этого герцогства были разволочены Іхлаг.

— И за то, что именно Парвус стал местом сбора армии, которая уничтожила самую многочисленную и страшную Большую орду нашего континента, — добавил, ухмыляясь, гном. — Вот и подумай своей головой, лучше ли было для империи, если бы подобное произошло не в Арвендейле, а где-то еще? Или ты считаешь, что если награду, подобную семени меллирона, или-и-и... пусть не «вырубной город», но хотя бы городские стены и башни, построенные гномами, заполучил какой-нибудь другой герцог, а не ты, — проблем для империи и Марелборо стало бы меньше?

Трой несколько мгновений посидел, наступившиесь и не отвечая, а затем

нехотя произнес:

— Ну, ведь можно же как-то отказаться?

— Отказаться? От благородного дара Светлой Владычицы и Подгорного короля? — Гмалин картинно вытаращил глаза. — Ты это серьезно?

Трой слегка виновато отвернулся. А Алвур, усмехнувшись, добавил:

— И даже если бы вдруг действительно стало бы можно — ты что же думаешь, кто-то отказался бы?

Трой вздохнул.

— Ну, а мне-то вы почему ничего сразу-то не сказали?

— И что б ты сделал? — ехидно поинтересовался гном. А когда Трой смущенно отвел глаза, поучительно добавил:

— То-то и оно. Скажи мы тебе хоть что-то заранее — ты только бы все испортил. Потому-то мы и решили ничего тебе не говорить, пока не доберемся до Арвендейла. И вообще не говорить, а так сказать, поставить перед фактом. А уж там Лиддит тебе должна была выдать все расклады.

— Она и выдала, — пробурчал Трой, — только я это...

— Все равно обиделся, — констатировал гном, после чего покачал головой. — Вот дивлюсь я на тебя — иногда такие гениальные мысли тебе в голову приходят, такое способен совершить, что аж дух захватывает, а иногда смотрю на тебя и думаю: и как этого глупого теленка еще не прибили?

Так что в тот вечер они помирились...

— Тут такое дело, — начал Два Топора, — тебя тут еще кое-кто дожидается. Причем просьбу посадить их на мой драккар передал как раз тот самый гонец, что доставил мне то письмо. — Северянин мотнул головой в сторону камина. — Поэтому, я думаю, у них для тебя тоже что-то имеется.

Трой нервно дернул щекой и, развернувшись, двинулся в сторону угла. Похоже, снова начались какие-то игры... Ну да деваться некуда — придется как минимум поговорить с этими странными посланц...

— Госпожа Свириниэль? — изумленно выдохнул он, так и не успев закончить свое мысленное брюзжание. А появившаяся перед ним эльфийка тепло улыбнулась ему и протянула руку для приветствия:

— Рада видеть вас, герцог. Тем более что теперь подобная радость будет пребывать со мной постоянно.

Трой несколько мгновений озадаченно смотрел на нее, а потом нахмурился:

— Госпожа, я не...

Но Свириниэль подняла руку и с легкой улыбкой качнула головой, как бы говоря «не здесь», после чего развернулась и обычной для эльфийки танцующей походкой двинулась в сторону лестницы, ведущей наверх, к комнатам. Трой бросил вопросительный взгляд в сторону Алвура, который после разговора с эльфийкой явно так же был не в духе, и тот молча показал ему жестом — иди, я позабочусь о том, чтобы вам никто не мешал и вас никто не услышал.

Комната, которую занимала Свириниэль, вроде как ничем не отличалась от любых других комнат, сдающихся в этой таверне. Уж Трой-то это мог сказать точно. В данной таверне он останавливался довольно часто — почитай, каждый раз, как следовал из столицы в Арвендейл и обратно. Однако даже не знал он, кто в ней в настоящее время квартирует, первый же взгляд на комнату сразу сказал бы ему, что в ней живет женщина и-и-и... если и не эльфийка, то кто-то точно связанный с лесом и природой. И ведь достигалось это самым минимумом средств — скромный букетик в стакане, аромат лесных трав, наполнивший воздух, изящное перо, небрежно лежащее поверх листа лесного папируса...

— Присаживайтесь, герцог. — Свириниэль указала Трою на табурет, а сама опустилась на кровать, застеленную весьма потрепанным одеялом, поверх которого был раскатан тонкий рулон спального мешка в расцветке эльфийской пограничной стражи. — Я вижу, что у вас много вопросов, и готова дать вам на них все необходимые ответы.

— Насколько я понимаю, те слова, которые вы произнесли в своем приветствии, означают, что вы собираетесь отправиться со мной? — угрюмо уточнил Трой, опускаясь на указанное место.

— Да, это необходимо, — согласно кивнула эльфийка.

— Не думаю, — упрямо набычив голову, начал Трой, но Свириниэль одним жестом остановила тот горячий монолог, который он собирался произнести, и продолжила:

— Мерзкие сумели прыгнуть выше головы. Отголоски окончания ритуала воплощения Шиг-Хаоры уловили и маги вашего Университета, и наши Старшие ведающие, и Рунные мастера Могучих. И они показывают, что ее воплощение в этот раз оказалось невероятно сильным. Так что даже если вам удастся подобраться к Темной богине и проткнуть ее своим мечом, то только лишь это никакого особенного урона ей не нанесет. Ее воплощение слишком сильно.

— Но? — после короткой паузы уточнил Трой.

— В смысле? — На кукольном лице эльфийки нарисовалось недоумение.

— Ну, если судить по тому, что вы только что сказали, — усмехнулся Трой, — даже мое собственное путешествие в землю Глыхныг сегодня потеряло смысл. Зачем это делать, если я все равно не сумею нанести Шиг-Хаоре никакого особенного ущерба? И тем более непонятно, зачем туда отправляться еще и вам. Но вы все-таки собираетесь туда отправиться. Так что, как мне представляется, у вас в рукаве есть некое «но», которое позволит как-то копировать столь неожиданно для всех обозначившуюся силу получившегося воплощения. Или я что-то не так понял?

В яких глазах эльфийки мелькнуло нечто вроде уважения, после чего она негромко рассмеялась:

— Да уж, правы те, кто отзываетесь о вас необычайно уважительно. Вы очень быстро ухватываете суть... — Она на мгновение замолчала, а затем продолжила уже более серьезным тоном: — Ваш анализ абсолютно верен. В древние времена, когда воплощения богов встречались на земле куда чаще, чем в наше время, наши Ведающие создали несколько ритуалов и артефактов, способных изгнать Темного бога из нашего мира. Они были разными по силе. Одним из них, под названием Тайная ветвь, ныне владеете вы. У этого артефакта есть множество достоинств — он обладает уникальными возможностями в маскировке, он способен резать почти все что угодно, и после того как его владелец привыкнет к его особенностям, он становится весьма грозным оружием, он не требует для своей активации сложных плетений и долгих ритуалов и так далее. А недостаток у него только один. — Тут Свириниэль вздохнула. — Среди всех артефактов, созданных для той задачи, для которой была создана Тайная ветвь, он является самым слабым. — Свириниэль сделала короткую паузу, окинув Троя выразительным взглядом, после чего закончила: — Но, как я уже сказала, Тайная ветвь — не единственный способ убить Темного бога. Более того, если его соединить с необходимым ритуалом...

— Ну так зачем вам лезть орку в лапу? Проведите это ритуал, да и дело с концом. Остальное сделаю я.

— Конечно, никаких проблем, — усмехнулась эльфийка. — Вот только чтобы все сработало как надо, вы должны будете воткнуть заряженную ритуалом Тайную ветвь в воплощение Темного бога не позднее чем через три дня после проведения ритуала. Иначе от него будет очень мало толку.

— Вот оно что... — задумчиво протянул Трой и замолчал на пару минут. А потом уточнил: — И что, никакой возможности как-то растянуть ритуал нет?

— Нет, — вздохнула Свириниэль. — Более того, он еще и очень сильно «фонит» в магическом плане. Так что для того чтобы скрыть его —

нужен другой ритуал, которым я, к сожалению, не владею. И вообще никто из эльфов. Только гномы.

Трой обалдело уставился на нее, после чего шумно выдохнул, потер лицо и уточнил:

— То есть поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы мне только что сказали, что туда, в землю Глыхныг, в которой практически не осталось людей, а те, кто остался, в настоящий момент радостно вылавливаются орками, должен переться не один я, хоть что-то из себя представляющий в искусстве скрадывания и маскировки, а целая толпа народа, в числе которых непременно будут эльфийка и гном?

— О том, как умеют маскироваться эльфийские рейнджеры, среди людей ходят легенды, — несколько оскорбленно произнесла Свириниэль.

— В лесу, — огрызнулся Трой, — а там, — он ткнул рукой в сторону, в которой располагалась земля Глыхныг, — по большей части степь и редколесье. К тому же еще и изрядно прореженное многолетними вырубками. И — еще раз повторюсь — еще и с гномом?

В ответ Свириниэль смерила его холодным взглядом и отвернулась...

— Я же тебе уже говорил, Два Топора, — снова вздохнув, произнес Трой, — будь у меня возможность — я бы пошел без них. Но... — И он сокрушенno покачал головой.

— Но хотя бы пару надежных бойцов из числа тех, которых ты уже знаешь, которые не подведут. Ведь кому-то же надо будет разводить вам костер, свежевать дичь да тащить гнома, когда потребуется быстро удрачить, — умоляюще произнес Эрик, глядя на него глазами котика, выпрашивающего еще одну рыбку... одну... па-а-аследнюю...

Трой несколько мгновений молча держал этот прямо-таки убийственный взгляд, а затем тяжело вздохнул и выдавил:

— Ладно. Но только пару. И выбери тех, кто способен терпеть и не ввязываться в бой без приказа, даже когда орки будут ходить ему по яйц...

— Аа-а-аа-ы-р-р-р-ы-ы-ы!!! — И восторженный рев Эрика едва не сорвал рею с мачты.

13

— Я пойду, — пожав плечами, предложил Яхан Ящерица. — Натяну на себя те тряпки, которые мы нашли на заброшенном хуторе, возьму вязанку дров и пойду.

— А ты был когда-нибудь в орочьем поселении? — с легкой насмешкой поинтересовался Трой. — Сумеешь соблюсти все ритуалы, подойдя к оркам, что стоят в воротной страже, правильно поклониться Большому и Важному, положить ритуальный поклон малому алтарю при входе в трактир? Знаешь цены на продукты? Или сможешь объяснить, почему тебя, такого здорового и сильного, не отправили на алтарь?

Ящерица широко улыбнулся:

— Не-а... но я ж деревенщина. К тому же немой и дурачок, — и он тут же состроил крайне дебильную рожу и закатил глаза, постес чего вернул свое обычное выражение лица и продолжил: — Потому-то меня на алтарь и не отправили. Никаким богам не нужны подобные жертвы. Они им не то что не добавляют сил, а еще и портят уже имеющиеся.

Трой усмехнулся и покачал головой. Ящерица ему нравился. Этот еще молодой, но уже довольно опытный воин был избран Эриком себе в напарники именно за свою хитрость и умение перевоплощаться. Два Топора рассказывал, что уже во времена, когда Яхан был еще сопливым дренгом, он умудрялся пробираться в города и замки, притворяясь то тупым крестьянином, то испуганным подмастерьем пекаря, то раненым и еле живым наемником, а затем, разузнав все, что было нужно, возвращался обратно. Ну, или не возвращался, а дождавшись начала атаки, устраивал обороняющимся какую-нибудь пакость — например, поджигал амбар и устраивал панику, крича что-нибудь вроде: «Они ворвались! Они уже внутри! Они подожгли город!» А однажды даже сумел под шумок ворваться в башню и все теми же паническими воплями загнать ее гарнизон на этаж, на котором не было никаких бойниц, и запереть его там. Ненадолго, нет, но северяне, атаковавшие стену рядом с этой башней, за это время сумели подняться на нее практически без потерь. Так что не зря Ящерица носил такое прозвище... Но и в прямой схватке топор к топору он тоже был вполне себе свиреп и опасен. Может, и не в самых лучших бойцах ходил, но в строю держался вполне уверенно да и один на один вполне соответствовал высокому званию воина дружины самого знаменитого ярла севера. Так что после того, как герцог Арвендейл познакомился с ним

поближе, он его кандидатуру вполне одобрил. А вот по поводу самого Эрика Трой до сих пор испытывал довольно большие сомнения. Нет, как вождь, причем вождь именно северян, — тот был вне конкуренции. Но вот в этом-то и была основная проблема...

— Хорошо — иди. Но имей в виду, нам сейчас нужно запастись продуктами и тихо убраться. Так что не надо устраивать никаких шуток. Здесь не империя и ваш север, и твои шуточки, про которые Эрик нам уже все уши прожужжал, — лучший способ взбаламутить всех окрестных орков и дать им понять, что в городе появились чужаки. А нам этого совсем не надо.

— Понял, Олькюлле, — кивнул молодой северянин. — Не волнуйся, я все сделаю как надо...

Они высадились на побережье две недели назад. В одной глухой бухточке, до которой пришлось добираться на легкой сборной лодочонке, сделанной из костей морского дракона и тюленьей кожи. Потому что, по словам Эрика, драккар в этой бухточке поместиться был не способен. Да и подходить к берегу на расстояние, на котором корабль северян можно было разглядеть, Трой опасался. Слава Сумрачным, после их прошлогоднего набега у орков, похоже, практически не осталось боевых галер, а те, что остались, судя по всему, в настоящий момент дрогнували в гаванях, лишенные гребцов и матросов, отправленных на жертвенный алтарь. Так что море было свободно от орочных патрулей. А вот что творилось на суше, пока было непонятно. Поэтому высаживаться решили где-нибудь в укромном месте и делать это максимально скрытно. Да и вообще, двигаться, ставя во главу угла не скорость, а именно скрытность. Потому что если Трой и Эрик с Яханом пусть и чисто теоретически, но все-таки имели хоть какой-то шанс сойти за местных, то по поводу Свириниэль и Авлина, седого крепкого гнома, являвшегося пятым членом их небольшой команды, ничего подобного сказать было нельзя. Ну не было никаких эльфов и гномов в пределах земли Глыхныг. То есть когда-то, возможно, здесь кто-то им подобный и жил, но о тех временах не осталось даже легенд. Во всяком случае, среди людей и орков...

Высадка прошла довольно нервно. То есть сначала все шло нормально. В лодку они перебрались из дракара еще засветло и первый час гребли при свете и в легких сумерках. Тем более что приметная скала, на два пальца левее от которой и надо было держать курс, чтобы войти в укромную бухточку, очень хорошо выделялась на фоне пламенеющего заката. А вот когда стемнело — начались приключения. Сначала они слегка запутали, немного отклонившись в темноте от нужного направления. Но

Эрик, который как раз и рассказал об этой бухте, поскольку бывал в ней еще в те времена, когда сам молодым дренгом ходил в набеги в дружине своего отца, довольно быстро отыскал скрытый проход в скалах. Затем они почти полчаса не могли преодолеть полосу рифов. Эрик и Яхан, сидевшие на первом руме, под конец даже начали ругаться сквозь зубы, кляня Темных, подкинувших им таких неуклюжих попутчиков. Как выяснилось, для управления подобной легкой лодчонкой при преодолении столь сложного места нужно было не только правильно грести, своевременно меняя силу и направление ударов веслом, но еще и, так сказать, «играть телом», помогая шуструму, но очень чувствительному суденышку своевременно изменять курс, наклоняясь то вправо, то влево, а то и вообще чуть ли не свешиваясь за борт. Северяне делали это как дышали, а вот у всех остальных с подобными навыками было сложно. Поэтому, пока они прорвались-таки в нужную бухточку и вытащили лодчонку на небольшой галечный пляж, чуть дважды не потеряли гнома. А также утопили два мешка с припасами. Но, в общем, добрались.

В себя приходили недолго. Времени особенно не было. Верхушки окружающих бухточку скал уже начали светлеть, так что надо было как можно быстрее ликвидировать все следы, способные навести посторонних на мысль, что в этой бухточке не так давно появился кто-то разумный. А ну как орки патрулируют берег? Впрочем, куда скрыться от возможных патрулей, тут место было.

— Вот здесь мы и прятались, когда орочьи патрули перекрывали нам проходы к побережью после набегов на их города и селения дальше, чем на три дневных перехода от берега, — рассказывал Эрик Трою, пока они с Ящерицей сноровисто разбирали лодку. — Орки эту бухточку никогда внимательно не обыскивали. Так, сверху посмотрят и дальше рысят... Да и вообще в эти места не особенно много поисковых отрядов отправляли. Один-два, больше и не упомню. Они ж знали, что тут на шесть дней пути драккар у пристать негде, вот и не обращали особого внимания на эту часть побережья.

— И как же вы отсюда выбирайтесь? — поинтересовался Трой, припомнив, как они мучились ночью.

— А никак, — расплылся в улыбке Эрик. — Мы здесь после набега просто отсиживались. Ну, если прижимало и добраться до условленного места на побережье не было никакой возможности... Причем чаще всего это случалось, когда мы были нагружены добычей и ранеными. А в таком составе отсюда на лодчонке ничего особенно не переправишь. Сам же видел ночью, какой здесь прибой и рифы... Тем более что к тому моменту

уже все побережье от нашего набега на ушах стояло. И орочьи галеры вдоль берега так и шастали. Так что тут мы только отсиживались. Вон там пещера есть, — он кивнул куда-то в темноту, — а для готовки тут плавника немного морем приносит. Так-то мы костры не жгли — у орков чутье почти как у собак, вмиг дым учуют. Так что только ночью и разжигали. Ну, чтобы чего горячего готовить. И то в основном чтобы раненых покормить да тряпки для них, которыми раны заматывали, наново прокипятить. А остальным уж как получится... Орки-то, хоть ночью и видят куда лучше людей, все равно в основном твари дневные. Да и скалы тут вокруг по берегу такие, что даже днем ноги переломать можно запросто. А уж ночью... Так что к тому моменту, когда их патрули поутру начинали шастать, дым уже успевал рассеяться.

— В смысле никак? — не понял Трой. — Как вы в таком случае до дома-то добирались?

— Ну, через пару недель орки успокаивались, и мы отсюда уходили и выдвигались к тем местам, где дракарам к берегу подойти можно. Там и грузились. Я ж говорю — отсюда никак не выберешься. Драккар не подойдет, а на такой лодке, — он мотнул подбородком в сторону груды костей и кожи, в которую превратилась та лодочка, на которой они добрались до этой бухточки, — прорваться через прибой в море можно, только если в ней как минимум четверо опытных гребцов будет. Сам же видел, даже к берегу тяжело, а уж обратно... А больше пятерых-шестерых в нее, сам видишь, не влезет. Если же еще хоть какую-то добычу загрузить, то и пятеро с трудом входят. Так что толку никакого лодками перегружаться. Тут скорее медведь поседеет, чем вся толпа на драккаре окажется. А драккару с неполным расчетом гребцов поблизости от берега маячить опасно. Если на румах гребцов мало — драккару от орочьей галеры ни за что не уйти.

— И что, никто никогда вас в этой бухте не обнаруживал? Даже с моря?

— Не-а, — довольно мотнул головой Два Топора. — Тем более с моря. Вход-то, сам видишь, скалой прикрыт, а с лодки обыскивать... Здесь таких бухточек не один десяток. Замучаешься у каждой останавливаться, спускать лодку и осматривать. Причем у большинства бухточек вообще выхода наверх нет. Сплошная скальная стена. Так что и смысла нет. А с суши... — Эрик мотнул подбородком в том направлении, в котором, как он говорил ранее, вроде как должна располагаться какая-то пещера. — Здесь проход по пещере. Узкий. Человек протиснуться может, хотя насчет Торварда я бы не поручился, а вот орк — точно застянет. Так что они сюда

как-то пару раз тыркнулись, застряли, а дальше и не полезли. Мы свои следы всегда хорошо скрывали. Иначе бы я перед тобой сейчас не стоял...

В той бухте они провели две ночи. Потому что, несмотря на потерю мешков, оставившую от их продуктовых запасов едва четверть, сразу отправиться в путь через незнакомую местность Трой не рискнул. Несмотря на то, что Эрик утверждал, что места здесь глухие и ненаселенные. Нет, когда-то, лет двадцать назад, все было именно так. Но как оно теперь...

Согласно тому плану, который они составили еще в Угелое, когда Трой ознакомился с тем пакетом документов, который ему передал Два Топора, на этот раз к Ахлыг-Шигу Глыхныг планировалось выйти с севера — со стороны города Аркорана, в котором к тому же Трой должен был оформить хотя бы одну подорожную. Несмотря на то что они планировали идти скрытно, без захода в поселения все равно вряд ли получится обойтись. И информация нужна, и продукты. Нет, на крайний случай можно было бы обойтись и охотой, но именно на крайний. Пока завалишь зверя, пока освежуешь, пока уберешь все следы, пока обработаешь мясо — времени уйдет уйма. Да еще и не факт, что следы получится убрать так, что их никто не найдет. Отходов-то останется много — требуха, кости, шкура и так далее. Так что даже если их закопать — не факт, что те же волки или медведи не откопают. Да и без этого все равно может остаться что-то, что заметят местные охотники — сломанные ветви, следы крови, зарубки на стволах, на которых будут рубить кости. Это только неопытному взгляду кажется, что лес большой и в нем можно спрятать все что угодно. Опытный охотник знает, что звери всегда ходят одними и теми же маршрутами, ведущими к весьма небольшому количеству мест кормежки, еще более редким водопоям и к вообще крайне редко встречающимся солончакам, зарослям целебных растений и так далее. Причем ареалы обитания любого стада, прайда или стаи всегда жестко обозначены и границы их яростно отстаиваются. Поэтому для опытного охотника не составит особого труда обнаружить и прочитать по следам все, что недавно случилось в знакомом лесу. Ну а от местных информация вполне может дойти до орков, которые непременно заинтересуются, кто это тут у них под носом устраивает заготовку продуктов...

Возможно, подобный подход слегка отдавал паранайей, но уж больно ставки были высоки. Так что охотиться они собирались только тогда, когда пойдут совсем уж глухие места. А поблизости от поселений или торговых трактов вообще лучше питаться всухомятку, не разводя костров. Соваться же в поселения без подорожной в центральных провинциях земли Глыхныг

— это лезть прямиком орку в пасть. Это здесь, на севере, можно было хоть как-то надеяться на бардак и отдаленность, а там... Высаживаться же в более населенных местах Трой после того случая с рыбаком, который выдал его орочьим патрулям, опасался. А ну как кто случайно заметит — и нате пожалуйста, получайте полноценную загонную охоту, которую орки так любят... Так что после прибытия они со Свириниэль полный день рыскали по окрестностям, разведывая подступы и пытаясь обнаружить чьи-нибудь лишние глаза поблизости. Но все было тихо. Поэтому уже на следующее утро их небольшой отряд двинулся в путь...

— Герцог, а вы уверены, что этот человек сумеет все сделать так, как надо? — гулко прогудел Авлин, когда Яхан уже закончил переодеваться в лохмотья, которые они позаимствовали четыре дня назад с парочки страшил, охранявших от птиц поле вики. Эрик тогда еще побухтел, что местные совсем зажрались. Вполне себе еще приличные вещи на подобноепускают...

— Если бы кое-кто не утопил наши припасы, нам сейчас не потребовалось бы лезть в это село, — огрызнулся Эрик. После того как ему пришлось выбирать, что поймать — гнома или мешки с припасами, вследствие чего они и оказались в столь незавидном положении, северянин гнома невзлюбил. И постоянно искал, чем бы зацепить. Правда, только словесно. Но вовсе не вследствие собственной сдержанности, а потому что Трой еще в самом начале заявил, что первая же их физическая стычка будет означать для ее участников мгновенное изгнание из команды. Когда же Свириниэль попыталась возразить, что без гнома им не удастся скрыть последствия ритуала, вследствие чего после его окончания Темная ветвь будет светиться в магическом диапазоне как самая яркая звезда небосклона, герцог Арвендейл холодно заявил, что предпочтет рискнуть и пойти вот таким «светящимся», нежели продолжить путь с кем-то, кто не способен верно и точно исполнять взятые на себя обязательства и не умеет работать в команде. Ибо в этом случае шансов выполнить необходимое точно будет меньше. Так что Два Топора даже при самом сильном раздражении старался держать свои кулачищи подальше как от своих любимых «Братьев», так и от физиономии гнома. Авлин же на все его наезды реагировал даже не с гномым, а скорее, с эльфийским высокомерием. То есть просто задирал нос и холодно молчал, не реагируя на наезды. Вот и сейчас он молча смотрел на герцога Арвендейла, полностью игнорируя Эрика.

— Вы можете предложить для выполнения подобной задачи более подходящую кандидатуру, гленд? — с легкой усмешкой поддел его Трой.

Гном дернул щекой и отвернулся. Да уж, похоже, у себя дома гном точно очень давно был весьма влиятельной фигурой, на которую даже наезжали со всем возможным уважением. Поэтому прямые и грубые выпады северянина его, несомненно, сильно задевали. Хотя он изо всех сил старался этого не показать. Трой вздохнул. Пожалуй, стоит переговорить с Два Топора, чтобы он умерил пыл. Незачем доводить Авлина до взрыва. Никому от этого легче не станет...

К вечеру Ящерица не появился. Так что спать пришлось ложиться на голодный желудок. Ночью решили не дергаться, а с утра выдвигаться на опушку и попытаться рассмотреть, что там творится в деревне. Однако обошлось. Яхан появился в лагере с рассветом. Но после того как он рассказал, что с ним произошло, пришлось срочно собирать манатки и давать ходу. Слава богу, продуктов он все-таки принес.

— Так они ж меня как раз в подвал трактира и упятали.

— Прямо к окорокам? — хмыкнул Эрик, на ходу уминая здоровенный кусок буженины, зажатой между двумя кусками хлеба размером в полкаравая.

— Ну, не совсем, — улыбнулся Яхан. — Там каморка была в углу, вот туда они меня и определили. А дверь поленом приперли. Посчитали, что против дурачка этого достаточно. А как все затихло, я ножом через щель бревнышко отодвинул да и выбрался. А тут все к моим услугам...

— А где ты прокололся-то, что тебя загребли? — пыхтя, поинтересовался гном, также успевающий на ходу отдавать дань жирному копченому каплуну.

— Да нигде, — пожал плечами северянин. — Они меня для мясного налога взяли. Недодумал я. Это для жертвы дурачок не подходит, а в котел — вполне. А у них сейчас тут с человечиной беда полная. Очень много народа на алтарях извели. Так что хотя орки налог и уменьшили, для оставшихся он — тяжкое бремя... Ну, судя по тому, что я услышал, пока меня к старосте волокли. Тот такой радостный был, когда меня увидел, что мне даже немного стыдно было, когда я из подвала выбрался. Вот, думаю, человек расстроится... — И Ящерица хитро улыбнулся.

— Что насчет погони думаешь? — поинтересовался Трой. — Скоро очухаются?

— Вряд ли, — качнул головой Яхан. — Народу в деревне почти нет. На центральной улице у двух третей домов ставни крест-накрест горбылем заколочены. А я думаю, в жертвы точно не с центральной улицы начали отправлять. Да и вообще я из мужиков только троих видел. Да и те скорее старики...

— Все равно, четыре часа идем самым быстрым темпом. Ну как лес позволит... Свириниэль?

— Слушаю, Трой, — тут же отозвалась эльфийка. Вот уж кому лес точно не мешал, так это ей.

— Можешь намагичить пару-тройку сигналок, чтобы точно знать — идут за нами или нет?

Эльфийка задумалась, а затем кивнула:

— Сделаю. Только надо найти место, которое не обойти. Овраг, ручей, прогалину в плотных зарослях.

До вечера сигналки так и не сработали, так что Трой решил возможным посчитать, что погони не было. А вот начет того, что староста не отправил гонца к ближайшему орочьему стойбищу, никакой уверенности не было. Вернее, наоборот — восемьдесят к двадцати, что отправил. Поэтому им следовало уйти от той дороги, вдоль которой двигались до сих пор, и попытаться двинуться напрямик. Тем более что Эрик утверждал, что знает путь через лес...

До Аркорана добрались почти без проблем. Два Топора действительно неплохо помнил маршрут, хотя три раза они немного запутали, поскольку запомнившиеся Эрику ориентиры за прошедшее время просто исчезли. Старый, кряжистый дуб оказался срублен, три кривые сросшиеся сосны были, похоже, опрокинуты ураганом, после чего благополучно сгнили, а приметный мыс на реке за прошедшее время практически полностью размыло. Но пень от дуба сумела обнаружить Свириниэль, на полуслгнившие стволы сосен после часа поисков наткнулся лично Трой, а место, где был мыс, отыскал гном с помощью небольшого рунного ритуала. Как он выразился:

— Земля все помнит. Только надо уметь спрашивать...

Так что уже на третий день они вышли к торговому тракту и, сторожясь, двинулись вдоль него. А на одиннадцатый добрались до Аркорана.

На этот раз Трой решил отправиться в город вместе с Ящерицей, рассудив, что, во-первых, в случае чего вдвоем отбиваться сподручней, а то, если что, из города выбираться будет куда сложнее, чем из почти обезлюдевшей деревни. Стены, стражи, да и орки в городе, скорее всего, имеются... Ну и пара подорожных лучше, чем одна. В городах-то их требовали нечасто, а вот в любом поселении староста был обязан ее непременно спросить... Тем более что ближе к Ахлыг-Шигу вполне могла сложиться ситуация, когда заход в какое-нибудь поселение за продуктами и информацией окажется потенциальным походом в один конец. То есть, по

идее, таковая опасность существовала и сейчас, но пока Трой оценивал вероятность подобного исхода не слишком высоко. При наличии подорожной, конечно. А то все могло бы окончиться, как у Ящерицы в том селении, в которое он зашел за продуктами. Только с куда более печальным итогом... А вот ближе к орочьей столице все должно было стать куда более сурово. Но при этом могла сложиться ситуация, когда надо будет рискнуть. Причем в случае, если рисковать придется ему самому, риск может оказаться неоправданным. И на такой случай лучше, если у них будет человек, потеря которого не сделает бессмысленной всю экспедицию. Тем более что Ящерица уже успел зарекомендовать себя как человек, вполне способный находить выход при резких изменениях обстановки.

Город встретил их с северянином настороженно. Несмотря на то что стражу у ворот несли люди, да и на городских улицах орков также было не видно, в городе они точно были. Трой сразу и не понял, откуда у него появилась уверенность в этом, а потом до него дошло, что дело в запахе. Здешние орки пахли по-особенному, не так, как их восточные собратья, которые, впрочем, не столько пахли, сколько воняли. Жуткой смесью немытого тела, варжьего и овчье навоза, запаха гниющей пищи изо рта и еще черт-те чего. Эти же действительно пахли хоть и неприятно (ну, на вкус Троя), но и не так, чтобы вышибало слезу. Да и вообще, вполне возможно, не ассоциируйся подобный запах с орками, он бы не то чтобы Трою понравился, но скорее всего не раздражал бы. А сейчас раздражал...

Людей на улицах по светлому дню было не так чтобы и много. Но те, кто были, бросали в сторону двух чужаков не очень-то радушные взгляды. Так что они с Яханом, шустро перейдя привратную площадь, нырнули в боковую уличку и протопали пару кварталов. После чего сделали еще пару поворотов и вышли на небольшую и совершенно пустынную площадь. Теперь предстояло оглядеться и найти возможность собрать первичную информацию. Информация о кое-каких контактах у Троя была еще со времен его предыдущей вылазки. Прежде чем он выбрался из клетки, Толстая Лубь рассказывает ему о своих контактах в Аркоране, да и о самом городе тоже. Да и в тех бумагах, которые привез ему Эрик, также кое-что было. С теми беженцами, что они вывезли из прибрежных городов земли Глыбныг во время их предыдущего дерзкого рейда, основательно поработали и сумели многое накопать. Потому что среди беженцев оказалось и несколько представителей криминальитета с обширными связями по всему побережью и северу. Так что совсем уж слепым котенком он не был. Но какие из этих контактов все еще живы и действующие — еще предстояло узнать.

— Вон таверна, — оживился Ящерица, кивая в сторону потемневшей деревянной вывески, на которой было вырезано изображение кружки и тарелки с лежащей на ней птичкой ножкой. Не то чтобы очень уж искусное, но вполне узнаваемое. Трой огляделся по сторонам. Больше никаких забегаловок поблизости не было, так что выбирать было не из чего. Поэтому он повернулся к спутнику и согласно кивнул.

В тавerne было пустовато. И дымновато. Похоже, в очаге забился дымоход, а хозяин почему-то не сподобился пригласить трубочиста. Они прошли через весь зал и уселись за стол в дальнем углу, у окна с распахнутыми ставнями. Тут дышалось слегка полегче. Некоторое время ничего не происходило, но затем толстый мужик, стоящий за стойкой, который пару раз бросил на них вопросительный взгляд, повернул голову и что-то рявкнул в сторону женщины, сидевшей сбоку от стойки на колченогом табурете, обессиленно опустив руки. Однако та никак не отреагировала на этот рык. Мужик тяжело вздохнул и, выйдя из-за стойки, пошканьбал к ним, тяжело припадая на протез, бывший у него вместо левой ноги. Впрочем, похоже, человеком он был весьма опытным, поэтому сразу же прихватил кувшин с пивом и несколько глиняных стаканов.

— Что будете заказывать? — поинтересовался тавернщик, бухнув на стол кувшин и стаканы.

— А чего есть? — тут же поинтересовался Ящерица.

— Бобы тушеные, флис вчерашний, грудинка жареная, но только остатки, — перечислил хозяин.

— Неси все, — решил Трой, поднимая кувшин и разливая пиво. — Но чуть позже. А пока присядь и выпей с нами. Посетителей у тебя, как я вижу, немного, так что развлечи нас доброй беседой. Мы пришли издалека, и нам интересно, что творится у вас в городе. А то стражи на воротах как-то слишком подозрительно на нас смотрели.

Хозяин удивленно взорвался на них.

— Издалека? Но-о... как? Ведь Большие люди запретили покидать свой омнон.

Трой мысленно чертыхнулся. Вот и первый прокол... Омнон в земле Глыбныг был чем-то вроде графства. С тем отличием, что центром каждого омнона непременно являлся город. И что теперь делать?

— Ну, ты же, наверное, знаешь, хозяин, что есть такие люди, которые всегда готовы помочь другим людям в исполнении их желаний, — вступил в разговор Яхан и, подмигнув хозяину, продолжил вкрадчивым тоном: — Разных желаний. В том числе и тех, которые не слишком одобряются Большиими людьми. Вот мы как раз на таких и работаем.

Трой бросил на Ящерицу благодарный взгляд. Молодец парень. Быстро среагировал. Однако реакция хозяина оказалась совсем не той, на которую можно было рассчитывать после таких заявлений.

— В-вы... — дрожащим голосом произнес он с выражением дикой надежды на лице, — вы привезли усть?

Трой с Ящерицей переглянулись.

— Усть? О чём ты, добрый человек?

Трактирщик нетерпеливо махнул рукой и торопливо заговорил:

— Не надо, я знаю. Мне сам Тутрикм говорил, что скоро будет поставка. Буквально на днях. А мне усть очень нужен, очень. Жена без него заснуть не может. А если вдруг засыпает, так сразу же просыпается и кричит. Жуть как кричит. Потому ни я, ни жена ночью спать не можем. А нам ведь работать надо. Народ обслуживать. У нас таверна известная — вся округа к нам ходит. Вы не смотрите, что сейчас народа нет, вечером тут не протолкнуться будет. Да к нам даже, бывает, Большие люди заходят. И какие! Сам Фыхкаг у нас как-то обедал... А жена, если без усля, так совсем никакая. Или даже того худее — третьего дня еле успел ее из петли вынуть. Уже даже почти бочку оттолкнуть успела. Чудом добежал, с такой-то ногой...

Трой с Яханом переглянулись, после чего герцог Арвендейла осторожно поинтересовался:

— А что у вас случилось?

Трактирщик удивленно взорвался на него, почти сразу же у него на лице нарисовалось понимание.

— А, ну как же, ну как же... вы ж не местные... — И он горячо заговорил: — Мы заплатили все, все налоги, совсем все. Более того, наши старшие, Иттиль и ее брат Умтур, ушли в Ахлыг-Шиг добровольно! — Тут голос трактирщика начал звучать с надрывом: — Шаманы очень ценят тех, кто согласился стать жертвой добровольно. Так что мы получили освобождения от мясного налога на двенадцать лет! Сам Старший шаман Ивхыг выдал нам индульгенцию!! — Тут трактирщик дрожащей рукой схватил стоящий на столе стакан с пивом и одним глотком осушил его. Несколько мгновений он сидел, отдуваясь и тяжело дыша, а затем его плечи опустились, и он заговорил уже глухо: — Ивкиль все называли Солнышком. Она и была им. Веселая, смешливая, всегда с улыбкой. Ее голос звонким колокольчиком разносился по всей улице. Не было никого, кто посмел бы ее обидеть. Наоборот, наши соседи сами набросились бы с палками на любого, кто только лишь бросил злобный взгляд в ее сторону. Ее все любили. Все... — Он снова тяжело, со всхлипом вздохнул. — Они

приехали из столицы. Старший шаман и двое учеников. Ивкиль как раз побежала к матушке Умитее за молоком. Жена собиралась делать уфту, а молока, чтобы запарить зерно, как на грех не оказалось. И Ивкиль сама вызвалась сбегать принести. Она уже возвращалась, когда они, они... — Трактирщик всхлипнул, а сидевшая рядом со стойкой женщина завыла в голос. Трой с Яханом окаменели.

— Они даже не стали ничего смотреть или спрашивать. Просто взяли мою девочку и-и-и... — Он гулко сглотнул и закончил уже еле слышным шепотом: — Когда я прибежал в Хилл-холл, они уже выпотрошили ее и, насадив на вертел, поджаривали над очагом. Она... она уже даже подрумянилась... — Он замолчал. Трой сидел окаменев. Лицо Яхана превратилось в застывшую маску. Страшную маску... Несколько минут в таверне висела абсолютная тишина. Даже угли в очаге отчего-то перестали трещать и постреливать. А потом трактирщик вздохнул и заговорил как-то уже более спокойно и уныло:

— Они тогда сильно ругались, кричали, что мяса мало, и потому еще отрубили мне ногу. По колено. Но я бы отдал обе и целиком, если бы это могло вернуть мою доченьку. Они ведь даже не стали смотреть мои бумаги. А я ж все принес, все. И на уплату, и от Старшего шамана, и из магистрата опять же, а они... — И тут же заговорил на другую тему, причем куда более нервно: — Так что мне усть край нужен. Я даже подороже могу купить, если что. Не намного, но... Так как, продадите? Или уже Тугрику все сдали? — Его глаза лихорадочно ощупали их фигуры и впились в лежащие рядом мешки. Яхан бросил на Троя вопросительный взгляд. Тот пока никак не отреагировал. Он еще не понял, что и как надо делать в такой ситуации. В принципе кое-какой толк от захода в таверну был. Они узнал имя одного из криминальных главарей этого города. Причем Толстая Лубь, как ему помнилось, упоминала его в числе тех людей, которые были ей должны. Так что первую ниточку они, так сказать, ухватили. Но вот что делать с трактирщиком? Просто уйти? А как он на это отреагирует? Вполне может вцепиться и разораться. Трактирщик же все продолжал говорить:

— ...и это еще ладно, если просто повеситься. Я другого боюсь — не дай Благословенная Шиг, кто из Уважаемых Больших сюда зайдет. Она... — Тут трактирщик едва не задохнулся от возмущения: — Она же может их оскорбить!

— Вот, угощайтесь, госпожа! — Человек, обратившийся к эльфийке, протянул ей глиняную миску и уставился на нее восторженным взором.

Свириниэль мягко улыбнулась и, протянув руку, взяла миску, наполненную странным варевом, включающим в себя растительное масло, орехи, мед, пареную крупу и еще полдесятка других ингредиентов растительного происхождения. Именно так, по мнению аборигенов, и должна была выглядеть «настоящая эльфийская еда». Откуда они только про нее вообще узнали?.. Впрочем, несмотря на то, что внешний вид данного продукта был крайне неаппетитным, на вкус он оказался вполне себе приемлемым. А есть уже действительно хотелось. Так что Свириниэль поудобнее перехватила миску и выудила из-за голенища своих сапожек аккуратно замотанную в полосу эльфийского шелка ложку, после чего с аппетитом принялась за еду.

В этот лагерь, расположенный в самой глубине огромного лесного массива, занимающего почти половину севера земли Глыхныг, который начинался в предгорьях и тянулся аж до самого берега, они попали случайно. То есть в сам-то лагерь их привели проводники. Но на проводников они наткнулись именно случайно, на третий день изнурительной погони, во время которой их отряд отчаянно пытался сбросить с хвоста орков, севших им на хвост после того, как этот арвендейльский идиот со своим прихвостнем-северянином устроили в Аркоране настоящую резню. Узнав о подробностях которой, Свириниэль в очередной раз задала себе вопрос, а есть ли вообще в голове у людей мозги или там действительно всего лишь сплошная кость? Ибо ничем другим объяснить сотворенную ими глупость было просто невозможно...

В экспедиции Свириниэль оказалась в качестве наказания. Высокородная Кастимионэль не простила ей фиаско с «объектом» и сначала устроила феерическую взбучку, а затем заявила, что дает ей последний шанс. Нет, дрессировать на этот раз никого не надо. Это надо было сделать раньше, до момента прибытия возглавляемого этим человечишкой посольства в Лесные чертоги. Именно поэтому Высокородная и провела через Совет идею задержать делегацию людей на пограничной заставе на точно такое же количество дней, на которое эта делегация задержалась с выездом из столицы. Никакое «По-эльфийски тонкое унижение» здесь было ни при чем! Ну почти... Подобное

объяснение было предназначено для всяких простаков (каковыми, впрочем, Высокородная считала почти все нынешнее поколение эльфов сверху донизу). Истинный же смысл предпринятого заключался именно в том, чтобы предоставить Свириниэль достаточно времени для выполнения поставленной ей задачи. И вот после того, как Великая провидица и Старшая элери Великого дома Аэливар сделала все, чтобы ее бестолковая поручница добилась успеха, — та взяла и все провалила! И ведь всем известно, что любой эльфийке стоит только поманить человечка пальчиком, как он тут же превращается в пускающего слюни вожделения теленка. Пальчиком! Поманить! Один раз! Ей же, бестолковой бездари, на исполнение столь легкого поручения не хватило целой недели! Поэтому Высокородная, в милости своей, более не будет ставить перед этой тупицей и ничтожеством неподъемные для нее задачи, а ограничится поручением, исполнить которое способен даже тупой крестьянин из числа людей... Короче, на этот раз ей было поручено войти в состав экспедиции, отправляющейся в землю Глыхныг для того, чтобы разобраться с воплощением Шиг-Хаоры, главную роль в которой должен был играть все тот же «объект». Но кроме основной задачи Старшая элери Великого дома Аэливар поставила перед ней еще одну — не менее, по ее словам, важную. А именно — Свириниэль должна была сделать так, чтобы этот самый человечек, после того как он поразит тем артефактом, которым он столь гнусно завладел, воплощение Шиг-Хаоры, на этом великом деянии и завершил свой земной путь. Причем сделать это надо было так, чтобы на эльфов не пало ни малейшего подозрения. В идеале лучше всего было бы сделать так, чтобы он погиб от лап орков прямо там, в храме, сразу после того, как нанес свой удар. Как Свириниэль этого достигнет, Высокородной было совершенно наплевать. Главное, чтобы это было сделано.

Задача, несмотря на всю ее кажущуюся для любого эльфа привычность, реально была довольно сложной. В первую очередь потому, что невозможно было рассчитать временной параметр ее исполнения. То есть теоретически способов устраниТЬ объекта после выполнения главной задачи так, чтобы ни на нее, ни на эльфов не пало никаких подозрений, а объект погиб прямо на месте своего «подвига», было множество. Так, можно было заранее дать ему долгодействующий яд, причем лучше даже не смертельный, а просто сильно замедливший его силу, скорость и реакцию. Можно наложить на него отложенное плетение или подвесить в ауру паразита... Да просто проклясть, в конце концов. Но вся беда была в том, что даже после того, как они прибудут к месту финального действия и над Тайной ветвью будет проведен необходимый ритуал, угадать, сколько точно

времени потребуется главному объекту на то, чтобы пробраться к храму и поразить Шиг-Хаору, было нельзя. Это действие могло занять как несколько часов, так и несколько суток. Да и вообще успех мог прийти вовсе не в первой же попытке! И что делать? Даже если попытка будет одна, то, если не угадать со временем, любое из вышеупомянутых действий вполне могло бы послужить причиной провала первой и самой главной части задания. Представьте себе, что в тот момент, когда человечишко будет подкрадываться к Шиг-Хаоре, его скрутит от наконец-то проявившего себя в полную силу действия яда? Или отложенное плетение сработает в тот момент, когда он будет преодолевать городскую стену Ахлыг-Шига? А если еще учитывать, что то же отложенное плетение и спящее проклятие вполне способны сработать от сработавшей магической ловушки, простые решения становились совершенно невозможными.

Нет, оставался шанс выполнить вторую часть задания на, так сказать, отходе. Хотя с дрессировкой человечка у нее пока по-прежнему были серьезные проблемы, но вот доверие у него ей завоевать вполне удалось. Так что подсунуть ему напиток с тем же долгодействующим ядом или навесить какое-нибудь орочье проклятие (в архивах Лесных чертогов какой только информации не имелось) было бы довольно просто. Но ведь Свириниэль собиралась не только выполнить все порученное, но еще и выжить. Это людишки с их нищим, убогим и коротким существованием легко способны разменять свою жизнь на жизни врагов. Ну что они теряют — десяток-другой лет, к тому же наполненных болезнями, и старость? Она же потеряет сотни лет, причем, наоборот, наполненных именно возвышением и величием... А вот с этим, в случае если ей придется дожидаться результатов его рейда к храму Шиг-Хаоры, должны были бы появиться большие проблемы. Каким бы результатом попытка человечка совершивший свой «подвиг» не окончилась. Потому что и в случае, если человечку все удастся, и в случае, если попытка поразить их орочью Богиню окажется неудачной, реакция орков на столь чудовищный вызов, несомненно, будет просто фееричной. Поэтому для лучшей сохранности собственной тушки Свириниэль в этот момент лучше находиться как можно дальше от эпицентра этой реакции. И как в этом случае быть со второй частью задания?

— Вот, госпожа, свежий морс!

Эльфийка снова ласково улыбнулась и с благодарным кивком приняла грубоватый глиняный стакан. Ох, какие же эти людишки забавно одинаковые. Ну, за редким исключением... Свириниэль вздохнула: и в наказание за что ей в качестве объекта досталось именно такое

исключение?

— Привет, Свириниэль, все еще дуешься? — Эльфийка, никак не ответив на вопрос, продолжила с каменным лицом мерно поглощать ложку за ложкой. Подошедший же уселся рядом на поваленный ствол дерева и, не особенно расстроившись, махнул рукой крывающемуся рядом местному:

— Эй,уважаемый, есть что пожрать?

— Конечно, Алькюлля! — радостно взвыл тот. — Крупянку с мясом будете? Или постное?

— Давай крупянку, — добродушно махнул рукой не просто некий представитель высшей аристократии людышек, а ажно целый герцог и легенда северян, что слегка исковерканное прозвище переняли и обитатели этого лагеря, и с хрустом потянулся. — И попить чего горячего. А то что-то горло саднит.

Свириниэль едва заметно скривилась, ругнувшись про себя — отдрессируешь такого, как же... он же непоколебимо уверен в том, что все всегда делает правильно, после чего повернулась к своему спутнику и главной надежде, вроде как со многими оговорками, но все-таки постепенно вновь зарождающегося союза эльфов, гномов и людей. Воплощенная темная богиня во главе орков напугала почти всех.

— Ты должен был давно уже понять, что я сержусь на тебя не потому, что ты сделал что-то ненужное или недостойное, а потому, что твой поступок поставил под удар всю нашу миссию. Подумай, что для людей, если уж тебе плевать на Высоких и Могучих, значит больше — десяток-другой зарезанных тобой орков или низвержение воплощения Шиг-Хаоры?

— Да понимаю я все, — досадливо сморщился Трой. — Но и ты меня пойми. Нам в Аркоране такое рассказали, что, не соверши мы то, что совершили, я бы потом на любого орка как бешеный кидался. Мне бы только при взгляде на них напрочь башню сносило бы. И не только мне, кстати... А сейчас — наказали виноватых, сбросили напряжение и все снова в норме. Или не так, скажешь?

— В норме-то в норме, только, согласись, чудом. Не нарвись мы на проводника, что бы делали?

— Да ничего, — ухмыльнулся Трой. — Порубили бы их на хрен — и все дела. Ты же сама видела, среди тех, кто за нами увязался, опытных бойцов было раз-два и обчелся. Остальные сопляки какие-то. Нет, наездники-то они неплохие, на варгах держались вполне себе хорошо, а вот как вояки — слабые.

— И когда это ты все это разглядеть успел? — слегка сварливо поинтересовалась Свириниэль.

— Так я ж на отходе троих или четырех ссадить успел, — слегка удивленно пояснил Трой. — Парочку у того кривого оврага, когда они нас первый раз нагнали, а еще одного или двух почти в самом конце. И только с одним повозиться пришлось. А остальные так — пастухи, похоже. То есть ездить умеют хорошо, а с оружием не очень.

— Четверых? — удивилась Свириниэль. — Орков? Один на один?

С ее собеседника мгновенно слетела вся та ленивая бесшабашность, которую он только что демонстрировал, и Трой досадливо сморщился.

— Ну-у... то есть... ты права, конечно. Опасно было с ними сцепляться... надо осторожней... скрытно.

— Олькюлле имеет право нанести на нижний край щита не меньше двух сотен зарубок, — почти торжественно произнес незаметно подошедший к ним ярл. — И вряд ли хотя бы рука из них придется на долю его врагов из числа людей. Остальные — орки. А тех, кого он не поразил лицом к лицу, там вообще нет.

— Эрик! — тихо взвыл официальный глава их небольшого отряда, разворачиваясь к северянину с выражением крайнего раздражения на лице. — Ну, кто тебя за язык тянул?!

Но Свириниэль его не слушала, изумленно глядя на человечиш... хм, человека. Две сотни орков, сраженных врукопашную человеком, это... это... это немыслимо! Конечно, герои эльфов не раз сражались с десятикратно превосходящими их силами орков, повергая на землю сотни врагов и временами даже обходясь без потерь. Но происходило это, как правило, на выбранных самими эльфами и заранее подготовленных в инженерном отношении позициях, на которых появлялась возможность максимально воспользоваться их природными преимуществами. Когда же доходило до рукопашных схваток... м-м-м... эльфы, которым настолько не повезло, увы, не имели никаких шансов выйти в герои... Об этом не слишком распространялись, но вся верхушка эльфов была полностью в курсе реальных раскладов. Ибо нет ничего более опасного для государства, чем строить свою политику на иллюзиях. Любых, как о собственном могуществе, так и о собственной ущербности. Впрочем, иллюзии о собственном могуществе куда более разрушительны... Кто же такой сидит сейчас рядом с ней? Кого ей повелели сначала приручить, а теперь убить?

— Это правда? — тихо спросила эльфийка, когда, наконец, сумела справиться с охватившим ее изумлением. Трой покосился на нее раздосадованным взглядом и буркнул:

— Ну да... то есть все не так, как ты, наверное, думаешь. Большинство тех, кто погиб от моей руки, были под откатом, так что они просто валялись

на земле или там на полу храма и не могли оказать никакого сопротивления. Так что в подобной победе нет никакой доблести...

Ага, как же тогда можно сказать, что у эльфов нет ни одного Великого героя. Ну почти... Ибо какая доблесть может быть в том, чтобы просто расстрелять сотни орков, зажатых между засеками, завалами и волчьими ямами и к тому же попавших под многоуровневые комплексные заклинания друидов и магов.

— Неправда, Олькюлле, — покачал головой Два Топора, — когда я осматривал трупы в Эл-Северине, у многих в лапах было оружие, перерубленное твоим мечом. И потом те две дюжины, что ты положил на галере, разве они тоже были под откатом?

— Там я напал на них внезапно, — сердито пробурчал Трой. — Они просто не были готовы.

Северянин расхохотался:

— Ну, еще бы они были готовы! Один почти голый человек с мечом в руках нагло лезет на несколько десятков орков. Как им к такому готовы-то быть?

— Да ну тебя, — махнул рукой объект текущего обсуждения. — Вечно ты все испортишь, Эрик. Ну, кто тебя за язык-то тянул? Теперь, вон, иди сам с ними разбирайся... — И он кивнул подбородком на толпу местных, обступивших их со всех сторон и ошеломленно пялящихся на Троя. Между тем толпа начала прирастать все больше и больше. Люди сбегались со всех концов лагеря. Не сами по себе, нет. И даже, похоже, не из простого любопытства. Ну, типа, а чего это тут народ собрался, а? Люди начали сбегаться потому, что часть тех, кто услышал разговор между Свириниэль, Троем и Эриком, как-то странно возбудились и, выбравшись из толпы, побежали по лагерю, что-то возбужденно крича. Так что большая часть тех, кто сейчас сбегался со всех сторон, судя по всему, как-то отреагировали именно на эти крики. Трой тяжело вздохнул и, поднявшись, начал:

— Эм... люди, дело в том, что я не...

— Восточный витязь... — тихо прошептал кто-то. Трой осекся и озадаченно нахмурился.

— Восточный витязь... точно... орков разит... — загомонили вокруг, — нет ему противников... ночью не спит... свобода воссияет... свет озарит... — В этот момент из собравшейся вокруг них толпы выбрался довольно могучий мужчина с всклокоченной седой бородой, в которой запутались пара кусочеков лепешки и шматочек жареного яичного желтка. Окинув Троя напряженным взглядом, он хрипло спросил:

— А скажи-ка, чужеземец, почему это за тобой так упорно гнались

Большие люди?

Трой нахмурился. В лагере явно творилось что-то очень необычное, так что отвечать на этот вопрос следовало очень аккуратно. Иначе можно было вляпаться в нечто неожиданное, которое, не исключено, может заметно помешать всей их команде в выполнении их главной миссии. Ну, типа, гостеприимные хозяева этого затерянного в лесах лагеря попросят столь «великого воина» со товарищи сопроводить к побережью имеющихся в лагере женщин и детей. Настойчиво так попросят... И что в этом случае ему делать? Не с боем же прорываться? Так что над ответом на этот вопрос стоило очень хорошо подумать...

Но тут, на беду, вылез Яхан Ящерица.

— Все просто. Мы с Олькюлле вырезали в Аркоране полторы дюжины орков.

— Орков разит... орков разит... — загомонила толпа, А лицо седого полыхнуло странной гримасой, основной составляющей которой была отчаянная надежда. Ящерица же, ничтоже сумнящаяся, продолжил:

— И не скажу, что это было так уж сложно. В конце концов, эти твари также состоят из плоти и крови и привыкли ночью спать. Так что... — Но закончить ему не дали. Вся толпа в едином порыве взревела:

— Ночью не спит! — После чего люди дружно рухнули на колени и хором затянули нечто вроде гимна. Это было... чудовищно! Ну, вот честно. Потому что каждый пел... или, вернее, орал нечто, похоже, когда-то выученное наизусть, но при этом делал это в своем собственном ритме и тональности. Которые иногда даже совпадали. Но очень иногда. И никогда у всех... Так что в звучащей вокруг какофонии невозможно было уловить ни связной мелодии, ни внятного текста. То есть кое-какие слова пробивались сквозь всеобщий рев... вернее, их еще как-то удавалось различить. Причем, похоже, больше потому, что ранее их уже произносили: «Не спит... разит... бдит...», но и только. С мелодией же было совсем швах. Пришельцы из-за Долгого моря растерянно замерли, ошеломленно глядя на все это действие. Причем хуже всего пришлось Свириниэль с ее тонким слухом. Она пыталась держаться. Более того, первые несколько мгновений она даже пыталась еще что-то различить, но затем с тихим стоном заткнула уши и, пригнув голову, начала пробиваться наружу сквозь плотную толпу народа, мечтая как можно быстрее куда-нибудь убежать от всего этого ужаса. Причем для нее этот творившийся вокруг ужас был еще более пугающ и невыносим, потому что в гимне, который столь воодушевленно орали окружившие их местные низшие, она с изумлением различила признаки «эмими легендарно» — особых мифов, издревне

внедряемых эльфами в сообщества окружающих их низших и предназначенных для облегчения управления ими. То есть вот конкретно этого гимна она никогда в жизни не слышала, но вплетенные в текст мнемонемы, типа столь любимых эльфами «воссияния свободы!» и «озарения светом правды!» указывали на это столь же явно, как папиллярные узоры неминуемо свидетельствуют о виновности преступника...

Манипулятивные технологии вообще являлись хоть и эффективным, но весьма сложным искусством. Число смысловых мнемонем, к которым разумные относятся однозначно положительно, относительно невелико и от расы к расе несколько отличается. Скажем, люди куда более привержены семейным ценностям и почти не приемлют то, что они именуют «извращениями», а эльфы, наоборот, очень ценят... скажем так, свободные отношения. Для орков характерно трепетное отношение к «небу над головой», а у гномов подобное словосочетание не вызывает почти никаких эмоций. Да что там, разные виды — даже среди людей не то что одной и той же расы, а даже и одного и того же народа, но, скажем, отдаленных друг от друга большими расстояниями, либо живущих близко, но в разных (а часто и враждебных) социальных системах, именуемых государствами, список подобных ценностей может не совпадать. Или, скажем, они могут быть лексически близки, но смыслово прямо противоположны. Например, для одних свободой будет считаться возможность самим полностью определять свою судьбу, а для других это слово будет означать всего лишь желание «лечь под сильного», перебежать на побеждающую (как им кажется) сторону, «натянуть» на себя чьи-то чужие образцы, т. е. типа «стать как эльфы»... Да что там социальные смыслы — даже понятия красоты могут серьезно отличаться. Например, где-то рыжие волосы будут считаться ярчайшим символом красоты и сексуальности, а на пару тысяч миль в сторону — уже являться признаком грязной крови и вырождения. Но понятий, являющихся ценностями для всех разумных видов и рас, также вполне достаточно. Например, несмотря на все различия, большинство разумных крайне положительно относятся к смыслам, олицетворяемым такими словами, как «свобода», «правда», «достоинство», «смелость», «честность»... И это открывает для умелых манипуляторов огромные возможности! Вследствие чего эльфы, уже многие тысячелетия считавшиеся признанными мастерами подобных манипуляций, веками не только разрабатывали, но и оттачивали свои методики в этой области, часть из которых и входила в особый пул, именуемый «эмини легендарно». Отличие методик, входящих в него, от большинства других состояло в том,

что, во-первых, применяемые в нем методики и технологии были рассчитаны на очень длительную перспективу, и во-вторых, не имели никакой прямой привязки к какому-либо конкретному эльфу, Дому или Лесу. Они внедрялись в сообщества разумных в интересах всех эльфов. В целом. И были в первую очередь предназначены для того, чтобы практически любой эльф (ну, из числа элиты, конечно, рядовым эльфам и об обычных манипулятивных методиках было мало известно) или там эльфийский Дом, внезапно попавший в затруднительную ситуацию на территории, на которой в состав менталитета и ценностного аппарата местных жителей были внедрены эти специальные мнемонемы, либо затеявший экспансию на подобные территории, мог бы гораздо легче получить доступ к имеющимся у местных ресурсам. Ну сами подумайте — одно дело, когда к вам относятся как к подозрительным чужакам, от которых не ждут ничего хорошего, или в крайнем случае — просто нейтрально, а другое — если вас считают выходцами из легенд, в которых говорится, что некто, подобный вам, должен принести местным аборигенам свободу и демокр... то есть достаток и процветание. Чувствуете разницу?

Внедрение подобных мнемонем, как правило, происходило именно с помощью устных легенд, сказок, «народных» преданий, песен, торжественных гимнов и так далее, типа того, что сейчас как раз и орали местные аборигены. Так что, судя по всему, древние эльфы, проживавшие в этих местах, перед своим исчезновением успели-таки изрядно поработать над «эмими легендарно» и внедрить в традиции местных низших достаточно большое число управляющих мнемонем. Постаравшись тем самым перед собственной гибелью или (что куда менее вероятно, но вдруг) уходом всемерно облегчить своим заморским собратьям будущую схватку со свиномордыми. На это указывали такие детали, как именование героев гимна «витязями с востока» (потому что витязь — это слово из эльфийских преданий, а самый сильный из нынешних владений эльфов — Светлый лес — располагался именно на восток от земли Глыхныг), ночной характер воспеваемых в гимне победных схваток (эльфы видели ночью намного лучше людей и заметно лучше орков, вследствие чего широко практиковали именноочные схватки) и все те же «воссияние свободы» и «свет правды» еще со времен войн с гномами, ставших едва ли не фирменным знаком эльфийских манипулятивных технологий. То есть, если бы все развивалось нужным порядком, — как только эльфы с восточного континента высадились бы на побережье, люди должны были мгновенно опознать в них тех самых «витязей с востока», о которых они пели гимны и песни и слушали в детстве сказки, передаваемые из уст в уста десятки поколений, и

с радостью устремиться к ним под руку. У Свириниэль от гордости за сородичей даже дыхание перехватило. Перед лицом скорой и ясно осознаваемой гибели (иначе героев легенд совершенно именовали бы не «витязями с востока») работать на величие эльфийского народа... Это было достойно и заслуживало преклонения. Однако из за совершенно дурацкой случайности весь этот титанический труд пошел прахом! Ну почему рядом с этим невозможным человеком все всегда происходит не так?!

Пробившись, наконец, через толпу и отбежав в сторону, вedaющая со стоном опустилась на какую-то подстилку, забытую у соседнего костра после того, как ее владелец, судя по всему, рванул вместе со всеми к новоявленной «живой легенде» своего народа. Немного прия в себя, эльфийка окинула «объект», который как раз в этот момент с ошеломленным лицом оказался буквально вознесен десятками рук над собравшейся толпой, ненавидящим взглядом, но тут же поспешно стерла с лица эту крайне опасную эмоцию. И так все пошло наперекосяк! Потому что после того, как такая толпень народа уверилась в том, что именно «объект» и есть тот самый «витязь с востока» (а это уже, судя по тому, с каким воодушевлением они даже не поют, а просто орут гимны, точно произошло), никаким эльфам воспользоваться трудом своих мужественных собратьев, на грани гибели сумевших-таки исполнить свой долг перед эльфийским народом и заложить в головы низших все необходимое для его будущего величия, увы, не светит... Так не хватало еще из-за случайной эмоции испортить себе и текущую операцию. Эльфийка встревоженно огляделась, не заметил ли кто ее мимолетной слабости, и... наткнулась на наглый взгляд гнома. Тот стоял и нахально ухмылялся. Ну да, гномы были первыми, к кому эльфы начали применять свои технологии манипуляций, поэтому они успели за долгие тысячелетия войн и вражды накопить серьезный объем знаний в этой области. Вследствие чего Авлин совершенно точно опознал в гимне «эльфийскую работу». И сейчас нагло насмехался над тем, что ее блестящие результаты неожиданно для «мерзких манипуляторов» пошли на пользу другим. Да еще тем, кого сами эльфы высокомерно относили к низшим. Свириниэль нервно дернула щекой, едва заметно скривилась и, резко развернувшись, стремительно вскочила на ноги и двинулась к выделенному ей шалашу. Слава Светлым, похоже, никто кроме гнома не заметил ее эмоционального всплеска, так что за текущую ситуацию пока можно будет не волноваться. А вот подумать над тем, можно ли как-то копировать случившийся прокол, очень стоило. Эльфийке было страшно обидно, что столь благородные усилия ее древних собратьев пошли прахом из-за глупой случайности.

Устроившись в шатре, Свириниэль развязала свой заплечный мешок и принялась перебирать аккуратно упакованные в него свитки с заклинаниями, а также баночки и фиалы с ядами и различными добавками, попутно анализируя имеющиеся возможности. Лучшим вариантом, конечно, было бы просто уничтожить всех низших из этого лагеря, чтобы то, что в манипуляционных техниках именовалось как «ложная идентификация», умерло бы вместе с ними. Теоретически шанс на это имелся. И неплохой. В конце концов, люди в этом лагере располагались вполне скученно, пищу готовили в больших котлах и из того, что могли достать в набегах на склады и амбары, украсть или выследить в лесу, да и спали по большей части на земле, в лучшем случае слегка покрытой охапками веток и ветхими тряпками. Так что какая-нибудь смертельная болезнь или массовое пищевое отравление со смертельным исходом, уничтожившие все население лагеря, хоть и способны были бы привлечь некоторое внимание, но скорее всего в конце концов получили бы вполне себе устраивающее Свириниэль и эльфов логичное объяснение. Но все это имело смысл только в том случае, если до самого момента массовой гибели из этого лагеря не просочится ни клочка ненужной информации. В любом другом — подобная массовая гибель, скорее всего, послужит лишь укреплению легенды. Ибо если сразу после появления в лагере того самого легендарного «витязя с востока» произойдет случай массовой гибели людей в месте такого появления, все, услышавшие об этом, скорее всего решат, что все это устроили орки, страшно перепугавшиеся того самого «витязя с востока» и попытавшиеся убить его с помощью некоего «колдовства шаманов». То есть это не развеет, а наоборот, лишь утвердит аборигенов в истинности случившейся «ложной идентификации». Тем более что сам-то «витязь», несмотря ни на какое колдовство, выживет. Им же еще кочевать по земле Глыхныг минимум пару недель. И это в лучшем случае! Так что они точно еще где-нибудь засветятся и будут опознаны... А если еще учесть, что этот самый «витязь с востока» в конце концов поразит Темную богиню... То есть местные, очень вероятно, узнают об этом факте не сразу, но ведь точно узнают! Причем даже не обязательно, что им об этом кто-то расскажет. Связать факт того, что «витязь с востока» проследовал в сторону Ахлыг-Шига, и то, что после этого у орков развоплотилась свежевоплощенная Шиг-Хаора (а Свириниэль старалась даже мысли не допускать о неудачности миссии), особого ума не надо. Да вообще никакого не надо! Самый тупой сообразит... Так что, пожалуй, ни к яду, ни к заклинаниям и проклятиям прибегать не стоит. Галлюциногены? А смысл? Что-то еще? М-м-м... Будь Свириниэль мастером в области

манипуляции сознанием и, главное, сумей она «отдрессировать» своего подопечного, как это требовалось от нее в первоначальном задании, — шанс изменить ситуацию в нужном направлении был бы. И неплохой. Но при текущем положении дел... Ведающая вздохнула и, не выдержав, снова бросила на человека ненавидящий взгляд. Так вот, значит, как воочию выглядит «точка фокуса», о которой так много говорится при обучении провидиц... Так именуют «объект», одним своим присутствием резко повышающий шансы на реализацию одних вероятностей и надежно хоронящий другие. Теперь стало вполне понятно, почему Высокородная Кастиционэль так сильно хотела его «приручить». А когда не получилось, столь категорично повелела его уничтожить. Что ж, Свириниэль покажет себя достойной стать ученицей Великой провидицы эльфов. Если выживет. Но теперь это стало для нее уже далеко не самым главным. Если эльфы этого континента, даже стоя на пороге гибели, нашли в себе мужество отбросить страх и работать на благо всех эльфов мира, то она должна хотя бы самой себе доказать, что достойна их.